

Станислав Малозёмов

ВЕСТИ С
ПОЛЕЙ

Повесть

16+

Станислав Малозёмов

Вести с полей

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Малозёмов С. Б.

Вести с полей / С. Б. Малозёмов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Моя новая повесть - о целине. Это - не документальная работа. Изменены фамилии и имена героев повести, названия всех населённых пунктов, кроме Кустаная, областного центра, который в 1957 году принял на освоение целинных и залежных земель огромное количество энтузиастов. Большинство из них приехало по комсомольским путевкам. Они недолго жили в палатках, построили для себя добротные поселки, которые стали целинными. Об освоении целины написано много. Потому я не стал писать то, что уже и без меня всем известно. Моя повесть – это реалии «низа» всего нескольких целинных поселений. Этот «низ», простые работяги, трудились и существовали совсем не так, как в то время было принято писать в прессе и показывать в кино. То, что я наблюдал и описал - не истина в последней инстанции. Возможно, где-то всё было иначе. Но то, о чем пишу я - происходило именно так и почти ничего не пришлось придумывать.

© Малозёмов С. Б., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Глава первая

***

(Фамилии героев повести и некоторые названия населенных пунктов изменены автором по этическим соображениям)

***

-Ты, дуболом, насмерть, что ли, его зашиб? – Серёга Чалый втыкал острый луч большого мощного фонаря во все ямы, в провалы между брёвнами, разбросанными перед зерноскладом, внутрь склада за низкие бурты пшеницы забрасывал толстый пучок света. – Давай, кричи, зови его, бедолага ты хренова! Точно здесь дрались? Не путаешь с перехлёбу? Сколько выжрали?

Артемьев шел сзади, спотыкался, улетал в сторону, падал, на карачках проползал пару метров и снова превращался в маленькое, воняющее самогоном, слабое, но передвигающееся самостоятельно существо.

– А чего он даже не мычит, сучара интеллигентская!? – Артемьев прикрыл ладонью правый глаз. Он слезился после драки с Петькой и мешал смотреть. А с брови стекала вокруг глаза на щеку тонкая ленточка крови. – Петро, мать твою! Э-э-эй!!! Выходи, падаль, не трону уже! Слово зека, зуб даю!

После этой длинной трудной смысловой нагрузки и напряжения связок Артемьев вдруг замер, остановился, потерял сознание и рухнул, не сгибаясь, в октябрьскую грязь.

– Придурок, – без эмоций зафиксировал факт вылета из поиска главного действующего лица, который мог бы даже случайно на секунду просветлеть разумом и вспомнить, где снёс с копыт не менее пьяного дружка – агронома совхозного Петьку Стаценко.

Он повернул за угол склада и в трёх метрах от стены луч вытащил из темноты глубокой ямы две ноги, разлетевшиеся широко в стороны. Одна нога имела на конце сапог, на другой болталась наполовину раскрутившаяся портянка.

– Во, бляха! – обрадовался Серёга. – Компактно бились. Метров двадцать в диаметре ринг у них был. Да и недалеко от совхоза. Днём за пять минут нашел бы.

Он потянул Петьку за ноги и, скользя по глинистой жиже, пару раз сам припал на задницу, но Петра Стаценко вынул-таки на подпорченную вчерашним дождём твердь. На человека Стаценко похож не был. Лежал перед ним просто большой длинный, бесформенный кусок грязи, в котором голова не различалась от общей глинистой массы. Только, впритык приставив к телу фонарь и правой рукой сгребая с верхней части туловища глину, он как-то смахнул жижу с лица. Нос, рот, глаза и уши агронома как пробками были плотно заткнуты подсохшей грязью. Серёга приложил ухо к свитеру, к тому месту, где сердце. Под свитером было тихо как в могиле.

Ё!!!– заорал хрипло Чалый.– Он же его ухайдакал напрочь! Или захлебнулся Петро грязью. Ну, твою же метель-пургу!

Он скинул фуфайку, воткнул её агроному под голову и стал сверху, скрестив ладони, рывками вдавливать ладони в тело, в сердце. Прошло две-три минуты и Чалый, здоровенный лоб весом под сто, уже начал вырубаться. Ему казалось, что массирует он уже полчаса, не меньше. Серёга пятиэтажно выматерился и со всего маху двумя руками из положения стоя обрушил руки и весь свой выдающийся вес на грудь Стаценко Петра, соседа своего. Дом у них напололам был разделен. Входы с торцов. Жили так уже лет восемь. Дружили по-людски. А тут, не дай бог, помер! И людей-то не останется, с кем без опаски про всё можно разговаривать.

И вот тут, после массированного налёта на тело, изо рта и носа Петькиных вылетел стон вместе с глиной, слюной и кровью. Он судорожно забрал в себя чуть ли не весь воздух вокруг них, потом стал дико кашлять и блевать. Серёга перевернул его на бок и сел рядом ждать. Где-то минут через пятнадцать Петьке стало легче и он с трудом сел задом на край ямы.

– Это чего я тут? – спросил он сквозь кашель сам себя. – А-а-а! А этот козёл где, Артемьев, падаль? Я ему глаза сейчас выгрызу! Где Игорёк, мразь!?

Ну, Серёга Чалый понял, что уже можно тело доставлять домой, взвалил на горб небольшого размером Стаценко и понёс его к их дому. Недалеко. Может, километр всего.

– Идиота этого, Игорька, завтра заберём. Пусть спит покедова. Фуфайку – тоже завтра. – Серёга Чалый ещё что-то бормотал непонятное и самому, скользил, запинаясь, но фонарик держал крепко и потому шел ровно, уверенно. – Завтра, завтра всё порешаем. Всё по буквам разберем.

Было за полночь, когда в луче фонаря мелькнул темными стёклами и дорожками, засыпанными гравием, их дом. Не родной, конечно. Но свой.

Жена Ирина спала уже. Вовка с Наташкой тоже. Лампочки выключены были во всех трёх комнатах. И понёс Серёга агронома в его квартиру. Сбросил его на крыльцо аккуратно, чтобы грязь на него не попала, и не без труда распечатал по очереди все пять Петькиных карманов, как сургучом скреплённых сохшейся на ветру глиной. Ни в одном ключа не было. Дернул замок навесной, вставленный в дырку между двумя скобами, вбитыми в дверь и в косяк. Дуга замочная раскрылась и страж дома свалился рядом с агрономовской головой.

– Во как! – хмыкнул Серёга Чалый. – Правильно. Воровать там всё одно нечего. Разве что гитару да радиолу с пластинками.

А единственный на весь совхоз воришка, Артемьев Игорёк, пропитывался в эту прохладную ночь октября липкой смесью земли и глины там, где дрался с агрономом, где уронил наземь все последние силы свои, отнятые у организма битвой и водкой. Затащил Серёга обмякшее тело в маленькую прихожую. Лампочку включил. Она светила неровно, с перепадами от тусклого света до почти тусклого. Видно потому, что управляющий сегодня совхозным генератором дед Митрофанов уснул в тепле от машины, да форсунки не чистил. А солярка всегда плохая была. Привозили такую из города за сто десять километров раз в неделю. Надо было ей выход из форсунок прочищать постоянно. Но все генераторщики, трое их, дежурили через двое суток и похмелье после вольных дней лечили на работе самогоном, который сами и

гнали. Самогон шестидесятиградусный легко превращал все сложности рабочие и житейские в пустяки, если пить его помаленьку, но всегда. Иногда, конечно, надо было заглатывать эту гадость сразу помногу. Тогда вообще всё, от собственных бед до мировых проблем исчезало на несколько дней. И в пустоте этой, в забытии жилось так легко, будто ты ангел и у Господа главный любимчик. Пили все по-разному, но все. И всегда. И не считалось в совхозе бытовое пьянство ни пороком, ни нарушением трудовой дисциплины, ни моральным разложением или причиной всех болезней. Потому как без самогонки бывшие энтузиасты-целинники, верившие поначалу в своё особое предназначение и искренне ждавшие чуда от схватки своей с нетронутой природой, победы ждавшие и сказочных урожаев, которые превратят счастливую страну нашу в главную на Земле. Потому, как хлеб – не просто всему голова. Он – обозначение могущества социалистического труда. Ну, когда через пяток лет всего видно стало всем, что чудесами не бывает на свете и сделать плодородной безжизненную землю даже великая Коммунистическая Партия не в силах – стал народ запивать разочарование всем, что избавляет от мучений душевных и обиды на бессилие своё. Пили не только хлеборобы. Остальные на своих местах тоже не радовались весьма скромным достижением в полях и солидарно поддерживали земледельцев водочкой и самогоном. Оттого и валило дежурных по генератору в сон тепло, хотя по инструкции они должны были нести огонь электричества в дома чётко и яростно как Прометей.

Раздел Серёга агронома до трусов, выкинул всё остальное на крыльцо и отнес живое, но недвижимое тело на диван. Там подушка всегда лежала. Петро днём прикладывался покемарить часок. Комната агронома прогрелась очень хорошо, хотя печки у него вообще не было. Общая стенка, разделяющая дом, имела внутри семь колодцев и топилась из Серёгиной квартиры. А деньги на дрова Петро давал насильно, как бы Чалый ни сопротивлялся. Одеяло с кровати Серёга сдернул, набросил сверху на агронома, уголки подогнул, потушил свет и не торопясь пошел спать.

***

Октябрь был даже к двадцатому числу не очень-то и осенним. Ну, дожди через день. Летом бы они обильно так лились на поля... Ну, ночи посвежели, топить приходилось печки.

А так, очень даже приятной была осень. Если бы не косить остатки почти полёгшей пшеницы на сотнях гектаров, которая на солонцах и суглинках созревала аккурат к первым «белым мухам», то осталось бы работягам лежать лениво целыми днями на диванчике, наслаждаться теплом от печки и книжки читать библиотечные. И, ясное дело, потреблять водочку или самогон. Без них в степи пустой, да среди тысячи разномастных молодых мужичков и женщин, с которыми за десять целинных лет по десять раз уже переговорено всё, скукота и томление сердца от тоски. А она, тоска, из разных мест приползала. И с работы почти бесполезной, и с отдыха, одинаково тусклого, как электрические лампочки от совхозного генератора.

Какой это отдых – надоевшая рыбалка на ближнем озере, по пять раз пересмотренные фильмы, которые вместе с передвижным проектором «Украина» засылал по совхозам областной кинопрокат раз в неделю. Ну, баня ещё. Хорошая. Сами от души сделали. Но и там соберется человек тридцать в субботу и пока попарятся, да помоются, за каждым надо кого-то трезвого присылать, чтобы доволочь до дома. А где их возьмешь, трезвых к вечеру после работы? Года два назад ещё гонки по степи на мотоциклах устраивали. Вот это было развлечение. Да! Но после трёх столкновений за год со смертельным исходом лавочку эту милиция прикрыла и пугнула отчётливо, что организаторов сажать будут. Поверили все мотоциклисты.

Ну, конечно, сейчас осталось для оживления души – таскаться по бабам. Их и незамужних хватало, да и многие, связанные узами брака, узы эти развязывали – только свистни. Но, опять же, новых баб не прибывает, а долгожительницы организмы донжуанские уже отволоновали давно. Так что, по вечерам радость простая осталась – собираться у кого-то в хате и рубиться в двадцать одно или в буру. Под тот же самогончик до высшей кондиции – когда карты плохо различаешь и бьёшься с друзьями за какую-нибудь подвернувшуюся правду на кулачках до красных соплей.

Грустно было Чалому Серёге в эту ночь, когда выдернул его из дома непонятно как добравшийся, ухайдаканный самогоном до невменяемости раздолбай Артемьев Игорёк, сорокалетний дураком, приклеившийся в пятьдесят седьмом году, в свои 30 лет, к комсомольцам города Клин, направленным партией осваивать целину. В юности он оттянул три года в Нижнем Тагиле за кражу в том же родном городе Клин двадцати пяти мешков сахара со склада горпотребсоюза. Напоил сторожей до забытья, подогнал грузовик и обогатился, пихнув оптом сахар в Подмосковье. Вычислили его, поймали. Отсидел, вернулся в Клин, гулял, пил, воровал помаленьку и его уже начали отслеживать. А тут как раз – целина. Купил по дешевке путёвку в горкоме комсомола и – «здравствуй, земля целинная»! В совхозе имени Павла Корчагина Кайдарунского района общительный Игорёк прижился скоро. Не делал почти ничего. Пил, отдыхал, охмурял девок, дрался с кем ни попадя. И было ему хорошо. Уезжать не уехал бы даже по приговору Верховного суда. Сам так говорил.

– Они не дерзнут тронуть целинника с десятилетнем стажем и медалью «За доблестный труд»! – гордо говорил он всем, кто пробовал выгнать его из совхоза, и показывал медаль, которую купил в Кустанае на барахолке за три рубля у совсем тяжелого пьяницы. – Сорок лет, это уже старость. Вы же не выбросите на улицу старого советского гражданина, отдавшего молодость великой целине!

Так, напомним коротко, что было. Сидел Чалый Сергей с вечера на кухне и читал толстую историческую книжку Арчибальда Кронина «Звёзды смотрят вниз» 1935 года выпуска. Хорошая была книжка, но грустная. И вот только подумал он сменить занятие и развеяться, потому как жена Ирина и дети дрыхли уже часа три. И вот ровно в этот момент за стеклом объявилась окровавленная морда Артемьева Игорька, который орал так громко, что звук его сильно сдавленного самогоном голоса не снес в сторону ветер осенний, и двойные стёкла легко пропустили его в комнату.

– Я его убил!– верещал Артемьев Игорёк. – Я грохнул его, суку! Теперь меня расстреляют. Пойдем, Серёга, закопаем его за посёлком. Один не смогу. А тебе я пять рублей дам!

Чалый Сергей улыбнулся, потянулся, надел фуфайку. Развлечение само его нашло.

– Убить – не убил, конечно, – думал он, выходя на крыльцо. – Но найти надо. Пьяный застынет к утру.

И они пошли в степь. Туда где пьяный в зюю Игорёк дрался с таким же упитым в доску Петром Стаценко, агрономом и соседом.

– Нашлось дело! – радовался Серёга. – Так скука и пропадет. Зараза!

Нашел он агронома, принес, спать уложил. Всё это я описал, а вы прочли.

И вот спустился он с крыльца и повернул по дорожке из гравия к другому концу дома, к своему крыльцу. Шел уже. Посвистывал, напевал что-то, в последнем фильме услышанное в прошлую субботу. Но не дошел. Услышал сзади стоны. Ночью непонятно было: далеко стонет кто-то или он рядом где-то. Врубил фонарь своей с необыкновенной силой луча. Сам сделал из маленького аккумулятора для мотороллера «Вятка», зеркального отражателя, выпрошенного у знакомого стоматолога в городе, лампы дальнего света от «Газ-51», простого выключателя кнопочного и кожаного кожуха с ручкой от портфеля. Фонарь был не очень красивый, но по яркости и дальнобойности луча равных не имел в совхозе. Да, наверное, и во всём районе. Все дружки его видели, рассматривали, но почему-то больше никто себе такого не сделал. Ну, пошарил он лучом слева направо, поближе да подальше, и увидел Артемьева Игорька.

Да нет. Не так. Он увидел круглый ком грязи, медленно катящийся как больной колобок, в сторону совхоза. Заметно было, что траектория движения «колобка» уклонялась от верного пути и вела в глубь степи. «Колобок» стонал и матерился, что сразу же выдало в нём Игорька Артемьева, победившего пьяную смерть в жиге грязевой, захлебнуться которой было делом доступным любому, нажравшемуся до свиноподобия. Игорёк стонал чаще, чем матерился, поэтому Чалый понял, что совсем тяжко бедолаге. Может просто с бодуна страшного, а, вероятно, смог он и напороться на какое-нибудь острое и железное препятствие, коих накоплено было повсюду бережливыми механизаторами.

– Артемьев! – крикнул Серёга, чтобы обозначить себя.

– Помираю! – завыл Игорёк, продолжая перемещение на четырёх точках.

– Ладно, для начала развернёмся в сторону дома.

Он поднял с земли двухметровый кусок арматуры, зашел с тыла и стал поправлять этим обрезком направление движения. Он втыкал арматуру впритык к телу слева и Артемьев Игорёк вынужденно полз вправо. Где-то минут за сорок они покорили расстояние в полкилометра и Серёга докатил предмет, похожий на человека, к крыльцу его маленького домика. Дверь была открыта настежь. Чалый Сергей вошел в коридорчик, нашел там веревку и два старых мешка, обмотал мешками тело выжившего, потом обвязал мешки веревкой и стал затягивать Артемьева за конец верёвки в дом. Что удалось сделать очень быстро, потому как скользкий от глины Игорёк легко перекатывался через ступеньки и пороги. Серёга дотянул его до середины комнаты, развязал, раздел и скинул мокрого ноющего Артемьева Игорька на кровать. Вытащил из под него одеяло, укрыл, но понял, что тот замёрзнет всё равно. Печь не растоплена, дверь открыта. Температура в комнате уличная. Пошел, принес из сарайчика за три ходки довольно много дров. Затопил, покурил пока прогорели первые дрова, потом запихал в печку все остальные. Некоторые чурки даже ножкой табуретки пришлось вколачивать, чтобы поплотнее дрова легли, да побольше их влезло. Дождался пока стало теплеть в комнате и пошел, наконец, домой.

– Чем я, бляха, всю ночь занимался!? – спросил сам себя Серёга Чалый по дороге к дому, пробивая себе сухой путь лучом света. – Завтра поутряне клетки скошенные перепахивать, бляха. Не выплюсь, конечно. Ну да чего уж! В тракторе тормознусь, перекемарю часок.

Он тихо прошел через всю квартиру, скинув всё грязное в коридоре на сундук. Жарко было дома. От души натопил. Он боком сдвинул жену к стенке. Укрылся. Зевнул крепко. О чем-то пытался подумать, но не смог. Не успел. Морфей его обнял, приворожил и забрал к себе до первых петухов.

Утром, по дороге на МТС за своим трактором догнал Чалый Серёга комбайнера Олежку Николаева. Шел Олежка за чужим комбайном. Директор сказал, чтобы ему дали. Надо было докосить и подобрать нагнувшиеся коротенькие колоски почти на сорока гектарах. А свой комбайн он уронил плашмя. На размазанной дождями земле попал в колею от груженого зерном грузовика и его завалило вправо на бок. Пробовали тросами потянуть и поднять, но два «газона» покрутили колёсами на месте, побуксовали в грязи и всё. Сами еле выползли через полчаса. Директор приехал, посмотрел и сказал, что трогать его не надо. Подсохнет поле, тогда и выдернем. Приказал взять шестнадцатый номер. Мостового Кирилла машину. Кирюха сам заболел крепко. Продуло и промочило на капитанском мостике, на открытом непогоде мостике управления рычагами и рулём.

– Они, падлы, сгнобят тут нас всех, – пожал Николаев Серёге руку. – Я козлу этому, директору, месяц назад на собрании сказал, чтобы хоть брезента кусок побольше дали комбайнерам. Мы бы и крышу из него замастырили, и бока закрыли. Ни хрена! Брезент, говорит, весь на пологи ушел, на грузовики, чтоб зерно не ссыпалось. А то, что скоро и сыпаться нечему будет, если в этом месиве все комбайны затонут, или мы все сляжем, его не кусает. И мы хрен да копейку за сезон возьмем. А он, поганец, зарплату-то сполна заберёт. Да премиальные ещё. У него ж там экономисты рисуют сводки, будто совхоз уже по тоннажу поверх плана сдает зерно. Бумаги-то эти в области читают, а само зерно по тоннам сверять на элеваторах с бумагами не пойдёт никто. На кой хрен картину портить? Из Алма-Аты тоже не поедут. Им бумажки достаточно. Верят. Все ж коммунисты. Врать не умеют. Про Москву вообще молчу. Суки они все. Втравили нас в эту долбанную авантюру. Теперь вон ордена чуть ли не всем раздадут. Все и помалкивают, бляха!

Олежка основательно выматерился, плюнул под ноги себе, замолчал.

– Ну, верно, – Чалый Серёга из солидарности тоже плюнул под ноги. – Я вон сейчас пойду новый пласт подымать, раком землю опять поставлю. В ней и так ни хрена нет, так после меня вообще последнее полезное ветер высосет. А откажусь пахать?.. Могу, конечно. Тогда Ирку да детей на какие шиши кормить? Банк ограбить в Кустанае? Или секретаря обкома молотком по башке в подъезде пригреть? У него там башлей по карманам насовано – нам на год хватит. Шучу, мля...

– Это ты сперва в подъезд к нему попади. Разогнался! – захохотал громче утренних петухов Николаев Олег и снова с отвращением на лице смачно плюнул перед собой.

Дальше шли молча. На работу жутко не хотелось. И не только им. Народу на МТС плелось уже порядочно. Но и у них на лицах жизнь целинная уже давненько отразила полное безразличие к тому, что ещё десять или даже пять лет назад вызывало восторг и рождало великие надежды.

– Эй, Чалый! Серёга, слышь! – сзади шел механик с МТС Веня Кириченко, земляк. Тоже из Гомеля по путёвке занесло его сюда. Только Чалый – русак чистый, а Веня – украинец. Но украинского языка почему-то не знал, за что его поначалу и недолюбливали все украинцы, которые между собой только на своём языке разговаривали. Веню это никак не волновало, хотя свои безуспешно пытались разными способами научить его родной мове. Он почему-то артачился, за что и был в первые годы после приезда бит неоднократно. Чалый Серёга за него заступался не раз. Морды некоторым придуркам поквасил прилично. Помогало, но на недолго. Ещё раза три Веня ловил фингалы от земляков. Но Чалый всё же силой своей повлиял, видно, на земляков. Неожиданно вдруг утихло всё, утряслось как-то. Парнем Веня оказался добрым и механиком отменным. Отношения с братьями -украинцами наладились с помощью самогона и анекдотов смешных, особенно политических, которыми Веня дня на три непрерывных рассказов где-то нагрузился ещё до целины.

– Я чего тебе хочу сказать, Серёга... В трактор твой вчера вечером лазила какая-то падла. Это когда меня директор совхозный со списком нужных на комбайны запчастей вызывал. Я там час гнил, пока он разбирался. А перед уходом домой мы с помощником обходили все машины. Два фонаря хороших взяли и весь парк осмотрели. Так вот с твоего трактора какая то тварь свинтила основу под навесное оборудование. Плуги от него открутили, пневмошланги отсоединили, не порезали. А основу сдёрнули. Так что, день у тебя сегодня домашний. Я тебе основу другую дам. Но ставить и регулировать сам будешь. На мне сегодня два комбайна висят. У одного движок не заводится, другому надо шнек выправить. Цепанул землю, да погнул сильно.

– Во, бляха-Натаха, суки какие! У своих тырят! – Чалый Сергей психанул и от злости сапогом метнул вперед здоровенный кусок грязи. Кусок на полметра не долетел до Зинки Гречко, заправщицы топливом на нефтепункте МТСовском, но брызгами мутными всё же приголубил её прорезиненный плащ.

– Вот ты у меня, Серёга, теперь заправишься! – обернулась Зинка и попыталась стряхнуть брызги хотя бы снизу. – Я тебе соляры вот с этой грязью намешаю и паши потом, выбивайся в передовики!

Все, кто шел рядом с ней, засмеялись и плащ очистили носовыми платками.

– Не, ну это ж надо совсем страх потерять! – продолжал психовать Чалый. – Тракторов с навесными хреновинами всего одиннадцать в совхозе. Только пьяный вусмерть мог скрутить. Другой бы допёр, что найдут.

– Двенадцать, – уточнил Веня. – Барановичу поставили весной. Начальник МТС лично приказал. Но у Барановича новый трактор был. В феврале пригнали. Там основа заводская стояла. За посевную не мог он её изуродовать. Думай теперь.

– А кто у нас трактора на ночь дома ставит? – стал догадываться Чалый Серёга.

– Лазарев и Попович, – Венечка постучал себя по лбу. – Вот я тупырь! Вчера днём Лазарев не работал почему-то. Торчал на МТС с обеда. Вмазанный был – аж качало его. Шкив приводной у меня выпрашивал. А на хрена он ему? Трактор-то на ходу. Движок крутится. Да и знает он, что приводных нет у меня. Я в каптёрке по телефону громко орал на завскладом кустанайского, что он не всё выдал Мишке Шутову по списку. А пятеро наших в это время

на скамейке возле двери курили. И Лазарев сидел. Сейчас ещё дома, сто процентов. Похмель должно быть дикий имеет. Поправляется, небось.

Чалый развернулся и, широко раскидывая ноги на скользкой земле, рванул к Лазареву. Прибежал вовремя. Генка уже заглотил пару стаканов и обувался в сапоги. Собирался ехать в поле. Чалый Серёга здороваться повременил. Обошел трактор вокруг. Плуга на нём не было. Основы тоже. Не обращая внимания на улыбающегося Генку, Чалый открыл левую дверь ДТ – 54. Сиденья вообще не было. Вместо него, уперевшись «рогами» в панель переднюю, стояла на двух толстых плоскостях крепёжная основа. Болты и гайки от неё лежали между этими плоскостями на тряпке.

– Дык это... – Генка с открытым ртом постоял несколько секунд, осмысливая ситуацию: – Срезало у меня болты на пахоте, крепеж и плуги отвалились. А я, дурак, назад к плугам сдал. И крепёжку-то помял совсем. Ну, думаю, налажу завтра, а пока займу на время у кого-нито. Вот...

После этих слов он судорожно стал загребать по глине жидкой ногами. Чтобы смыться успеть. Но не успел. Серёга Чалый оттолкнулся от гусеницы и сразу же оказался напротив Лазарева. Дал ему поддых, не сильно, но правильно. Генка скорчился и Чалый воткнул его, согнутого, лицом в жижу и придавил на минуту за шею.

– Был бы ты гадом, Лазарев, я бы тебя уделал по полной. Потому, что воровать – это сучье занятие, позорное. У чужих тыришь, у своих – всё один хрен. Любой вор – дешевка. Дешевле коробки спичек. – Чалый Серёга убрал руку с шеи и Генка перевернулся на спину, кашляя и выплёвывая грязь. – Но ты просто мозги пропил, а потому дураком стал. Я ж тебя помню с пятьдесят седьмого. Человеком же был. Пацанов наших на гитаре учил играть. Волейбольную команду собрал. Десять совхозов мы тогда обыграли. Эх, Генаха, мля!

Чалый забрал из кабины болты, гайки, основу крепёжную, закинул её на спину и пошел на МТС. День рабочий накрылся. Семь рублей – мимо кармана.

– Ну, да и ладно, – решил Серёга. – Нагоню завтра. Там и надо-то тринадцать гектаров поднять. Сделаем.

Утро взлетело над степью лёгкое, ясное. Носились птицы всякие низко над стернёй, зависали на мгновение и планировали на россыпи зерна. Его много было, оставленного. Рай для птичек, мышей-полёвок, сусликов и сурков. Земля прогревалась под ясным, ещё не прохладным солнцем, и от неё вверх поднимался синеватый, приятный глазу дрожащий в медленно бегущем без ветра воздухе, пахнувший соломой пар. Олег Николаев тридцатисемилетний бывший комсомолец из Ярославля, шоферивший на родине после армии, как и многие городские парни и девчонки, увидел в призыве государственном – ехать поднимать целину – и романтическое, и героическое, даже исключительное для процветания страны великое дело и пошел в горком комсомола за путёвкой.

В Кустанае на курсах переучился на комбайнера, первые три года вкалывал как безумный, почти без отдыха, устанавливал рекорды по уборке напрямую, с подкосом и обмолотом. Машины под его бункер подъезжать не успевали. Фотография Олежки Николаева и на совхозной Доске Почета висела, и на районной, а на областном слёте целинников подарили часы с

гравировкой «Ударнику коммунистического труда», Почетную грамоту дали от обкома комсомола и путёвку в Пятигорск, в профилакторий для тружеников сельского хозяйства. Он, правда, не поехал. Дел в совхозе по горло было. Да и женился он здесь хоть и поздновато, в тридцать лет, зато на молодой красавице Оле Воропаевой из Мурманска, которой только-только пробило двадцать. И всё им в первые целинные годы нравилось. И жить вместе, и пацана растить, и любить целину, верить в то, что твой труд не просто нужен стране, а обеспечивает её славу и процветание вместе с трудом таких же чокнутых, вкалывающих не за рубли, а за идею. А лет через пять всё исчезло. Как и не было этой радости оттого, что ты тоже причастен к великому делу. Сын вырос до восьми лет. Учился в плохой совхозной школе, где две молоденьких девчушки после кустанайского педучилища преподавали все предметы и маленьким, и большим. Жена сидела в отделе кадров и работы у неё не было никакой. Кадры не менялись. Не приезжали новенькие, медленно спивались и регулярно вымирали разными способами старенькие. Вот их она и снимала с учета. Оля глупела на глазах, дома несла всякую чушь, которую они вместе с четырьмя тётками из отдела месили целыми днями.

– Сядь сюда и смотри на меня! – торжественно говорила она иногда Олегу. – Я прочту тебе мои новые стихи. Думаю послать их в областную газету. А потом выпущу книжку в областном издательстве. Стихи был примерно такие, причем почти все похожие:

Хорошо мне жить на целине.

Здесь любимый повстречался мне.

Здесь земля цветёт и хлеб растёт.

Целиной годится весь народ.

Ну и далее в том же духе. Страниц на пять тетрадных. Олег Николаев думал так:

– Да и хрен бы с ним, что она в свои двадцать восемь изводит бумагу на такие детсадовские откровения. Другие вон сделали на хате у одной девахи воронежской то ли церковь, то ли молеальный дом. Ходят туда вечерами, лбами бьются об пол, а весь дом в каких-то иконах, купленных на барахолке в городе, да книжки повсюду разложены непонятные. «Бог – есть любовь», «Как воплотить в себе дух Господен». И так далее. Он заходил один раз туда с другом, который ему и предложил.

– Глянем давай. Чегой-то наши девки мутят там. Моя туда ходит. Так за полгода превратилась в старуху. Платок даже ночью не снимает. А между грудями у неё на веревке висит дощечка с какой-то постной рожей и подпись внизу: « Кто не свят, тот будет проклят».

Ну, пошли они. Прорвались в хату с трудом. Девки их задрали вопросами про то, не проклянуть ли они припёрлись царствие небесное и милость божью. Мужики постояли у порога минут двадцать, одурели от запаха едкого каких-то тонких черных палочек, не похожих на свечи, да от унылого монотонного пения всех, кто стоял на коленках и регулярно опускал лоб к полу, не прекращая петь какие-то молитвы. А, может, и не молитвы это были. Не поняли Олежка с другом и ушли, озадаченные.

Задумался в одиночестве посреди бескрайнего поля хлебного Олег Николаев.

Немного времени ушло на забытьё. Очнулся он от звонка под рукой. Звонок сигналил, что бункер он намолотил полный. До краёв. Ссыпать надо зерно.

Глянул назад – грузовика нет ни рядом, ни вдали. Заглушил движок. Размялся. Огляделся. Справа, километрах в трёх, комбайн киевского парня Толяна Кравчука, противного, жадного, злого, любителя хорошо выпить и охмурить девок незамужних, да и замужних из семьи выдернуть, его комбайн сыпал из бункера по транспортёру зерно в ЗИЛ-157 с прицепом. Это была машина бригадира шоферов немца Вайсмана с Поволжья. У всех бригадиров имелись рации для связи с конторой и МТС.

Спрыгнул Николаев Олег с мостика своего и пошел быстро к машине. Вайсман уже в прицеп начал сыпать и Олежка побежал, чтобы успеть. Успел.

Было уже два часа пополудни. Он связался с МТС, с директором, сказал, что свой простой запишет на счёт диспетчера и бригады шоферов.

– Так мы тебя просто потеряли, – заорал директор трескучим голосом. – Ты где? Какая клетка?

– Сорок вторая. Через час не будет машины, директору совхоза кидаю рапорт, что вы не работаете ни хрена а только делу вредите.

Он отключился, передал Вайсману рацию, выпил стакан самогона, поднесенного помощником Кравчука Витькой Шумиловым, съел кусочек сала, поблагодарил и пошел к себе. Ждать.

– А чего ты, Женька, косишь да подбираешь вместо Кравчука? – спросил он на ходу.

– Да он попросил просто. Дела, говорит, срочные, неотложные появились.– Женька зевнул и потянулся. Устал, значит.

Машина пришла через два часа. За рулём сидел друг его лучший – Валентин Савостьянов из Тулы. Тут подружились. Можно сказать, побратались даже. Надёжнее и честнее человека Олег Николаев так и не нашел на целине кроме него.

Загрузил он Валентина. Полог вместе натянули. Проверили, нет ли щелей и Валя Савостьянов дал газу и тяжело тронулся с продавленного места. Потом остановился и подошел к Олегу.

– Это самое, братан. Ты успокойся сейчас. Успокоился? Я тебе одну вещь скажу. Не бесись только, хорошо?

– Ну, давай, чего нудишь?! – Николаев Олег сделал очень спокойное лицо и глаза опустил.

– Кравчук Толян дома у тебя был, козёл. Витёк Спицин и Серёга Чалый видели и мне передали. Потом они вдвоем вышли, сели в «москвич» толяновский и уехали как будто за совхоз. На трассу вроде. А мужики постояли ещё маленько и засекли, что «москвич» круг

сделал и потом краем по-над домами подрулили к дому Кравчука. Он машину в гараж загнал и они с Олей твоей пошли прямо в хату к нему. Было это три часа назад.

– Ё!!! – присел, схватившись за голову Олежка Николаев. – Так что ж вы раньше...а? Не знали – где я... Ну, сука! Давай, погнали! Прыгай за руль, мля! Чего застыл как снеговик! Я их, мля, обоих сейчас!!! Давай, бегом за руль. Ну, твари !!

Это были последние слова, которые услышала степь и недокошенное поле хлебное, птицы, объевшиеся зерном и торчащие как пеньки суслики. Машина, натужно набирая скорость, вырвалась со стерни на глубокую, ровную колею и как по рельсам понеслась в совхоз, отбрасывая назад облака выхлопа, чёрного, зловещего. Точно такой же угар был и в голове Николаева Олежки. Он мешал ему думать и мыслить. Потому, что весь мозг и всё существо его в тот момент были заполнены одной единственной фразой.

– Ну, конец вам, стервецы!

Валя Савостьянов чуял нутром эту фразу и, филигранно управляясь с рулем, одобрительно кивал головой. До совхоза оставался час езды, а потом всего пять минут до расправы.

Глава вторая

Имена и фамилии, некоторые названия населённых пунктов изменены автором.

***

Шел большой мужик в светлом тулупе и норковой шапке по октябрьскому утреннему холодку, ещё не хлебнувшему хоть и малого, но всё же тепла от солнца. Шел он вразвалку по лысому лесу, который без особого желания разделся догола перед наглой зимой, уже собирающейся накатиться на всё в степи и по новой, черт знает в какой уже раз, испытать на живучесть и людей, и зверей, да деревья с птицами. Им, бедолагам с крыльями, кроме как на деревьях и пережить-то зиму больше места не имелось. Сейчас, с утра, они сидели на верхних ветках и солнце потому отлавливали первыми. И от ранних, слабо греющих лучей всё равно радостно им было. Оттого пели они каждая свою песню как пьяные бабы на деревенской свадьбе. Бестолково, невпопад, заливисто и во всю глотку.

Мужик разглядывал птиц, трогал кору на березах, оглядывал старые стволы и отрывал с северной стороны кусочки мха потемневшего. Он нюхал их, разминая пальцами и, отбрасывая мох в сторону на яркие пока красно-фиолетовые осиновые и бледно желтые листья берёзовые, делал вслух замечания природе.

– Это ты напрасно, декабрь, снег несешь на ветрах. Сыпал бы мягонько да крупными хлопьями. И холодок за тридцать не нужен нам враз после дождей осенних. Озимые мне пугнёшь, а то и сгубишь. А я накидал их гектаров сто. Потому – сволочь ты, а не младший брат придурка февраля.

Рассвет уже выполз целиком и повис над холодной землёй. Да так неохотно, будто заставлял его кто. Даже пар душистый не выдавил из гиблых листьев, хотя хранят они его долго, пока

не закочeneют под сухим и злым бесснежным морозом. Мужик подхватил из-под ног горсть листьев,

понюхал их тоже и без радости головой покачал, скривился.

– Ну, не впервой нам, умным девкам, замуж выскакивать... И этого муженька обдурим. И старшенького.

Под муженьками он имел в виду и январь, и февраль, которые здесь, в степи, так буйнили, словно безмозглые мужички дома по пьяне жизнь корёжили родне – радостно и с удовольствием. Он остановился на краю лесочка перед маленьким лугом с полёгшей травой, опёрся плечом о березу, закурил, ещё раз поглядел на небо, поддерживая дорожную и редкую шапку свою из норки сшитую, выдохнул как прыгун в длину перед разбегом и уже одной ногой шагнул в сторону недалёкой дороги, по которой все ездят в город. Но притормозил его шорох справа. Не зверь это шевелился в кустах. Зверь, даже маленький, он шумный в чашобе. Он кусты преградой не признаёт. А вот человек инстинктивно перемещает себя сквозь любые препятствия с осторожностью. Это только говорят так: «природа-мать». А она иногда человечка невзначай в такой рог завернёт, что бараны да джейраны треснут от зависти. Она мать, конечно, наша, но строгая. Поэтому мы с природой-мамой особо не расслабляемся. Её бережем, как получится, а себя в природе храним аккуратно и бережно.

Пригляделся мужик в белом тулупе. Минуты три вглядывался. После чего вышел на лужок и команду отдал:

-А ну ко мне мухой! Савостин, Макушев, бегом, мать вашу!

Кусты раздвинулись и вылетели из них точно вычисленные Макушев с Савостиным. Механизаторы. Подбежали и вытянулись перед мужиком как рядовые перед маршалом. Так натянулись, что чуть звон не пошел от них как от струн балалайки.

– Сюда притащить всё, что в кустах, – тихо сказал директор совхоза «Альбатрос» Дутов Федор Иванович. Царь, бог, папа родимый для всех совхозных десяти тысяч душ и меч-кладенец. Ну, по ситуации, конечно.

Через три минуты у его ног лежали фары от трактора «Беларусь», тяги рулевые, наконецники и новое сиденье от того же трактора.

– Ну!– повторил ещё тише Федор Иванович Дутов и расколол взглядом обоих напополам. В таком виде они улетели в кусты повторно и вернулись, прогнутые в спинах тяжестью задней оси.

– Кому? – спросил директор почти шепотом.

– Корчагинским, бляха! – поник головой Макушев.

– Уболтали по пьяне, суки! – трагически всхлипнул Савостин и высморкался в рукав телогрейки. – Слово держим. Так выходит. У них-то нету. А у нас десять комплектов второй год лежат.

– Приедут когда и на чём? – Дутов Федор Иванович потрогал ось и вытер масло о траву.

– В восемь, – Макушев стал быстро растирать онемевшие бледные щёки.

– Отвезёте на их машине всё обратно на склад. – Директор потянулся и глянул влево. На дорогу. – Деньги получили? Сдадите в кассу. На складе пусть посчитают, сколько вот это стоит по госцене и сдачу бухгалтерия пусть отдаст корчагинским. И нехай они забирают всё и хиляют домой, оборванцы.

– А мы чего? А нам куда? – с дрожью в голосе и в коленях вымолвил Савостин.

– Вы скажете бухгалтеру, чтобы она с вас высчитала из зарплат за ноябрь столько, сколько вы у корчагинцев взяли. Проверять не буду.

– Спасибо, дядя Федя! – воскликнул Макушев за двоих.

– Вы золотой человек! Всем расскажем. Хотя все и так знают! – ещё более патетически вскрикнул Савостин.

Но директор Дутов Федор Иванович уже шел к дороге, по которой катилась его «Волга М-21». За ним. Он до дороги всегда пешком ходил. Семь километров. Разминался, отдыхал. А щофер рассчитывал время и в нужный момент его перехватывал. Такая «Волга» только у него в здешних краях была.

Чёрная как антрацит и блестящая. С вставками где положено из нержавеющей стали. Из Тулы, с родины прислали ему друзья из прошлого – обкомовцы. Они же и договорились с Москвой, с самым верхом, чтобы его из заведующих орготделом послали на целину директором совхоза. Москва его в роли этой полюбила, ничем его не обижала, помогала всем, чем надо было. Он друзей и сам не забывал. И посылки слал достойные, и в гости возил на охоту с рыбалкой. Да в баньку собственную, человек на двадцать срубленную. С шашлыком, коньячком и девятью девчушками, которые в совхозе не числились. А работали у него на участке в два гектара цветочными и работницами теплиц. Летом за яблонями, сливами и грушами ухаживали, да в доме деревянном, десятикомнатном и двухэтажном порядок стерегли. Земли чёрной он привез в шестьдесят втором из Тульской области целый эшелон. Грузовики её за две недели с горем пополам перетаскали в совхоз. Зато потом всё росло у него в степном зазеркалье как в Туле родимой. От того и не мучила его ностальгия так, как многих, имеющих в память о родных местах кто ложку деревянную, кто гармошку или старые фотокарточки, где мама с отцом ещё молодые и красивые.

– Здоров, Ванёк! – пожал он руку шоферу. – Едем сперва в Управление, потом в обком, потом к Юрке Быкову. Водки с ним обещал хлебнуть. Домой поедет часов в девять. Поздно вернёмся.

– Да кого я этим удивлю и взволную? – засмеялся шофёр Ванёк.

И «Волга», мягко шурша по прекрасному асфальту, положенному специально, чтобы городским в «Альбатрос» не тряско было добираться. Да чтобы и самому в город приезжать без ушибов хоть и начальственной, но ещё помнящей отцовский ремень задницы.

Савостин и Макушев дождались грузовик из совхоза имени Корчагина.

За ворованным дефицитом приехали тракторист Генка Лазарев и механик МТС Венечка Кириченко. А в кузове прибыл местный раздолбай Игорёк Артемьев. Не работал нигде, но везде подрабатывал. Он к утру легко отошел от последствий ночной вчерашней битвы с агрономом Стаценко Петром при помощи двух стаканов самогона из заначки. Чувствовал себя готовым ко всему возможному.

Раздолбай был необходим для чёрного труда. Заталкивать добро в кузов и потом дома из него всё вытаскивать. За это он получал хорошую оплату -минимально литр самогона. Ну, такса была такая за бескорыстную грязную работу. Хотя эту формальность никогда никто не соблюдал. Заработавший целый литр чернорабочий делился им с теми, кто платил, а потом уже самогон появлялся сам неведомо откуда вместе с традиционной закуской – салом, магазинной колбасой и луком с хлебом и солью. Набор такой был обязательно заныкан на рабочих местах, в тракторах, комбайнах и машинах у всех работяг, а также у маленьких и средних начальников. Игорёк начал таскать из кустов всё, что было стырено друзьями-соседями из владений директора Дутова Федора Ивановича, а Савостин, Макушев посадили гостей на подсохшую слегка травку и поделились с ними печальной для себя новостью.

– Таки он всё же настоящий мужик! – сделал верный вывод механик Венечка Кириченко. – Товар-то не отобрал. Знает, что мы не от ненависти к «Альбатросу» попросили вас запчасти скоммуниздить. К нему-то самому, к Дутову, кто нас подпустит? А и наш директор к нему тоже хрен бы сунулся. Послал бы его дядя Федя к матерям всех жителей наших обоих совхозов.

– Только вот оно выходит теперь так, что вы запчасти официально купили, – задумчиво выразил мысли Савостин. – А вместе с вами и мы их на законных основаниях приобрели, но сверх цены на 20 процентов.

– Мы сейчас в бухгалтерию ваши деньги сдадим, – разжевал невнятную мысль коллеги Макушев. – Вы квитанцию получите, что всё по госцене купили. И просто повезло всем нам, что мы башлята ещё не пропили и не раздали остатки в семьи. А у нас в ноябре от зарплат откусят столько, сколько железки стоят плюс ещё двадцать процентов, что вы нам за риск накинули. Мы сейчас все их в кассу сдадим. Совхоз прибыль получит. Махонькую, но прибыль. А мы прорюхались на сто тридцать семь рублей каждый. Аккурат на ползарплаты. Да ладно... Наверстаем скоренько.

– Хорошие зарплаты у вас! – грустно обобщил тему Генка Лазарев. – Я за эти деньги на тракторе своём не то что геморрой, я заворот кишок получу.

Из кустов, где осталась одна ось задняя, понесся в лес и в чисто поле благородный мат, кряхтение, слово «ы-ы-х!» почти пропетое хрипло, но с разными интонациями. Это Артемьев Игорёк после вчерашней траты энергии не мог один поднять и донести ось. Мелкий он был, да и силы пропил давно.

Мужики плюнули в стороны, ладони потёрли и пошли в кустарник.

Подсобить немощному. Потом поехали в контору, оформили бумаги, деньги заплатили, а Савостин директорское наставление бухгалтеру передал насчёт вычета с него и Макушева

в ноябре по сто тридцать семь рублей. Бухгалтерша молча записала указ Дутова в отдельную тетрадь и мужики пошли на улицу.

– Оно, надо бы... – начал Игорёк.

– Вот за лес выедем и прощальную отметим на капоте. – закончил мысль Венечка Кириченко. Механик МТС совхоза имени Корчагина. Прощались они долго. На капот разложили и расставили всего густо, а потому надрались до зелёных соплей самогона и водки. И Савостин с Макушевым потом по-английски исчезли, не послав даже поцелуя воздушного. Они обнимали каждую березу, цеплялись за все осины и таким образом удалялись от глаз, да и исчезли, перекрытые неподвижным берёзовым пейзажем.

Венечка сел за руль, нашел все педали и рычаг коробки передач, дождался когда Артемьев-раздолбай упадёт в кузов на запчасти, а Лазарев Геннадий подтянется на руках за поручень над бардачком. А потом силой рук своих рабочих перетащит тело, почти парализованное самогоном, с травы в кабину. Дело они сделали для своего совхоза праведное и ехать можно было с чистой совестью и надеждой на счастливый случай, который не даст перевернуться на повороте, а то и в канаву нырнуть без шансов выбраться. С этими светлыми чувствами Венечка и рванул с места как на авторалли, седьмым чувством угадывая на приличной скорости, куда рулить, чтобы не промелькнуть мимо родного совхоза.

***

Олежка Николаев, если вспомните первую главу, бросил в поле на дальней сорок второй клетке свой притомившийся комбайн и нёсся в грузовике, под управлением лучшего друга Вали Савостьянова, который пёр по накатанной колее быстро и грозно. Как на танке. Нёсся он, чтобы пресечь и искоренить зло-измену. Кравчуку, гаду и охальнику, разбойнику половому, оторвать сперва его охотничье хозяйство, а потом, возможно, прикончить и порезать на мелкие фрагменты, чтобы бегающие по совхозу ночами шакалы очистили землю и от деталей Кравчука, и даже от мерзкого запаха этого козла. Неверную жену Ольгу, молодую мурманскую красотку, Олежка Николаев задумал по дороге не убивать насовсем, а привязать верёвками к столбу возле магазина, где за день весь совхоз отмечается, а на груди прикрепить табличку: «Я – шалава последняя! Я изменила мужу с козлом Кравчуком Анатолием! Плюйте в меня и кидайте камни в моё развратное тело!». Длинно получалось, но Олежка Николаев знал, где у него лежит большая фанера, школьный набор кисточек сына и черная тушь. Должно хватить на весь обличительный текст.

Зерно из-под полога выпрыгивало на дорогу и травянистые обочины. Но не без пользы. Птиц, сусликов, полёвок и сурков – тьма была в округе. И звук автомобиля инстинктивно влёт их всех к дороге совершенно обоснованно. Поскольку пищевой инстинкт развит у живности так же мощно, как и половой, то обмануть он не мог. И рассыпанное зерно не пропало, а полностью ушло на поддержание жизненного тонуса фауны, поголовно мечтающей пережить зиму, забив норки и гнёзда под завязку дарами человека, самого доброго и разумного предмета в природе.

Подлетели они к дому Кравчука как вовремя спустившиеся с небес ангелы смерти и справедливого отмщения. Олежка выхватил монтировку из-под сиденья и первым, выбив ногой дверь, вломился в хату. Кравчук Анатолий в штанах, носках, рубашке и пиджаке спал поверх простыни, накрыв лицо газетой «Труд». Рядом с кроватью стояла табуретка. На ней – блюдец

с тремя раздавленными охнариками. А рядом с блюдцем стакан пустой и бутылка самогона, едва начатая. Следом в дом ворвался Валя Савостьянов, бросая перед собой страшный взгляд. Они остановились с открытыми ртами, после чего Николаев Олег сделал шаг к окну и отодвинул вбок короткую занавеску. Жены на подоконнике не было, а больше и искать негде. Кроме кровати, табуретки и баяна в углу Кравчук Анатолий в хате лишних вещей не имел. Всё ещё не верящий в такое глупое фиаско, Олежка сбросил с лица Кравчука газету и, широко крутнув рукой, въехал ему небольшим своим кулачком в челюсть. Кравчук, ясное дело, проснулся, встал и отметелил обоих одновременно, раскидав их в неудобные позы по углам. Дратья он любил и хорошо умел. И только кто-то с очень помутненным разумом мог додуматься спровоцировать его на это любимое, кроме питья самогона, занятие.

– Вы чё?! – искренне изумился Кравчук Анатолий. – Жить надоело?

– Ольга-то где моя? – задал вопрос, не имея пока возможности встать, Николаев Олег.

Кравчук закурил и сел на кровать.

– Твоя, что ли?

– Ольга моя, да! – с трудом сел Олежка на задницу и вытянул ноги.

– А я ей кто, слуга? – Кравчук затянулся покрепче, разместил папиросу на краю блюда и поставил обоих мстителей на ноги. – А! Позавчера в магазине видел её. Селедку брала. А что, пропала с тех пор? Селедку хоть донесла до дома? В хате она наверняка. Где ей быть?

– И ты её точно не... – начал Валя Савостьянов.

– Да точно не видел, говорю, с позавчерашнего полудня, – Кравчук задумался. Вспоминал. – А! Я ж два дня кряду с Нинкой из МТС у неё дома гужевал. Самогон у неё – отраву натуральная. Еле-еле своим вот с утра облагородился. А то башка была тупая как обух от топора.

Николаев Олежка вылетел их хаты на такой скорости, что лети за ним, скажем, пуля или снаряд пушечный – не догнали бы. Он ворвался в дом, обнял жену, у которой с рук мука посыпалась. Она лепешки для пельменей раскатывала. Жена его тоже обняла, чмокнула в губы.

– Ну, поднял зерно с клеток-то? Не сгинет, нет? А я вот с утра из конторы отпросилась да полежала маленько. Температура поднялась до тридцати восьми. Чаю шесть стаканов крепкого выпила. Вроде полегче. Ужин вот леплю. Пельмешки.

– Ну, ты подожди малехо. Я с ребятами дела добыю и к ужину поспею.

Вышел Олежка в сени, достал литр самогона из-под лавки и остановился на крыльце. Вздохнул глубоко и радостно.

– Ну не сука этот Чалый Серёга!? И Витёк Спицин тоже! Это ж сколько надо выжрать с утра, чтобы такие галлюцинации полезли! Тьфу! Завтра втык им сделаю.

Он сунул бутылку под рубашку и побежал к дому Кравчука. Мириться. Мирились они три дня. Потеряли их все. От директора до Ольги, жены Олежкиной. Николаеву зерно надо

было подобрать. Кравчуку вспахать восемнадцать гектаров. Валя Савостьянов зерна за три дня не перевез тонн двадцать. Хорошо – дождей не было. Но за следующие после примирения и братания три дня все враз всё наверстали. Вспахали, зерно подобрали и перевезли в крытый склад без дверей. Туда и дождь заносило ветерком, и снег. Мокло зерно. И пока не загнило, его быстренько свозили на городской элеватор заждавшиеся свежего зерна шофера грузовиков.

Ну, да ладно с этим. Главное – Ольга пельмени заморозила в холодильнике. Не пропали. В общем – все обошлось и как в кино – хорошо закончилось.

У хороших-то людей оно всегда так.

И вот когда отпахали положенное, отпочевали на холодке по три ночи, употребляя при этом хлеба с салом много и почти без удобрения приятных продуктов самогоном, тогда прямо к месту и вовремя обветрило их октябрьское сырое дыхание. Было оно послано капризной осенью из глубин степи, от чего стало в головах Валентина Савостьянова, Олежки Николаева да Кравчука Толяна так ясно и так понятно всё, как на задней обложке тетрадки по арифметике, где дважды два – четыре, а трижды три – девять и никак по-другому. А с Кравчуком самовольно прикрепился пахать пассажиром в тракторе и изредка плуги подравнивать раздолбай Игорёк Артемьев, чудом вернувшийся в кузове, полном скачущих запчастей из совхоза «Альбатрос». Так даже он просветлел в святой степной обители и стал слегка напоминать трудящегося. И вот когда встретились они все после совершения трудового подвига своего на МТС, то разговор меж ними пошел

умный и рассудительный.

– Короче, я башли свои взял с земли. Кину на сберкнижку. – первым затравил беседу Кравчук Анатолий. – Совхоз родной вообще пусть хоть в ад провалится. А он провалится. Потому как три нормы на пашне рубанул один я. Остальные и норму не дали. А кто и половины не осилил. Так и то я три дня квасил с вами, да пару деньков с ночами на Нинку, вон она ходит, грохнул. То есть, я кто? Передовик! А этого никто в дирекции в упор не видит. Потому, что я пашу на себя и за Родину не переживаю. Без меня не развалится. Набиваю себе карманы и вся любовь и к целине, и к Родине с денежкой вместе в карманы входит. И в гробу я видел директора нашего вместе с его привычкой писать в обком, как много мы зерна сдаём сверх плана. Потому как спит он и мечтает во сне слинять побыстрее в этот обком кустанайский, откуда и приехал. Но уже в большой кабинет с двумя диванами и пятью телефонами. Вот я поэтому жлобом тут числюсь и хорошо относится ко мне только мой кобель Бурый.

– Ну, – нетерпеливо подтолкнул его в локоть Валентин Савостьянов. – К чему гнёшь? Мы против тебя не имеем ничего. Нормальный мужик. Злой – да. Жадный – есть такое. А кто тут добрый у нас? И что жадный – твоё дело. Тебе жить. Нам своего хватает.

– Мужик ты нормальный, – подумав, сказал Олежка Николаев. – Ты вот возьми, да задружи с нами всеми. Не бычься, да не живи бирюком. Мы вон, глянь, дружно ведь всей братвой живём. И маемся вместе на солонцах да суглинках, и отдыхаем гурьбой. Так легче с тоски не подохнуть. Ничего ж нет кругом. Ни кино тебе тут, в библиотеке десять книжек от силы, спортплощадку директор снёс, сам знаешь. Новый дом там поставил для экономистов своих Костомаровых. Школа хреновая, в больнице один врач на все болячки. Нам тут всем по тридцать четыре-тридцать шесть лет в основном. Тут и клуб не помешал бы с танцами и заезжими

артистами. Нету ж ничего. Только самим остаётся в кучу сбиться и держаться вместе. Навкалываешься этим трудом мартышкиным, а потом отдыхаешь с друзьями. Психологическое оздоровление идёт.

– Берёте в дружбаны? – опустив глаза чётко выговорил Кравчук Анатолий.

– Да забито! Какой разговор! – Валя Савостьянов первый руку ему дал. Потом Олежка и Артемьев Игорёк. – Чалый Серёга, наш главарь общепризнанный, только рад будет. И сосед его – Петька Стаценко, хороший мужичок, тоже за тебя будет. Ну, а раз Чалый не против, то и все остальные примут. Вливайся!

Они крепко пожали друг другу руки по очереди. Установили дружеский союз.

– Кстати, насчёт Серёги Чалого, – Олежка Николаев вспомнил неожиданно, хотя все уже о том недоразумении насчет Кравчука и жены Олежкиной почти не помнили. – Пошли к нему. Спросим, чего он такого в натуре видел. Москвич твой, Толян. Тебя с Ольгой.

И они двинулись вразвалку, трезвые почти, в другой конец МТС, к кузне. Там Чалый правил основу под навесное оборудование Лазареву Генaxe, которого поколотил за тупую и наглуую кражу основы с Серёгиного трактора по пьянке.

– Москвич я видел точно, – вытирая руки ветошью, сказал Чалый уверенно. – Желтый. Как кравчуковский. Катался он кругом посёлка – тоже факт. Насчёт людей – мог прибрехнуть. Очень большая вероятность. Рядом с тобой, Толян, кто живет? Если от моего дома смотреть, то за твоим домом?

– Кирюха Мостовой с бабой. С Валюхой. Мостовой в те дни в больничке валялся с воспалением лёгких.

– Во! – хлопнул его по плечу Серёга Чалый. – А Валюха здоровая была. Дома сидела. В её библиотеке пол провалился. Доски прогнили. Витька-плотник ремонтировал. У кого и где ещё есть желтый москвич?

– В «Альбатросе» только. У главного агронома Алипова, – почему-то удивленно сказал Валя Савостьянов. – Я ж раз пятнадцать комбикорм завозил свиньям его прямо в двор. К свинарнику. «Москвич» – один к одному как твой, Толян. Шо ж это, выходит? Он, выходит, до Вальки мотался тогда, пока Кирюхе задницу в больничке Игнатов дырявил и таблетками морил. И увёз он её потом к себе в «Альбатрос» У них же там домик специальный для отдыха срубили рядом с банькой.

– Кирюхе только пока не надо эту гадость в уши лить. – Чалый Серёга закурил и ярко высказался примерно трёхэтажным тяжелым матюгом. – Сперва пусть поправится. Разберёмся потом.

– Вот сука же какая Алипов, а! – плюнул размашисто Олежка Николаев.

– Валька – сука! Это точняк! – Валя Савостьянов хмыкнул зло. – Алипов что? Его дело нормальное, мужицкое – догонять и просить. А давать-не давать, это Валюхина воля. Вот она – сука и есть. Тьфу, падаль! Библиотекарем работает. Культуре обучена.

– Культура да совесть – разные штуки, – Чалый повернул голову на шаги справа. К ним шла Огородникова из отдела кадров.

– Это! – начала она, не здороваясь. – Через пятнадцать минут общее собрание в конторе. В ленинской комнате. Директор приказал всех обойти. Вы последние. Так что, бегом. По третьему кварталу отчёт будет.

– А после отчета пьянка и танцы! – засмеялся Игорёк Артемьев. Он тоже хоть три дня, да поработал же на благо совхоза. А потому на собрание шел как все, не пряча глаз.

Директор Григорий Ильич Данилкин, бывший инструктор орготдела обкома Кустанайского, который досиживал ссылку в совхозе ради пересадки в кресло заведующего отделом, говорил долго и красиво. От речи его разило увесистой коммунистической правдой как от конторской буфетчицы несло три дня сладкими, приторными пирожными, украденными и сожранными под видом списанных по причине протухания крема.

– Всем понятно, что мы в области выходим по сдаче на третье место после «Альбатроса» и «Семёновского»? – выкрикнул он в массу трудящихся.

А то!!! – заорал один Игорёк Артемьев, а остальные привычно поаплодировали минуту.

– Поздравляю всех! И агрономов первыми! – директор перестал хлопать в ладоши и спросил у всех, оглядывая ленинскую комнату. – А где агрономы- то? Панарин тут, ага. А Стаценко Петр Степанович где у нас? У него ж сегодня тоже как бы праздник. Хлеба сдали два плана почти. Где Пётр?

– Его, считай, пять дней не видели. В поле тоже. В конторе и на МТС не было его, – сказал экономист-счетовод Костомаров. – Говорили, что вроде в город уехал. Приём к секретарю обкома пробивать. По вопросам агротехники

– Ну, это бы я знал, – директор Данилкин мельком глянул в окно. – Чалый, ты сосед его. Видел Петра?

– Я ж как раз пять дней с клеток не уходил. Пахал я, – Серёга Чалый задумался. – Нет, вернулся я, а у него дверь закрыта и следов во дворе нет. Как вроде и не выходил он на улицу. Может, заболел? Узнать надо.

– Панарин, сгоняй к нему и сюда доставь. Пить стали все – жуть! С постели неделями не встают. Пьют прямо лёжа. Пузырь всегда в руке. Мигом мне его сюда!

Вернулся Панарин быстро. Он был белый как простыня. Зрачки широкие и губы дрожали как у эпилептика после приступа.

– Он! Он! Это! Бляха! – и Панарин зарыдал так громко и иступленно, что кто-то полил его водой из графина и влил прямо в горло воды холодной почти стакан.

– Что? – стали кричать все.

Он зарезанный лежит! Нож у него в горле. На кровати лежит. Крови – подушка красная и простынь. И запах жуткий. Давно лежит, видно.

– Все бегом туда! – приказал Чалый. Через минуту в конторе уже никого кроме директора не было.

Данилкин Григорий Ильич сел за стол рядом с бюстом Ленина, оперся на локти и поместил в ладони подбородок.

-Ты чего не побежал, Костомаров? Ну-ка давай, не чешишь! Бегом! И ближе к кровати стой.

Костомаров скривился и пошел на улицу.

– Ну, вроде началось, – сказал директор то ли сам себе, то ли бюсту Владимира Ильича. – Вроде стронулось.

Октябрь за окном таскал по двору листья и тонкие ветки березовые вместе с северо-западным ветром. Птиц ветер сдувал тоже и они летели боком по ветру, думая, наверное, что летят прямо. А может и не думали они ничего. Просто несло их по ветру, а куда несло – ни птицы не знали, ни листья, кувыркаяющиеся над землёй, да и сам ветер о каких-то там птицах и думать не думал, и знать не знал.

Глава третья

Труп главного агронома Стаценко Петра очень основательно подпортился теплом от общей стены с соседом. Серёга Чалый печку так выложил, что все семь колодцев обогревающих разместились внутри общей стенки. Сам он пять дней пахал солонец на клетках скошенных, а жена Ирина с утра прохладного октябрьского растапливала печь, детей кормила и отправляла в школу. Ленку в третий класс. Славку – в первый. И шла на ток зерно принимать. Косили и возили чуть ли не до самой зимы. Огромные поля, дожди, жалкое подобие расквашенных дорог уборку пораньше закончить не давали. Сама она, да и Серёга тоже, к соседу ходили очень редко. Не было того общего, что роднит почти всех без разбора. Ирина вообще спиртное не пила, муж мало употреблял. Наверное, меньше всех в совхозе. А агроном закладывал за ворот в последние пять лет так отчаянно, что и дружанов завёл не просыхающих. Им было всегда о чём поговорить, куда сходить и чему порадоваться. Но целых пять дней все они так же, не сбиваясь с графика, «керосинили» без него и весь пьяный отряд «не заметил потери бойца». Что было очень не понятно пока только одному Чалому Серёге.

Комната, где лежал бывший человек с ножом, воткнутом по рукоятку в горло левее кадыка, забита была до последнего квадратного сантиметра. Все дышали через рукав даже при открытой двери. Смотрели тупо на несуществующего больше Петра Стаценко. Кто прямо в упор, кто через плечи передних, кто поднимал за пояс соседа, давал несколько секунд поглядеть на почерневший труп, а потом сосед и его поднимал. Чалый стоял возле кровати. Долго глядел на мертвеца, потом повернулся ко всем и сказал угрюмо:

– Вы, черти, которые постоянно с Петькой квасили, здесь? А, вижу четверых.

Где пили? У него?

– Так нет как раз, – хмуро ответил один.

– Не-е, – протянули в один голос трое.

– Последние дни сами его потеряли. Думали в город уехал. Он часто ездил же, – один из четверых пробился поближе к Чалому Сергею. – Вот Димка Свириденко, слышал я, похмеляться к нему собирался пойти. Как раз, это самое. Ну, вроде, прямо-таки пять дней тому и собирался. Но тут нет его. Он ещё позавчера на машдворе споткнулся об железку и упал на перевернутую борону. Руку и бок штырями почти насквозь пробил. Сейчас в больничке у Ипатова заживляется.

– Эй, участкового пропустите! – крикнули сзади.

Лёня Жуков, совхозный участковый, младший лейтенант, снял фуражку, руки вытянул вперед и фуражкой быстро проложил себе путь к трупку. Надел шерстяную перчатку и взялся за рукоятку ножа.

– Кухонный, – сказал он себе и рука его напряглась.

– Ты, Лёня, только выдергивать не вздумай! – Чалый аккуратно оттащил участкового за рукав подальше от мёртвого Петра Стаценко. – Ты сделай описание, акт составь, свидетелей вон сколько. Зафиксируй смерть насильственную. А директор уже наверняка из области группу МВД вызвал. И скорую помощь. Чтобы всё как положено было.

– Ну, это он по пьяне и сам мог себе нож вогнать, – участковый закурил, достал бумагу из планшета, расстелил её на подоконнике и стал писать химическим карандашом, смачивая его слюной. – На хрена такая жизнь ему? Дела агрономские не идут. Сдохли совсем. Баба уехала лет пять назад? Да, пять лет уже. В Свердловск. Домой. Утомилась она тут. Детей, опять же, не нажили. Ей и стало невмоготу на бензозаправке вкалывать за копейки. Да и он пил как савраска воду – ведрами. Э-эх!

– Ты давай, Лёня, пиши. Не городи следователя из себя. Сам он себе нож воткнул, – Чалый Серёга тоже закурил и стал внимательно разглядывать нож. – У Петра в доме три ножика было. Я-то знаю. Колбасу иногда резали под закуску. Бывало, хоть и редко. Валентина, эй, ты там ближе к столу. Ящик выдвинь. Там ножи. Один с синей ручкой пластмассовой. Он побольше. Два других узкие и короткие. Лежат они?

– Вот, – Валентина подняла ножи над головой.

– Не его это нож, Лёня, – Чалый затоптал на полу папиросу и пошел во двор. За ним, сморкаясь и кашляя от дурного запаха, и остальные двинулись. – А вот чей – хрен дотумкаешь.

Часа через три приехали двое из Кустаная на милицейском Газ-69 с брезентовой крышей. Капитан Малович и старлей Тихонов. Они почти всегда и приезжали на всякие ЧП, которых в совхозе имени Корчагина за год меньше десятка никогда не было. Все уже разошлись. Остались директор Данилкин, экономист Костомаров, участковый Лёня, парторг Алпатов Вик-

тор, ещё задержались профорг Тулеген Копанов из местных, кустанайских, да Чалый. Сосед же. Потому следователи его и оставили. Серёга им рассказал, что он как раз в эти дни пахал за сорок километров отсюда. Но следователи на этот факт не отреагировали никак.

– Разберемся, – похлопал его по плечу один из них, Тихонов. И улыбнулся. Очень доброй, кстати, улыбкой.

– Нам тут, похоже не на один день работы, – отвёл капитан Малович директора в сторону. – Будем приезжать регулярно. А по два дня у вас намереваемся жить. Потом – в город. Местечко для ночёвки найдёте?

– Какой вопрос? – дружески приобнял милиционера Данилкин Григорий Ильич, директор. – У меня и будете жить. Дом – пять комнат. Живем в одной комнате с супругой. Остальные – ваши. Хоть весь отдел сюда привозите.

– Подождите нас, не уходите, – следователи пошли в дом и минут тридцать там пробыли. Что можно было искать у мёртвого человека целых полчаса – никто из оставшихся во дворе не догадывался. Ждали сначала молча. Потом парторг Алпатов Виктор, москвич в прошлом, первым додумался до мысли, самой нужной сейчас.

– Хоронить совхоз будет. Родственников нет у него тут. А жену из Свердловска не вытащишь. Да и денег она не даст. Бросила же его насовсем. Чужой он ей уж пять лет. За государственный счёт похороним. Агроном-то он в принципе нормальный был.

– Ну, да, – кивнул директор. – Ты давай, распорядись, чтоб всё тут налажено было с похоронами.

– Сделаем, – Алпатов поковырял носком ботинка уже не мокрую почти грязь. – Хоронить-не рожать. Всё полегче. И ушел, но на ходу успел добавить, что вернётся через часок.

Вышли следователи.

– Нам всё ясно в принципе, – вдохнув свежего воздуха, потянулся Малович. – Сейчас только обойдём соседние дома, свидетелей поищем, опросим. Но помощь ваша потребуется, конечно. Идите в контору и ждите нас. Будем составлять примерный список подозреваемых. И они надели фуражки.

– Ну, да. Ждём, – директор Данилкин достал носовой платок, вытер серое лицо и руки, вроде как счищал с себя трупный запах. – А ты, Чалый, свободен. Дождись скорую. Она ж никогда не торопится. Но приедет. Жди. Пусть зафиксируют и справку тебе отдадут. А потом будешь парторгу помогать с похоронами, да поминками в столовой нашей. Он скоро.

И все ушли. Серёга Чалый сел на бревно посреди двора, закурил и вдруг почувствовал, что как-то не по себе ему. Вдумался поглубже и неожиданно для себя уловил тонкий и едкий холодок внутри. В душе, наверное.

– Не сейчас так завтра следователи будут знать точно, что я тащил его бесчувственного в дом ночью. Стало быть, и видел его последним. – Серёга бросил папиросу, закурил новую, – а это значит... Это значит, что трындец моей спокойной, а, может, и вольной жизни.

Он зашел в дом, сел напротив убитого Стаценко Петра и задумался, глядя на торчавший из его горла нож. Скоро пройдут похороны и поминки. А после них начнётся всё, что может его невинную, хоть и не самую счастливую жизнь, или в кошмар превратить, или вообще в ад. В чём, собственно, Чалый Сергей не видел никакой разницы.

***

Вот в этом месте хочу объясниться с читателями. Я пишу не детектив. Я описываю время, когда после государственного и партийного призыва молодёжи советской к освоению земель, на которых никогда ничего не росло кроме ковыля и неприхотливого перекасти-поля, прошло десять лет и более. В 1957 году в кустанайскую область в длинных эшелонах с теплушками приехали десятки тысяч самых разнообразных людей. Из России, Украины и Белоруссии в основном. Были среди них, конечно, души чистые, искренние. Они и вправду мечтали сделать страну огромную нашу самой богатой, мощной, первой в мире по всем статьям. Но в неохватную эту массу человеческую вклинились разными способами и отсидевшие уголовники, и беглецы от разных проблем и врагов, жен и мужей. Карьеристы просочились всевозможные, видевшие в целинной эпохее трамплин свой для взлёта в начальственные кресла. Просто неприкаянных и бездомных, мечтающих о своём домике и постоянной зарплате – тоже судьба зашвырнула на целину.

И рассказывать я продолжу в основном об их жизни, судьбах и тяжком, но почти уже бесплодном лет через пять труде. А милицейская работа и закономерный отлов преступника, да всякие попутные преступления и несчастные случаи пойдут своим чередом, но останутся на втором плане. Детективов сейчас много написано. Их и прочтёте, если очень потянет.

***

Следователи прогулялись по совхозу, всех, кого встречали, расспрашивали и кое-что записывали. Ближайших соседей мучили вопросами подольше, поскольку почти все они тем поздним вечером пять дней назад торчали на улице. Кто курил, кто дрова рубил, а некоторые деревянными зимними лопатами грязь стаскивали от проходов в дома к заборам. Поболтали с ними капитан Малович и старлей Тихонов, да в контору пошли. Совещаться и назначать предполагаемых преступников. И вот что получилось, если временно принять на веру свидетельские версии. Первым в списке возможных убийц обозначился Чалый Сергей. Его, растаскивающего по домам вусмерть упитых агронома и Игорька Артемьева, отчетливо запомнили сразу пятеро соседей с разных сторон и трое с другой стороны улицы. Затем в список внесли самого Артемьева Игорька, который бился с Петром Стаценко. Он мог очухаться малость после того как обогрелся в натопленной Чалым комнате, садануть стакан самогона, взять нож и ночью добить насовсем «врага» спящего. Потом в черный список занесли механизатора Свириденко, упавшего на перевернутую борону специально, чтобы в больничке доктор Игнатов подтвердил наличие травм. Но убили Стаценко пять дней назад, а Свириденко травмировался позавчера. Не сшурупил сразу сделать алиби, поскольку пили они так крепко в одной с агрономом компании, что нужная спасительная мысль могла проявиться только на более-менее трезвую голову. За ним, используя воспоминания соседей, записали Толяна Кравчука, драчуна и, к несчастью, передовика-тракториста. Он и дрался с агрономом не раз, он громко на улице кричал и тряс его за грудки. Убить клялся, если Петро не прекратит как агроном издеваться над землёй. Если не отменит отвальную пахоту на бедной плодородными элементами земле, потому как ветры этот мизер полезных веществ вышибают из глубоких борозд до полного исчезновения.

– Орал-то он правильно, по делу, – заключил капитан Малович. – Земля у вас тут – как нищая бабка возле входа на городской базар. Нету в вашей земле питания для пшеницы. Соль одна да суглинок. Но чтоб за это убивать агронома! Он что ли такую землю тут расстелил? Нет, не он. Но на заметку Кравчука берём.

– Ещё надо записать врача нашего. Игнатова, – директор Данилкин в упор посмотрел на старлея Тихонова, щелкнул пальцами и повернулся к проформу Копанову Тулегену: – Помнишь как он в посевную прямо на собрании совхозном агроному заявил, что, как врач, он бы такого специалиста, который своей жуткой технологией заставляет рабочих на полях болеть радикулитами и гробить внутренние органы, отравил бы нахрен цианистым калием? Вроде бы сильно злой на него был, что с полей, правда, много больных к нему приходило. Но убивать за это насмерть? Тёмная личность, врач наш. Ещё тот змей!

– Реальной угрозы тут не просматривается, но запишем для порядка, – Малович поднялся, пожал всем руки, надел фуражку и позвал старлея. – Пойдём, заберём главного на этот момент подозреваемого. Пусть посидит пока в КПЗ, а мы за недельку выжмем его как рубашку постиранную.

Они пошли к Серёге Чалому. Забирать в КПЗ. Данилкин глядел в окно. Проформ Копанов рисовал на листке каких-то зверей, а счетовод Костомаров Сергей и жена его, главный экономист Нина Захарова просто смотрели на свои столы, заваленные бумагами. Печально глядели, без выражения в глазах. Будто горе общественное отняло у них всё, кроме боли от утраты хорошего человека и специалиста.

– А! – сказал Чалый Сергей, обернувшись на шаги следователей. – Если я правильно понял...

– Правильно, – издали уточнил капитан Малович. – Собирайся. Жене пойдешь скажи, что пока на неделю уезжаешь. А там посмотрим. Брать с собой кроме паспорта не надо ничего.

– Ну да, – ухмыльнулся Серёга. – Баланда ваша.

Через пятнадцать минут они уже выбрались на асфальт с изуродованной дождями, тракторами и грузовиками просёлки, и без единого слова, на хорошей скорости за два часа доехали до областного управления внутренних дел.

– Давай, отдыхай сегодня. В камере твоей никого. Спи. Думай. Говорить завтра начнём, – Тихонов крикнул конвойного, который повёл Чалого в подвал и большим ключом открыл толстую дверь камеры номер шесть.

С этого момента началась новая, непонятная и пугающая неясностью будущего жизнь Чалого Серёги, хорошего тракториста и любимца практически всех жителей невезучего целинного совхоза имени легендарного Павла Корчагина, прирождённого борца за счастье советского строя.

На следующий день Стаценко Петра дружно похоронили. На работу никто не пошел. Кладбище за посёлком развезло непогодой до полного безобразия. Наклонные дорожки пет-

ляли меж могил и нести по ним гроб было внапряг даже шестерым здоровенным механизаторам в сапогах с глубоко рифлёными подошвами. Они скользили, съезжали к нижним оградкам, куда тянула тяжелая ноша, долго выравнивались и куда медленнее, чем вообще положено на похоронах, приближались к могиле. Сзади шло около тысячи мужиков и женщин. Но если передняя часть этого ручья людского ещё ухитрялась не упасть и двигалась равномерно, то сзади совсем размазанная тропка идти почти не позволяла. Народ то на колени припадал, то за оградки цеплялся, однако тоже перемещался вперед, и через час мучений все окружили могилу, поставили гроб на две табуретки, после чего директор Григорий Ильич Данилкин минут пятнадцать говорил хорошие слова о покойном. От них многие женщины плакали, а мужики курили нервно и не в меру. Потом ещё несколько умеющих красиво говорить жителей совхоза по-своему высказали свою любовь и уважение к покойному. А тогда уже мужики заколотили крышку гвоздями и на верёвках спустили бывшего Петра Стаценко на два метра вниз. Все, кто добрался, бросили по горсти земли на красный материал, украшавший гроб, да и засыпали могилку мужики четырьмя лопатами. Холмик аккуратно обстучали со всех сторон, чтобы красивый был и воткнули в землю доску с надписью «Стаценко Пётр Васильевич. 11.07.1929 – 24.10.1967»

– Тут памятник поставим. Сварим из нержавеющей стали. И фотографию прикрутим винтами под стеклом, – директор Данилкин поклонился могиле и пошел сквозь толпу на тропинку. За ним кланялись и уходили остальные.

Парторг Алпатов организовал в большой столовой добрые поминки. С большим количеством еды и питья. Все в столовой не поместились и пошли по домам. Но человек двести помянули агронома от души. Перепились до невозможности, плакали, смеялись, снова рыдали, после чего долго, до ночи пели всякие песни. Витька Сапунов, бессменный баянист совхозный, притащил баян и после пятой рюмки и хороших слов о покойном запел во всё горло любимую, почти народную уже песню:

Вьётся дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная,
Здравствуй, простор широкий,
Весну и молодость встречай свою!

Пели все взахлёб. Любимая это была когда-то песня. Гимн, можно сказать. Когда музыкальные произведения, всем известные, кончились, приступили к танцам от «гопака» до «цыганочки с выходом», прерывающимся только для быстрой выпивки и минимальной закуски. В общем, душа Стаценко Петра, наверняка радовалась таким ярким проводам в мир иной его тела.

Переночевал совхоз первую после трагедии ночь как попало. Кто поспал, кто не успел, а некоторые не хотели ложиться принципиально. Всё агронома вспоминали, собравшись в кучки. Но утро пришло в положенное время и все, кто был в состоянии двигаться, двинулись на рабочие свои места. Трактористы разъехались пахать, комбайнеры – зерно поднимать и обмолачивать, шофера – возить это зерно на ток. Приёмщицы по местам пошли, механики на МТС, а директор Данилкин, экономисты Костомаров и Захарова в контору ушли. И парторг Алпатов с ними. Руководить. Скоро, через полмесяца свезти надо было всё зерно в город на элеватор

и рапортовать в обком партии, о том, что в этом году совхоз имени Корчагина сдал родине, как и в прошлые пять лет два плана. Во имя и ради процветания любимой страны и самого лучшего в мире социалистического

строя.

***

Белые мухи начали валиться из низких мрачных туч только через месяц, двадцать пятого ноября. Большие растрёпанные хлопья, как парашюты подолгу висели в безветренном воздухе и как пух гусиный укладывались на застывшую горками грязь. Они аккуратно выравнивали поверхность раздолбанных дорог и прятали нерукотворное безобразие во дворах. Посёлок медленно, но уверенно отвоёвывал у неопрятной поздней осени чистоту и яркий художественный образ культурного поселения. Народ разбрёдался с утра по местам, где надо зарабатывать на хлеб, в валенках, толстых телогрейках, шапках и шалях. Многие сходились на одну тропинку, виляющую, например, к МТС, но с разных сторон. Занимали место на общей дорожке, дальше перемещались гуськом или маленькими группками. Градусники показывали всего минус восемнадцать, а при такой благодной температуре и работаете легко. Хоть на МТС, хоть в поле. Да просто поболтать на всякие общие темы в хорошую погоду не скучно и приятно. Вроде и не делаешь ничего, а всё равно теплее. То ли от слов, а, может, потому что все всегда разговаривают, помогая словам руками. Жестикулируют как итальянцы в кино – по любому поводу.

– Зерно-то всё до горсточки свезли, говорят, позавчера в город. Финиш! Откукарекали уборочную! – радовался, сбиваясь с тропки в снежную порошу комбайнер Николаев Олежка. – Себе, правда, опять ничего на муку не оставили, блин!

– Зато конторская бухгалтерша Нинка Захарова в магазине вчера всю очередь пришибла новостью, – вставил Толян Кравчук. Тоже на МТС его утро вело по привычке. Хотя делать ему там было нечего. – Вот она ещё бы слово мявкнула и её могли начать на руках подбрасывать. А она ж центнер весит! Так она чего трепанула-то! Уже вроде как у директора на столе приказ лежит. Всем подряд вроде бы премии корячатся. А человек пятнадцать ещё какие-то медали получают. Во жизнь! Да, мужики?

Николаева Олежку, друга лучшего, догнал на самой высокой скорости, какую позволяли включить валенки и лёгкий полутулупчик, Валечка Савостьянов, шофер. Отдышался малость и внёс дельное предложение.

– Денежный довесок этот, премию, значит, надо зарыть поглубже. – Сказал он строго, чтобы все прислушались. – В шкафы под бельё прятать не надо. Близко больно к рукам. Достанешь обязательно и на какую-нибудь глупость вроде норковой шубы для бабы своей изведёшь. Надо ехать подальше. В райцентр, а лучше вообще в город. И в сберкассу скинуть на книжку. Туда сдуру или по пьянке за деньгами не попрёшься. Далекое. Сохранность халявных башлей уже будет обеспечена на чёрный день!

– Чего сразу халявных-то? – натурально обозлился Кирюха Мостовой, комбайнер. – Я вон за эти «халявные» сутками с комбайна не слезал. Две недели потом в больничке парился с воспалением лёгких. Чуть не сдох. Мне это – праведная премия. Рисковал, можно сказать, жизнью. Отложу как в прошлом году, а на следующей уборке опять возьмем премии. Соберу

всё да свалю домой под Кострому. В Галич свой. Слесарил там и жил от души. А тут что? Ещё пару лет и хлеб совсем перестанет расти на убогих полях наших. Земля подышает на глазах. Сам же вижу. Да и вы все видите. А другая работа неизвестно когда появится. Но в том, что рожать колосья несчастной нашей земле солёной с каждым годом становится всё более тяжко – лично я не обманываюсь.

Кравчук Анатолий обогнал всех по рыхлому снегу сбоку и на тропинке застыл, растопырив руки. Остановил движение коллег к МТС.

– Стойте!– заорал он почти иступлённо. Все одновременно подумали, что у него и глаза на лоб вылезут, да пена изо рта брызнет. – Премии берём! Заслуженные! За перевыполнение плана в два раза! Да вы все башкой тронулись, весь разум рассыпали, как зерно с грузовиков! Кто из вас считал? Ну? Вы склады наши все видели? Все там бывали? Нет же! А я был в конце уборки. Кирюха Мостовой был. Чалый тоже. Там что – зерна на два плана лежало? Да хрен вот всем! И половины плана мы не дали! По- ло – ви- ны!

– Ну там, в сельхозуправлении козлы, что ли, сидят тупые, безрогие? – засмеялась искренне Нинка с автозаправочной. – Ни фиги себе – подарками какими они раскдываются. На совхоз премиальных дают тысяч пятьсот рубликов. Не пробовали посчитать, нет? С какого перепоя они нам станут просто так такие деньжищи дарить? Им же обком партии головы поотрывает и собакам скормит!

– А теперь меня слушай! – Толян так и стоял с распростертыми объятиями, хотя никто и не рыпался идти. Переминались все. Ждали. – Уборщицу конторскую Катерину Зотову уважаете?

– Толковая баба, – согласился Валечка Савостьянов. – Днём парикмахером работает. С утра вместе с Нинкой машины заправляет. Вечером контору вылизывает. Трудяга. И слово у неё верное. Не врёт никогда. Сто раз убедились.

– Ну, вот она мне вчера поздно уже на улице встретила. Я к Артемьеву Игорьку выпить шел, а она – домой. Контору только что помыла. – Кравчук Анатолий поднял вверх указательный палец.– Так слушайте, что она мне сказала. Мыла, мол, кабинет директорский, стол протирала тоже. А на столе Данилкин сводку для обкома оставил по итогам уборочной. Так оказывается мы с вами, ребята дорогие, все подряд герои труда. Мы хлеба сдали на два плана. По восемьдесят пудов с гектара собрали. Не по четырнадцать, как на самом деле, а по восемьдесят. Как в Тульской области почти урожай. Как в самом чернозёмном Черноземье! Там сто пудов делают. А!? Не слышу троекратного «Ура!!!»

– Дуркует, как шалава подзаборная. – плюнул в сторону Олежка Николаев и закурил. Заволновался. – Но наверху-то не идиоты. Они ж знают, что тут у нас сроду столько не вырастет. Но он завтра бумагу отвезёт. А её примут, обнимут Данилкина и нам премии с медалями опять сунут. Вместо умного агронома и безотвальных плугов. Тьфу!

– Но про это всё мы не знаем.– Вздохнул Мостовой Кирилл.– Мы знаем, что все склады вычистили. Не то, что себе, мышам полкило зерна не оставили. А, оказывается, это мы рекордный урожай вырастили. Там хоть взвешивают по-настоящему-то, что мы привозим? Реально ведь и половины нет от написанного.Стыдоба, мля! А мы тут счастливые! На собрании в ладошки будем хлопать. Вот же сука какая – Данилкин этот!

– Катька Зотова сказала, что экономисты наши, Костомаров с женой, насчитали неубранных семь клеток, – Кравчук сел на корточки. – Так вот – это наш с вами корм. Всего совхоза. Пустит Данилкин по снегу три комбайна бок к боку, они шнеками просто слой снега снимут, а мы себе на прокорм колоски руками рвать будем и в мешки складывать. Ну, у кого серпы есть – те серпами порежут. Весь совхоз сгонит, поганец. Ну, а как не пойти? Чего жрать-то зимой? В город за хлебом ездить? «Альбатрос» пошлет нас нахрен и прав будет.

– Ладно, – сказал Олечка Николаев. – Не трепитесь никому про наш позор этот. Одного не пойму. Вот Костомаров с женой, экономисты, они, выходит, и танцуют с Данилкиным в обнимку. Государство дураят весело. Но не за спасибо же, а? Вот Данилкин хочет на этих урожаях Героя труда получить и в Обком переехать в большой кабинет. А эти двое ради чего корячатся? С собой он их не возьмет. Значит, здесь им места хорошие готовит. А какие?

Может Костомаров вместо покойного Петра хочет агрономией править? И зарезали его как-то очень уж вовремя. Да... Ну, Чалый вернётся – с ним мы быстрее врубимся, у кого откуда хвосты растут.

И притихшая от проговоренного и понятого маленькая толпа работяг снова вытянулась в змейку и через двадцать минут безмолвного движения исчезла в воротах МТС.

***

На повороте с шоссе в сторону хозяйства имени Корчагина рядом со столбиком, имеющим наверху цифру сто семьдесят два, на двух высоких тонких бетонных сваях областное управление сельского хозяйства укрепило огромный стенд. Обит он был крашеной под цвет зерна жостью. Правее бордового комбайна, до мотора утопающего в колосьях, расположились сверху вниз красные, приятно греющие сознание всех проезжающих по трассе слова: «Совхоз им. П.Корчагина – ударник коммунистического труда». Сами корчагинцы тоже не испытывали к стенду отвращения. Но и гордости закономерной тоже. Похожие стенды уже сам совхоз выставил вдоль конторы. На них было штук шесть нарисованных крупно медалей «За освоение целины» и «За доблестный труд», а в центре красочно выделялся увеличенный в сто раз орден «Знак почёта» и под ним растянулась длинная фраза, похожая на оправдательный приговор: «За достижение высокой производительности труда, улучшение качества продукции, снижение материальных и трудовых затрат на её изготовление, успехи в повышении эффективности общественного производства».

Ну, по всему этому торжественному украшению висели слева направо фотографии вождей всесоюзных и республиканских, да своих родимых передовиков, победителей социалистического соревнования. Возле этого горделивого сооружения кроме приезжих давно никто из своих не останавливался. Привыкли к ним, во-первых. Неловко было, во-вторых. Даже вымпела кумачовые и бархатные с золотистыми буквами и гербом СССР над ними победители в соцсоревновании уже лет пять на стенки у себя в домах не вешали. И гвоздики выдернули. Но это дело их. Личное. Не обсуждаем со стороны.

Вернёмся пока назад. На две, примерно, недели.

Восьмого ноября днём к стенду возле конторы лихо подлетела блестящая черная «Волга М-21», отделанная нержавеющейкой на бамперах и вокруг окон. Тормознула машина

жестко, так что задняя часть приподнялась, а передок почти «клюнул» нержавеющей бампером грязь. Вышли из неё, мягко прикрыв дверцы, Дутов Федор Иванович, директор «Альбатроса» и Игорь Сергеевич Алипов, главный его агроном.

– Во, иконостас! – агроном медленно прогулялся вдоль пятнадцатиметрового стенда и поклонился уважительно фотографиям передовиков, улыбаясь при этом по-доброму, вежливо. – Эти ребята как камикадзе японские. Ухайдакиваются на работах своих почти до смерти. Даже жалко их, чесслово. Но пока Гриша Ильич тут командир – хрена чего изменишь.

Из «Волги», зевая, вышел шофёр Ваня и открыл багажник. Вынул толстый тяжелый портфель и отнёс его к ногам директора Дутова.

– Ванёк, ты сгоняй, глянь там – пришел товарищ Данилкин или задерживается. Договаривались на два часа. – Дутов глянул на свои «командирские» часы. – Мы вообще-то на десять минут раньше прибежали.

Мимо конторы из дома в магазин спешил Копанов Тулеген, председатель профкома местный. Остановился, поздравил, руки пожал всем троим.

– Бегу вот в магазин. Два дня уже празднуем. Самогоном-то грех такой юбилей отмечать. А коньяка всегда не хватает. Не привычные мы к нему. Правильно рассчитать не можем, сколько его надо. А вы чего к нам?

– Да вот, Григория попроведовать, с тем же юбилеем революции поздравить. Ну и с окончанием уборки, конечно, – Дутов достал из кармана пачку «Герцоговины флор», раскрыл и протянул Тулегену. Копанов закурил, поднял глаза к небу и губами причмокнул.

– Не зря бывший наш повелитель их любил. Благородный аромат!

– Ну и как отработали? – спросил Алипов Игорь, агроном главный. – Слышал я в городе, что вы вторые. Следом за нами сразу. Два плана дали. Молодцы!

Копанов скривился, матюгнулся легонько и подмигнул свойски.

– Ну, будем считать, что дали. Да и раньше нас уж посчитали. Им виднее. Профсоюз в совхозную бухгалтерию заглянуть не зовут. У профсоюза свои задачи. У партии – свои. А дело все одно – общее. Единственное, что я знаю точно, так это то, что тяжелее становится.

Вкалывали все почти, конечно, по-чёрному, зверски трудились. Но кроме расстройства душевного не поймали ничего. Разве что вот премии дадут теперь. Может, полегчает народу. Ну, ладно, побегу я. Гости ждут.

Он помахал рукой и вскоре скрылся за углом, отбрасывая в сторону липкие пласты грязи.

– Да все рабочие сам видят, что урожаи хилые, что в конторе дописывают при сдаче тысячи несуществующих пудов зерна, – Дутов говорил и разглядывал знак Почета, точно такой же, какой покоился у него дома в коробочке. Один раз нацепил рядом с орденом Трудового Красного Знамени. Когда в Москву ездил в ЦК на беседу. Предлагали ему должность инструктора орготдела здесь. Отказался Дутов. Сказал, что не дорос до такой высоты.

– Причем, я думаю, что никто никогда даже не попытался просто-напросто взвесить по-честному эти пуды и тонны. Ни в совхозе, ни в городе. Есть у Гриши в Кустанае сильный оберег. Живой амулет.

Алипов от души засмеялся.

– Корчагинские работяги утонут скоро в море самогона своего с расстройства. Если кто-то из них, пробивной и отчаянный, не доползёт до верхов Минсельхоза СССР или до когонибудь очень большого из ЦК КПСС. А и доползёт, достучится, то пусть ещё сумеет вдолбить там, что по восемьдесят пудов с гектара можно собрать где-то под Челябинском, а в тульских краях, может, и по сто. Но в солонцовой степи кустанайской с их глубокой отвальной пашни всё, что надо давно выдуло пыльными бурями. Тут даже старик Хоттабыч не наколдует больше двадцати пудов при очень счастливых обстоятельствах. Когда и дождей полно, и солнца, и удобрения внесли те, какие надо, и волосок свой Хоттабыч этот выдернул правильно. Поменять бы к чёртовой матери негожую тут агротехнику, убрать обнаглевшего директора и бесправного агронома.

– Агронома ихнего именно ножом в горло и сняли с должности, а не по пьянке закололи или из ревности, – сказал Дутов хмуро. – Значит, нашли замену. Покойник слишком много писал жалоб на Гришу в Минсельхоз, в Управление, в обком. Гроб себе заказал давно уже. Если бы кто-то вник в жалобы – не видать Данилкину кресла, на которое он пыжится перепрыгнуть со своего стула. Но больно уж грязно убрали мужика. Некрасиво.

Вот после этих слов как раз и остановилась «Волга» директора Данилкина Григория Ильича. Секунда в секунду приехал. Вышел, обнял гостей по очереди, руки крепко пожал. Спасибо сказал за то, что нашли время заехать. И пошли они на второй этаж, где девушки из столовой час назад стол в кабинете накрыли «королевский», а мужики разукрасили кабинет флагами, портретами членов Политбюро и пучками больших колосьев пшеницы, неизвестно с чьей помощью выросшие в корчагинском совхозе.

Праздновали братья по труду до позднего вечера, хорошенько выпили, закусили, да поговорили о делах своих и на более весёлые темы. Про охоту, рыбалку, девочек из «Альбатроса» и прекрасную баньку из осинового дерева. Там уговорились и встретиться перед Новым годом. Отдохнуть от забот да грехи смыть, которых на каждого налипло не по одному килограмму. Посидели так, отметили кроме праздников и факт дружбы прочной и долговечной. На том и разошлись.

***

Двадцать седьмого ноября вечером, в разгар сильнейшего снегопада с ветерком отпустили из милиции Серёгу Чалого. Поскольку виновности его не нашли в убийстве. Малович за это время опросил всех и узнал, что после того как Серёга разместил на кровати агронома Стаценко и пошел затаскивать в дом Игорька Артемьева, агроном ещё часа полтора пел песни и матерился, что ночью тихой слышно было всему посёлку. А Чалый напрямик от Игорька ушел домой и больше не появлялся. Это подтвердил сторож конторы, который в тулупе ходил вокруг неё и мимо дома Чалого. Отсидел Серёга три недели с хвостом, а за это время капитан Малович и Артемьева Игорька добросовестно вывернул наизнанку, и Толяна Кравчука заодно,

а потом и Свириденко Михася, механизатора, который проткнул себя лежащей кольями вверх бороной.

– Свириденко, – доложил капитану начальник МТС, – пьян был в дымину, зигзагами шел в нужник за кузнию и рухнул на борону, после чего из него вытекло стакана три крови. Он жутко орал и просил отвезти его в больницу. Что и было сделано

Там врач Ипатов, тоже подозреваемый, привел его раны в порядок и просидел рядом весь день.

– В ночь убийства Ипатов с двумя медсёстрами до утра принимал тяжелые роды у трактористки Закревской, – сообщил её муж, торчавший безвылазно в коридоре, и родители молодой мамы, прилетевшие на важнейшее в их жизни событие аж из Тамбова.

И оставалось капитану чесать во лбу и избавляться от озадаченности. Никто из подозреваемых, прояснил он, зарезать агронома не мог. Артемьев начал самостоятельно передвигаться только через день после убойной пьянки и травм, которых наловил в драке от агронома. Кравчук Толян той ночью был в гостях у продавщицы кустанайского универмага Натальи. Это подтвердили все её соседи. «Москвич» его желтый знали все в двухэтажном доме. Он ставил его всегда во дворе под окнами. А ночью он пел песни, пил с ней на балконе коньяк, после чего они почти до утра мешали всем спать, поскольку кровать у Натальи была старая, имела штук двадцать ржавых пружин и скрипела очень противно, громко и долго.

– Интересное убийство, – говорил капитан Малович напарнику Тихонову.

– Интересное, – соглашался старлей.

– И вот поэтому сдаётся мне, что правы были французы, когда впервые сказали «шерше ля фам», – Малович чуял нутром правильную версию и только потом её выговаривал.

– Чего они так говорили-то? – стал вдумываться в неизвестный ему французский Тихонов.

– Бабу тут надо искать как зацепку. Есть в деле женщина. Чую организмом, – Малович похлопал напарника по трехзвездному погону. – Найдем, тогда и дело раскроем. И будет у тебя здесь четыре звезды. Как на хорошем коньяке. А у меня одна, но уже большая.

Рабочий день прошел и у милиционеров. В Кустанае и области было спокойно. И все, кроме дежурного разошлись по домам.

– Ну, что? – капитан снял китель и повесил его на спинку стула. – Посидим, помозгуем по версиям? Есть уже не совсем ржавые соображения.

– Да! – согласился Тихонов, хотя дико хотел есть и спать. – Простое вроде дело, а зависло. Давай думать дальше и глыбже.

И вот с этого момента гулять преступнику на свободе оставалось совсем мало времени. Ну, неделю от силы. Ну, две. Если повезёт.

А капитану Маловичу везло всегда. Поэтому у убийцы шансов обдурить милицию не было почти совсем. Точнее – вообще не было.

Хотя, конечно, он об этом и не знал, да и вообще не думал.

Глава четвертая

Вечером двадцатого декабря, вместе с разогнавшимися на западе и наткнувшимися на совхоз имени Павла Корчагина сумерками, из вышибленных телом дверей дома номер 12 на улице имени двадцатого съезда КПСС выпала на уже толстый слой снега Валентина Мостовая, тридцатилетняя фигуристая красавица местная, жена комбайнера Кирилла Мостового, заведующая совхозной столовой по совместительству. Выбила дверь она самостоятельно, без помощи мужа, не успев нацепить фуфайку и валенки. Просто ей надо было как можно скорее вылететь на волю, где ещё не все люди попрятались в дома и возились в соседних дворах. А потому, знала Валентина точно, что Кирилл ни за волосы её не станет таскать, ни мордой в снег вдавливать, да и стукнет по горбу аккуратно. Сильно бить при людях не даст ему ни скромность врожденная, ни трусоватость, обнаружившаяся в нём внезапно после свадьбы.

Справили её радостно ещё в пятьдесят восьмом, когда ей стукнул двадцать один год и она сама выбрала в мужа тихого, чуть старше тридцати парня, застенчивого, меньше всех пьющего, боящегося её красоты и жгучего темперамента. Но за первые месяцы на целине Кирилл так отполировал её с головы до ног бешеными от влюблённости глазами, столько нашептал ей ласковых слов на танцах под баян летними вечерами, что до неё постепенно дошло: этот невзрачный робкий мужичок и есть, и всегда будет её оберегом и ангелом хранителем. Поэтому Валентина выбрала момент, сама к нему подошла на каком-то совхозном празднике и сказала ему, как мёдом облила из ведра:

– Замуж возьмешь меня?

Он чуть не помер тогда, как от пули неожиданной, онемел напрочь и только тряс головой долго и мелко, как в припадке эпилепсии. Прошло несколько лет, а он ни на капельку малую не перестал любить её. А она за те же годы, хоть и заставляла себя, но полюбить сама сил не нашла внутри. Так и жили.

– Ну ты, шалава трёпанная! Ты же об печку лбом билась, виноватилась! Ты же клялась мне что всё! Что не будет больше этого козла Алипова! Клялась ведь, сучка! – кричал Мостовой Кирюха, выскочив за ней в носках и голубой застиранной майке. – Я тебя, падаль, сейчас повяжу по рукам, засуну в Серёгин трактор, отвезу до «Альбатроса» и выкину за километр. Ползи там сама к хмырю своему. И у козла этого, если доплетёшься, жене его скажи, чтобы шла она нахрен с двумя пацанятами, а у тебя, сука, любовь к нему неземная и ты теперь в ихнем доме слюни свои сладкие разбрызгивать будешь!

– Не пойду никуда! – орала Валентина, пытаясь подняться из глубокого снега, вытряхивая его из бюстгальтера, волос, да из под юбки. – Брешут тебе всё, а ты, огрызок, растопырил уши-то! Какая-то сволочь гадит на меня, а ты и счастлив! Узнал бы сперва, как по правде есть, а потом бесись, хоть убейся!

– Я те, тварь, зараз покажу, как брешут! Я те, мля, передок твой дешёвый напрочь цементом залью или кол загоню так, что и вдвоём не выдернете. Вставай, сучка, я те кое-чего покажу. Зенки тебе продеру!

Кирюха схватил её за пояс юбки, вынул из сугроба и они босиком вышли в калитку за забор.

– Он бы, падла, хоть не нагелел как фраер борзый. Машину бы подальше останавливал от хаты. В сторонке, мля! – Кирилл подтащил жену к чёткому следу протекторов прямо напротив калитки. Справа от узорных линий шин тянулась в дом ленточка маленьких вмятин от валеков. – Вот это что, шваль ты залапанная? След от «Москвича» это, сучка! Чей «Москвич» – брехать будешь? Скажешь, Толян Кравчук за солью приезжал за целых сто метров от дома? У, гадина!

Кирюха Мостовой плюнул, выматерился так, что соседки с дворов ближних закашляли предупредительно. Мол, дети тут во дворах есть. Он хлопнул калиткой, потом дверь и закрыл её изнутри на крючок.

Постояла Валентина, отряхнулась, Тупо и зло посмотрела сначала на протектор, потом на дверь дома. Стучаться в неё было делом пустым. Не открыл бы. И пошла она по снежному рыхлому насту через два дома к соседям Николаевым. К Олежке с Ольгой.

– Что, снова тем же самым да по тому же месту? – пустил её в дом Олежка.

– Ну, – закашлялась от внезапной жары комнатной Валентина. – Скот рогатый!! А Ольга-то где?

– Да на кухне. Где ей быть перед ужином. Ночевать будешь?

– Если не помешаю, – Валентина Мостовая вдруг заплакала и, стесняясь слёз, пошла от Олежки на кухню. Потом они поужинали и долго, до полуночи почти болтали с Ольгой о своём, о девичьем. Прекрасном и в то же время почти всегда печальном.

***

В начале декабря осталась только одна единственная на всех общая работа в совхозе – выгребать из-под снега нескошенные маленькие колоски и стаскивать их мешками на склад. Там рассыпать зерно в длинные невысокие бурты, переворачивать его постоянно, чтобы подсохло и не запарилось, а когда высохнет – снова закидать в мешки и везти их на мельницу в «Альбатрос». Вот эта мука и становилась для корчагинцев хлебом насущным. Хорошо хоть пекарня своя имелась. Всё зерно, убранное до снега, сдавали государству, на бумаге цифру пудов раздували до нужных размеров и ходили потом в передовиках. А весной семенное зерно покупали в «Альбатросе». Там его и самим хватало, и продать было что.

В общем, до Нового года никто ничего не ремонтировал и никуда не ездил. Обмывали с конца декабря годовые премии, долго не могли прекратить праздновать встречу Нового года и трезвел народ совхозный только к последним январским денькам. После чего все начинали ходить друг к другу и совместно воскрешать в мозгах все приключения за это время, мириться,

ругаться, извиняться и постепенно формировать памятью воскресшие реалии. Память вынимала и показывала не нарочно, а только по причине пьяного беспамятства нанесенный себе, друзьям и в целом совхозному сообществу чувствительный урон.

Но до новогодних приключений времени оставался вагон.

А четвертого декабря практически весь живой и ходячий состав производительных сил прямо за околицей собрался для совершения последних в году совместных производственных отношений. За пять дней примерно надо было сделать большое дело – собрать колоски, на току закинуть их в бункера комбайнов под обмолот и занести зерно в склад. Директор Данилкин привлек к операции «Колосок» даже поварих из столовой, всех трёх учителей из школы и врача Ипатова. Остались дома малолетки и беременные женщины. Народ стоял вольно, неорганизованной толпой, колыхался, разминая ноги, прихлопывал варежками себя по бокам, кто-то подпрыгивал на месте, грелся, остальные молча ждали свистка. Название «Колосок» лет семь назад придумал сам директор Данилкин, а Серёга Чалый назвал потом мероприятие «Спасение голодающих – дело рук самих голодающих». Он любил Ильфа и Петрова и часто вставлял цитаты из популярных романов для освежения речи. Хотя и своего чувства юмора ему насыпали с рождения в половину головы, не меньше. Голодающих, правда, пока не было, но если дней за пять народ не соберёт руками то, что не успели скосить комбайны, то и голод будет, и злоба в населении расшевелится и могут от нехватки хлеба вполне дикие начаться беспорядки и волнения.

Мужики попьют с горя неделю, а там и начнут драть начальство на куски. Может, только морально, на словах оскорбительных. Значит, повезёт начальству. А могут вполне завестись самогоном и подначками таких шептунских орлов как Игорёк Артемьев или Толян Кравчук. Тогда начальство может в полном составе пострадать и физически. Потому Данилкин, зная свой народ, подошел сам к Чалому, в сторонку отвёл и попросил культурно.

– Ты, Серёга, перед отъездом на клетки выступи, создай настрой положительный и население изначально присмири, уравнись. Хоть и не первый год так подбираем, но ты надобность этого труда по-доброму ещё раз растолкуй. Мы-то с природой бороться не можем. Она сильнее. Снег вон раньше выпал. Но ведь с государством рассчитались. Успели. А это главное. А соберем зерно для своих нужд, для прокорма, обещаю большой всенародный праздник на три дня минимум. Лады?

– Ильич, ты не вздрагивай раньше времени, – Чалый Серёга прижался к директору так, чтобы на ухо было пошептать удобно. – Своих, конторских, тихо уведи всех. Никого из руководства на клетках пусть не будет. Люди могут и подмерзнуть начать, и снегом обувь забьют. Тут без поддачи дела не выйдет. А пить и тётки будут для сугрева. Самогонку наши гонят крепкую, ты знаешь. И мало ли чего... Могут отвязаться на руководство как нехрен делать. Я сам тут за всем присмотрю. Ты лучше на склады людей конторских свези. Чтобы перебуртовывали путём, не дурковали. Нам зерно через пару дней на мельницу надо тащить. Подсохшее. На эту работёнку своих и брось. Их четырнадцать человек. Вполне управятся. Вот из тех, кто сейчас собирать будет из-под снега, дальше никого на перебуртовке, сушке и на мельнице не будет. Пусть отдыхают.

– Договорились, – директор Данилкин похлопал Чалого по плечу, пожал руку и ушел собирать конторских в отдельную кучу. Они тихонько забрались в кузов крайнего из двенадцати «газонов», Данилкин в кабину прыгнул и машина уехала.

– Чего это они? – крикнул издалека Чалому Валечка Савостьянов, шофер.

– На склады! – громко ответил Серёга. – А ну, девочки-мальчики, все по кузовам разбежались! Поедем так: шесть левых машин на шестнадцатую и семнадцатую клетки. Там три комбайна уже верх снега сносят. Пять правых – на сорок восьмую и сорок девятую. С них тоже снег убрали. Кто не влезет – ждут. Машины людей отвезут и вернуться за остальными. У нас восемь клеток необранных. Надо с них до последнего колоска взять. Или хлеба в домах зимой не будет. Короче, себе собираем на жизнь с хорошим куском хлеба на каждый рот. Так что, никто не сачкует! Договорились? Мешки в кузовах. Все вытаскивайте на месте.

Минут за двадцать почти шестьсот человек втиснулись в кузова и «газоны» и,

кренясь на ухабах и скользя юзом по пустыне белой, тяжело двинулись вокруг прикрытой снегом пашни к горизонту. Где-то возле него лежали расчищенные поля с пригнутыми к земле низкими колосками.

Через два часа вернулись пять машин, ещё через час – оставшиеся шесть. Весь народ ждущий не поместился.

– Да приедем скоро. Ждите. Эти-то клетки поближе, – Валечка Савостьянов махнул рукой, свистнул в два пальца и караван по проложенной колее медленно исчез с глаз оставшихся ста человек, спрятавшихся от лёгкого холодного ветерка за двумя скирдами соломы.

– Не успеем за пять дней, – сказал себе под нос Чалый. А через неделю по прогнозу – буран. Тогда не хватит на зиму хлеба и будет буза. Хорошо если без крови.

Через час приехали грузовики и забрали последних. День тяжелых испытаний во имя спасения от голода стартовал. Насчет слова «голод» я не преувеличиваю. В любой деревне главной едой и индикатором благополучия был хлеб. В городе, конечно, без него тоже жилось хуже. Но на селе не жилось совсем. Нет хлеба – никакая еда в рот не идет. Спокон веков так.

***

Если бы над полем совхоза имени Корчагина, над шестнадцатой и семнадцатой клетками, к примеру, зависли во время сбора колосков вертолеты с начальством из Москвы, то Данилкина, директора, могли бы приговорить к расстрелу как организатора массовых репрессий и антигуманного обращения с советскими трудящимися. А районных начальников и областных – кого посадили бы для острастки, а самых главных сняли бы к чёрту с «царских» тронов. Потому, что увиденная сверху картина уборки зимой вручную из-под снега хлебных колосьев себе и детишкам на прокорм могла бы даже самых закалённых бюрократов-чиновников довести до кондрашки. Или до инфаркта. Но вертолётов в то время в Кустанае было очень мало. Считай, вообще не было. Не хватало даже на санитарное обслуживание. А с самолёта не поняли бы они ничего. Ну, копошатся люди пять шесть секунд под иллюминатором. Что там разберёшь за это время?

– Эй, Крохалева!– орал Артемьев Игорек ползущей на коленях почти сорокалетней женщине из столовой. – Давай поцелуемся! Давай, блин, а то заколдобисься! Или самогона хряпни стопарь! Веселей поползёшь и рвать колоски полегче будет. Но лучше – всё разом. И поцелу-

емся покрепче, и по стакашке дёрнем! Во, пойдет дело! В стахановцы выйдемся. Килограммов по пять Данилкин сверху даст. Подарит, сучара!

– А пошел ты! – болезненно передвигаясь на мокрых в коленях мужских штанах, кричала в ответ Крохалёва. – Стриги сам, не волюнь! Чего треплешься? И полмешка вон никак не наберешь, бабник хренов. Целоваться ему приспичило. Я ж тебя как поцелую, так ты и ползать не сможешь. Дон Жуан, мля!

– Надо было ножницы взять. – опечалился Олежка Николаев. – Тут стричь надо а не рвать. Они ж скользят, колоски. На палец надо наматывать.

– Я вот как раз и наматываю, – Кравчук Анатолий поднял почти полный мешок. – За час всего набрал. И ты тоже наматывай.

Шла работа. Ползло сантиметр за сантиметром месиво человеческое, слившееся со снегом благодаря стряхиванию его с колосков. Пыль белая летала над согнутыми в три погибели телами и постепенно покрывала белым слоем фуфайки, толстые зипуны и полупальто. Снег заполнял все доступные ему места в одежде и обуви. В валенках он таял и сливался назад грязными струйками, таял и на груди, и за воротниками. Тела были сырые, плохо пахли, но не замерзали до ледышек потому, что двигались и выделяли энергию. Точнее теряли её, как и силу первоначальную, с которой сюда приехали.

– Эй! Народ! – поднялся Мостовой Кирюха. – Давайте культурно вмажем и закусим. – Не то незаметно окоченеет. И так вон уже варежки все сняли.

Они ж ледяные уже. Вон как звенят.

Он постучал одной своей варежкой о другую. Послышался хруст ломающихся льдинок без звона. Это рассмешило всех. Люди еле разогнулись, оставили мешки на местах и толпой, отряхиваясь и подпрыгивая для выброса из одежды снега, побрели к месту, где сложили все котомки с бутылками и закуской. Выпили и закусили очень быстро. Тянуть некуда было. До темна оставалось часа три. Набрать мешка по три хотя бы. Больше – вряд ли. Вернулись по местам. Поползли.

– Вот какого лешего они скользят?! – взвывала на всё поле тётка из больницы. Санитарка. – Хоть клеём руки намазывай. Где взять клей? Тьфу, пропасть пропащая!

– На серп, – подполз к ней механизатор Спириин Володя. – За верхушку подними колосок и под низ подрезай. Только коротким махом, а то руку оттяпаешь.

– Целую, Вовчик! – обрадовалась санитарка. Попробовала коротенько подкосить. Получилось. – Ух, ты! Здорово! Сейчас я вам всем форы дам!

От этого внезапного выражения энтузиазма легче стало всем. А, может, ещё и самогон помог с закуской неплохой. Но все заулыбались и поползли быстрее.

Мешки наполнялись, пальцы деревенели, слезы лились как на похоронах самых близких, ноги передвигались на коленях, сбитых до первой крови и спины, казалось, вряд ли уже удастся выпрямить.

Но шло время и из двухсот, примерно, человек в обморок свалились десять, не более. В прошлом году к этому времени вырубилось побольше людей. Привыкли, стало быть. Санитарка достала негнушимися пальцами из кармана фуфайки мешочек с сухими камешками нашатыря. Она подходила, качаясь, к каждому, валяющемуся без сознания и перед носом растирала нашатырь в порошок. Отключившийся народ постепенно очухивался, садился на задницу и лупал глазами.

– Чего это я? – спрашивал Миша Зайцев, кузнец. Здоровенный дядя сорока лет. – Скопытился что ли? Самогон меня так сроду не валил, как колосочки махонькие.

– Так ты ж здоровенный, – смеялась санитарка. – Задница на полтора метра над землёй, а голова почти по снегу едет. Вот вся кровь из задницы в голову и ушла. А голове столько не надо. Ну, она и отключилась.

Все снова засмеялись и поползли дальше. Все же правда, что смех сил добавляет. Так незаметно и пролетели семь часов. Машины пришли. До завтра можно было ехать по домам. Народ, волоча за собой полные мешки и согнувшись, побрёл к краю поля. Шофера мешки в кузов закидали, а потом стали подсаживать и переваливать через борта обессилевших собирателей колосков. Сидеть даже на мешках никто не мог. Все легли. Кто между мешками на пол, кто друг на друга, кто поперёк всех. Но улеглись-таки.

– Мёртвых нет? – крикнул с улыбкой шофер Валя Савостьянов. – А то могу сразу на кладбище подбросить!

– Ехай давай! Тоже мне, Аркадий Райкин из колхоза, – рывкнул Кравчук Толян и Артемьев Игорек зашелся в истерическом хохоте.

– А закопай нас всех! Пусть завтра туда сам Данилкин едет с бухгалтерами. Сидят, небось, суки, чай гоняют!

– Во, придурок! – радостно заметил Валя-шофёр и хлопнул дверцей. Поехали.

После первого дня испытаний ручной уборкой на склад свезли зерна столько, что муки могло хватить на месяц. Но месяцев до нового урожая оставалось ещё минимум шесть-семь. Поэтому, хоть и расходился народ по домам кряхтя и постанывая, но завтра все собрались ехать снова. Да, собственно, другого выхода и не было. Вот уже какой год подряд.

Утром, когда Чалый Серёга уже наматывал тёплые фланелевые портянки, чтобы вставить ноги в валенки, в окно постучал Кирюха Мостовой.

– Заходи, чего стесняешься!? – крикнул Серёга.

– Я подожду тут, – приложив ладони рупором к стеклу, ответил Кирилл.

Мимо окна уже шел народ снова колоски собирать. Много людей шло. Кто прихрамывал, кто оделся потеплее, чем вчера и двигался как цепями скованный. Некоторые передвигались с трудом, под ручку с кем-нибудь. Колени, видно, болели.

– Вот ведь жизнь, сволочь, – вслух произнёс Чалый.

Жалко было людей. Лет десять назад ему и в кошмаре бы не приснилась картина живая, на которой люди мучаются, ползая по прикрытой снежком бугристой земле, и отмороженными пальцами сдирают с мёрзлой почвы ещё живые колоски, осторожно заталкивают, придавливают в задеревеневшем как фанера мешке то, что оторвали от почвы раньше. Через пару часов настоящего преклонения перед хлебом насущным, не выбитом пока из колосьев, глаза слезились, пересыхало во рту и горле, пот из-под шапок и шалей накладывался на слёзы и всё это грязными тонкими струйками замерзло на фуфайках и ватных штанах, которые не защищали колени от застывших, режущих кожу кочек. После многих ползущих сзади оставался рваный след замерзающей мгновенно крови. Но народ ползал день. До сумерек. И к машинам в полутьме добредал чудом. Но вот именно в тот момент, когда их полные мешки водители скидывали в кузов, а сборщики тоже как-то переваливались через борты, становилось ясно, что Господь, в которого никто открыто не верил, никогда не даст никому испытаний, которых он не сможет вынести.

Чалый Сергей нацепил на голову кроличью шапку с опущенными ушами, похлопал по карманам, проверяя, лежат ли там папиросы со спичками, и вышел на крыльцо. Жена ушла к грузовикам раньше. Отпаривала вечером ноги в тазике с горячей водой, но не очень-то помогло. Кашляла всю ночь и с утра. Сказала, что закончат убирать, поедет в город и купит хороших лекарств от простуды.

– Здоров, Серёга! – встретил его возле крыльца Мостовой Кирилл.

– Чего такой бледный, Кирюха? – Чалый пожал ему руку. – Не болеешь?

И Мостовой пересказал ему в деталях всю ситуацию, созданную женой Валентиной и главным агрономом «Альбатроса» Алиповым Игорем Сергеевичем. Потому и бледный. Пожар внутри. Он же её, суку, любит как раньше. Как десять лет назад. Потому сердце лопается.

– А мысль главная в чем? Ну, поедешь сейчас к Игорьку, ну ... – Чалый смотрел в глаза Кирюхе. Бешеные были глаза у Мостового. И красные. Наверное, плакал втихаря.

– Я ж не убивать его поеду. Поговорить. Ему развлекуха баба моя. Как её сманил, умом не прихватываю. Живём от него далеко. Как? Вот хочу спросить его – дальше что? Или ему от неё отвянуть, или мне с ней разойтись. Нам что? Разбежались и всё. Детей нет. Деньги пусть все заберет накопленные. А я уеду в Кострому свою. В Галич. В целину всё равно не верю больше. Нет мне радости от обманной жизни совхозной и от денег, у страны отворованных директором нашим, тоже удовольствия нет. Я в жизни спички ни у кого не украл. А тут стыдоба. Да вон с женой ещё... Грязи шмат на душу лёг. Пусти меня к нему, Чалый. Я обернусь мухой, да поползу со всеми. Нагоню. Веришь ты?

– Ладно, я Валентину скажу. Отвезет он тебя, – Чалый Серёга взял его за грудки. – Но ты пообещай мне как мужик мужику, что просто говоришь. Без мордобоя. А то позориться перед Федей Дутовым – паршивое дело-то. Они гордые, сильные, уверенные. А мы приедем как сывки дешевые – слюнями брызгать да рыло чистить. Не солидно. Мы ж не рвань какая. А?

– Клянусь, Серёга. Спасибо. Пошли, – Мостовой надел варежки и двинулся первым.

Развезли все двенадцать машин хмурый с утра народ по клеткам. Мужики все врезали с утра по стакану и смотрелись лучше. Женщины о чем-то переживали. О детях, наверное. На целый день ведь уезжали. На совхозной работе-то успевали и в детсад да в школу проводить, покормить вовремя. А тут возвращались с поля снежного полуживые. Ни до чего дела не было Упасть и отдышаться. Всё. Не до детей даже.

Вот когда все котомки свои в кучу сбросили и, волоча пустые мешки по не скошенной, а оборванной стерне, когда припали снова на колени перед заиндевевшими колосьями как перед иконой, покорно и с болью в душе, вот тогда Серёга Чалый и позвал к себе Валечку Савостьянова.

– Ты Кирюху подкинь до «Альбатроса». И встань за клубом. Чтобы из конторы тебя не видно было. А Кирилл сгоняет в контору по-быстрому. Дело там у него на десять минут. И рвите сюда. Он собирать будет со всеми.

– А и делов-то! – вздохнул Валя как перед входом в парную, где очень жарко, но хорошо. – Погнали, Кирюха.

Алипова Игоря Кирилл нашел сразу. Он со второго этажа спускался, прыгая вниз через ступеньку. Увидел Мостового. И уже медленно спустился к нему.

– Привет, Кирилл, – подал он руку.

– Привет, Игорь, – Мостовой руку пожал и облокотился о перила.

– Она меня любит. Не шалава она. Сказать тебе боится, – Алипов потер рукой подбородок.

– А ты? – Кирюха помрачнел и глаза опустил.

– Так вот в том и гадство всё, что я её тоже, – Игорь Сергеевич Алипов рукой на сердце показал. – Не хочешь – не верь. Пять лет уже я её у тебя ворую. Самому тошно. Но это трусость. Понимаю. Надо было давно тебе сказать.

– А жена что твоя? – Мостовой глянул в глаза агроному.

– Знает. Сказали ей. Глаз тут много. Я же сюда её привожу.

– Понял. Любите, значит, – Кирюхе легче стало. Почему – не понял сразу-то.

– Ну, так выходит. Извини, Киря. Бывает, оказывается, и так, – Игорь подошел к Мостовому вплотную. – Надо решать как-то. Хорошо, что ты приехал. Сам бы я не смог. Да и Валентина не сможет. Решай сам. Но бросить её я не смогу.

– А когда познакомились-то? – вдруг спросил Кирюха Мостовой.

– Да весной ещё. Она тогда в город ехала. На остановке автобус ждала. А я мимо остановки ехал. Тоже в город. Она руку подняла. Я её взял. По дороге разговорились и... – Алипов

замолчал. – Слушай, ну давай я не буду тебе дальше рассказывать. Клянусь, не назло тебе я её полюбил. И она меня. Не хочу я тебе зла. Но вот вышло так. Что делать будем?

– Я её, понимаешь, сам люблю. А вот она – нет. И не любила никогда. Я раньше тихий был, покладистый. Зарабатывал много. Ну, она за меня и спряталась, – Кирилл подал Игорю руку. – Спасибо за честность. Обиды нет на тебя. Я с ней поговорю и мы всё решим. Обоюдная любовь важнее, чем однобокая. Ладно, работать мне надо.

– Подбираете на зиму? Много осталось?– Алипов руку пожал.

– Да управимся дня за три ещё,– Кирилл повернулся и пошел к двери.– Давай. Разлюбишь – не бросай её, не обидь никак.

– Извини, браток, – услышал Мостовой последние слова Алипова перед тем как хлопнула позади дверь.

Валечка Савостьянов вопросов не задавал и они очень быстро доехали до нужной клетки. Кирилл взял у конца поля мешок, поправил шапку и глазами выхватил пустое место, где никто не полз на коленях.

– Да, туда иди, – крикнул ему Чалый издали. – Там Нинка с заправки работала. У неё кровь носом пошла и вырвало её. Упала и не дышит. Еле откачали втроем с бабами. Вовка Кокорев в кабине её вместе с Ипатовым в больничку увез. Откачают. Нормально будет всё. Ипатов сам сказал так.

– Сучья жизнь, – ответил ему невпопад Кирюха и почти бегом подбежал к пустой полосе, на которой и пятно крови не затоптал никто, а рвота застыла и напоминала неизвестное науке животное, замерзшее почти на бегу под ветром с севера и двадцатиградусным холодом. – Ну, погнали.

И он остервенело пополз, накручивая на палец колосья, кидая их в мешок и матерясь вполголоса. Жутко и гадко. Так же как было у него на душе.

Три следующих дня ничем не отличались от двух предыдущих. Комбайны скидывали снег и оголяли на клетках новые места с колосками. На току возле ворот склада стояли два комбайна с полной навеской для обмолота. Из мешков, привезённых с поля, конторские служащие да сами комбайнеры закидывали колоски на транспортер под две загребающие лопатки и колоски уходили в бункер. Ссыпалось зерно прямо на расчищенный асфальт. Его снова засыпали в мешки и несли в ворота склада, где высыпали на растущий бурт, который постоянно перемешивали шестеро рядовых работников конторы, да ещё Данилкин, директор, плюс парт-орг и председатель совхозного профсоюза. На пятый день к вечеру все двенадцать грузовиков привезли последнее. Больше на полях ничего не осталось. Плановики конторские очень скрупулёзно взвесили всё, и выходило у них, что на каждого работающего в совхозе сухого зерна будет центнера по полтора. Ну, ещё килограммов по двести выйдет на остальных в семье.

– Зерном отдавать не будем, – потер руки директор Данилкин. – Чего народу мытариться потом с помолом? Молоть будет совхоз. Хлеб печь будет совхоз. Даже если каждый станет

в день съесть по целой булке, то хлеба хватит до следующего первого раннего урожая. Это хорошо!

– Решение правильное, Григорий Ильич! – заключил парторг Алпатов. Он достал блокнот и что-то стал писать заложенным в обложку огрызком карандаша. – Государству, получается, мы сдали двадцать три тысячи тонн, а на собственные нужды поверх того взяли целых двадцать процентов почти.

– Хватит вполне, – уверенно сказал счетовод-экономист Костомаров.

– Сам теперь вижу, что хватит, – директор сел на бурт, набрал в ладонь зерна и подышал его холодным запахом. – Ты, Витя, этих цифр из отчета вслух-то не произноси. Болтнёшь, где не надо... Хватит того, что на бумаге написали и сдали, куда надо.

– Так свои же все, – Алпатов улыбнулся. – А за пределами нашей команды я вообще никаких цифр не называю. Даже сколько времени не говорю. Часов нет потому что.

– Ладно, давайте перебуртуем пару раз ещё. Да завтра раза три. Надо включить на ночь вот этот вентилятор со спиральями. Вот отсюда направить горячий воздух на бурт. Часа в два ночи перенести вентилятор вон туда, на другой край. Костомаров на ночь сегодня останется. – Директор поднял лопату и зачерпнул снизу пшеницу, бросил наверх. Остальные сделали то же самое. Пыль поднялась, мелкая шелуха, оставшаяся от обмолота. И, стало в помещении складском почти так же темно как и на улице, хотя под потолком висели пять лампочек. Работали допоздна и все, кроме Костомарова, пешком ушли по домам, довольные тем, что теперь хлеба хватит до июля. До первой ранней пшеницы.

А из тех, кто отнимал у замёрзшей земли колоски, на пятый день стало на восемьдесят три работника меньше. Кто-то распорол до невозможности ноги, многие отморозили пальцы и Чалый отправил их на машине к Ипатову в больницу. Нескольких человек сломал радикулит, но больше всего было простывших. От их кашля душераздирающего и уши закладывало у соседей, и птицы, подъедавшиеся оброненными зернышками, испуганно взлетали и долго телепались над полем, ожидая затишья.

Так закончилась миниатюрная по времени, но грандиозная по сути эпопея по обеспечению самих себя самой главной на столе едой – хлебом. С непременными потерями людскими, конечно, но временными, не смертельными. И то хорошо. Повезло в целом.

***

Десятого декабря часов в одиннадцать утра произошло два ожидаемых и почти равнозначных события. Поднялся ветер западный, понёс сперва метель, а потом и буран, плотный, быстрый и злой. Вот при этих двух явлениях природы в поле можно было уже не соваться и остатки зерна похоронить на корню. Но повезло. Второе событие было не таким грозным, но почти всех напрягло почти так же, как и непогода. Это приехали следователи Малович и Тихонов. Они посидели почти час в кабинете Данилкина. Болтали просто. Без протокола и прочих страстей.

– Короче, кроме как про конфликт покойника с женой Мостового Валентиной Вы ничего больше о контактах Стаценко с женщинами не слышали? – Тихонов спрашивал, пил чай, откусывал шоколадную конфету и попутно читал газету «Известия» за прошлую неделю.

– А чего не поделили-то они? – Малович свой чай допил и глядел в окно на сумасшедший буран. Прикидывал мимоходом насколько завалит трассу.

– Вот не в курсе я, – извиняющимся голосом отбрёхивался директор Данилкин. – Мне сказали так, что ругались они дома у него. Она вроде сама пришла. Соседи видели. Но слышали мало. Закрыто было всё. И окна. Вот только когда она прооралась и уходила, то Петро ей вслед вроде бы крикнул, что сука она и... ну, короче, он матерно кричал ещё. Повторять неловко.

– А контакты с другими женщинами тоже имелись, конечно. Он же холостой у нас. Был, то есть холостой. Буфетчица наша столовая Русанова его хорошо со всех сторон знает. Знала то есть. Так с ней не ругались они. Не докладывали мне. Наоборот – в интимных отношениях приятно время проводили. Потом эта, как её, Болотова Зинка, вторая продавщица из сельмага, та, правда, часто с ним собачилась. Потому как тоже связь тесную года два с ним имела. А он иногда её чувства использовал корыстно. Брал у неё водку в счёт полочки. В кредит. Но, блин, не отдавал. Вот лаялись они – аж уши у покупателей вяли и заворачивались.

– Понято, – поднялся Тихонов. Подошел к окну. Поморщился. За рулём-то сидеть ему, не Маловичу.

– А как бы нам сюда вызвать супругу Мостового? – спросил Малович. Мало ли. Может они со Стаценко тоже в любовниках числились. А муж дома сейчас наверняка. Неловко при нём.

Данилкин позвал секретаршу.

– Костомарову скажи, чтоб привёл ко мне Вальку Мостовую. Про милицию не говори. Это я её зову. Давай, мигом.

Валентина пришла минут через пятнадцать. Увидела следователей, заулыбалась и пожелала им доброго здоровья.

– Чего звали-то, Ильич? – она села на стул перед столом директорским.

– Товарищи следователи с тобой хотят побеседовать, – директор поднялся, взял папиросы со спичками. – А я минут двадцать покурю да в бухгалтерию схожу.

Ну, пятнадцать минут Малович с Тихоновым потратили вхолостую. Не ругалась она со Стаценко и всё тут. Не было ничего. Мирно жили. Дома напротив. Общались по-соседски. Но не более.

– Тогда мы сейчас других соседей опросим, которые видели вас у него дома и слышали крики с матами, и снимем с них письменные показания. А это уже документы. И объяснять вам то, почему они написали, что вы крепко поругались тогда, придется уже в милиции. Он-то погиб от ножа. И вскоре после вашей с ним ссоры. Где гарантия, что в ссоре той свою смерть он у вас не выпросил, грубо говоря?

– Как это? – поразились Валентина. – За что бы мне его убивать? За это никого не убивают, по-моему.

– За какое такое «это»? – засмеялся Малович. – Соль у вас занял и не вовремя отдал?

Мостовая Валентина замолчала. В себя ушла. Глядела на буран. Думала. Заглянул Данилкин, директор. Малович пальцами ему показал: пять минут ещё.

– А, ладно. Мужу не скажете? – Валентина расстегнула пальто и шаль на воротник спустила.

– На кой он нам нужен, ваш муж! – взял её за руку Тихонов. – Слово офицера. Не скажем.

– Стаценко приехал за чем-то в «Альбатрос» к Димке Огневу. Димка заведует развлечениями всякими в совхозе у Дутова. Гостей принимает. Шашлыки там, банька, девочки, охота, рыбалка. Ну, понимаете... Они из Киева оба. Там дружили. А на целине их распределили по разным совхозам. Стаценко пил сильно последние пять лет. Денег из наших ему никто не давал. Он и приезжал в «Альбатрос» к Димке. За деньгами. Тот не занимал, а давал просто так. Без отдачи.

– Ну!? – подтолкнул её Малович. – Они стоят с Димкой возле бани, а тут... Что?

– А тут ...это... – Мостовая отвернулась, рот ладонью прикрыла.

– Бомбы посыпались атомные? – засмеялся Малович. – И бане Дутовской крышу не смогли пробить!?

– Ладно. Короче, тут выходим мы с.. Ну, не знаю как сказать я!

– С любовником, – помог Тихонов.

– Кто? – Малович развернул Валентину и упёрся в неё взглядом. Добрым.

– Алипов Игорь. Главный агроном. Он меня любит. И я его тоже. – Мостовая зарыдала и прикрыла лицо шалью.

– А Стаценко увидел и Вы стали бояться, что он заложит Вас по пьянке мужу. Пил он с ним? – Малович достал блокнот и записал слово «Алипов»

– А то! – сквозь рыдания проскрипела Валентина. – Он с кем не пил только! И с моим, блин.

– Ну вот. Вот и всё. Боялись, что заложит. А Алипов сказал, что не заложит, да? – улыбнулся Малович ласково.

– А как Вы догадались?

– Сейчас скажу, как в кино говорят: «такая у нас работа», – и Малович засмеялся от души. Ну, спасибо Вам. Можете идти. Мужу ни слова, о чем мы говорили. А мы так с ним вообще встречаться не будем.

– Так я пошла? До свиданья. Игоря не трогайте тоже. Он меня действительно любит. И я его.

После слов этих Мостовая Валентина застегнула пальто, шаль накинула и ушла.

– Ну, что? – спросил Тихонов. – Вроде попали?

– Сейчас домой поедem, – Малович походил по кабинету. Подошел к двери и открыл, позвал Данилкина. – Кажется, всё. Нашли. Теперь она побежит к нему. Завтра с утра. Он испугается и может сбежать, если будет знать, что мы здесь, в Корчагинском. А мы попросим Григория Ильича, чтобы сегодня же он донес до неё известие, что мы уехали в Кустанай. Сделаешь, Ильич?

– Да какой вопрос! – пожал обоим руки директор. – Через полчаса она будет в курсе.

Тихонов с трудом вырулил на трассу. Снега было – до половины колеса. Но чем хорош «Газ-69» так как раз тем, что по бездорожью он едет ещё повеселее, чем по гладкому асфальту.

– Хороший день был сегодня, – сказал Тихонов.

– Для нас – да! – засмеялся Малович. – Да и для преступника он сегодня неплохой. И завтра будет такой же. А вот послезавтра мы утречком и приедem.

Буран стихал понемногу. И красные задние фонари «газика» уже можно было прекрасно видеть шоферам, едущим сзади. Но, честно говоря, других дураков, согласных испытывать машину и судьбу при таком бездорожье, больше не было.

Глава пятая

Фамилии всех героев повести и названия населённых пунктов кроме города Кустаная – изменены автором

***

Неделя оставалась до очередного нового, 1968 года, от которого никто в целинном совхозе имени Павла Корчагина ничего нового как раз и не ждал.

Двадцать четвёртого с утра всех, кто работал в поле, на зерноскладах, токах и МТС собрали в конторе, в ленинской комнате. По двадцать стульев было в каждом ряду, а рядов – тридцать. Большую в пятьдесят девятом году, через пару лет после огромной стройки нового совхоза, создали ленинскую комнату. И контора получилась тоже здоровенная. Двухэтажная, длиной почти в семьдесят метров. Почти половину кабинетов и через десять лет не занял

никто. Там хранили всё, что попало. От огромных портретов в позолоченных рамках главного руководства партии и правительства, ведущего к светлому будущему

сразу весь СССР, до таких же больших фотографий наших родных казахстанских великанов. Ну, ещё запасные стулья там в навал лежали, столы новые, а один кабинет заложили тысячами пачек писчей бумаги. Писать приходилось много.

Почти столько же, сколько и пахать да сеять. Всё, чем были забиты пустые кабинеты, перечислять слишком долго. Опустим это исключительно ради описания торжественного собрания. За неделю до вступления в законную силу шестьдесят восьмого всех, кого в принципе можно было хоть чем-нибудь и хоть за что-нибудь наградить – наградили. Перед рядами стол пересекал комнату. Длинный, покрытый тонкой красной накидкой из бархата. На столе разложили всё, что надо: вымпела, значки, медали в коробочках коричневых, два ордена – в красных плисовых шкатулочках, пачки денег разной высоты, перевязанные узкой алой лентой и стопки всевозможных почетных грамот, красивых, сверху украшенных рисунками Ленина в обрамлении флагов всех республик, а также рисунками полей с комбайнами, утопающими в колосьях, и тракторами, которые поднимали пласты плугами на бескрайнем просторе. На краю стола этого поставили маленький проигрыватель и большой динамик рядом. Пластинку заводили всё время одну, но зато очень важную – с «Маршем энтузиастов».

Директор Данилкин по очереди с секретарём парткома Алпатовым и профоргом Тулегеном Копановым часа за полтора рассказали народу, какой он молодец, народ, а ещё час ушел у них, чтобы под марш всем раздать традиционные знаки морального и материального уважения к трудящимся.

Чалому медаль на груди пристегнули. В этот раз снова «За трудовое отличие», поскольку главная – «За трудовую доблесть» у него уже была. В этот раз получил её сам Данилкин Григорий Ильич, директор. Почти все, кроме Игорька Артемьева и Вали Савостьянова премии получили неплохие. Этим двоим не перепало потому, что Савостьянов, шофер, сильно подогретый самогоном поспорил в июне с мужиками, что по дну переедет с одного берега озера, где рыбу ловили, на другой. Поскольку на середине глубина была шесть метров, то до неё он и долетел на скорость восемьдесят км/ч в час. И машину утопил. Сам тоже почти утонул, но Олежа Николаев на лодке догрёб быстренько до места, нырнул и снаружи смог Валентину дверь открыть. Изнутри Валя дергал и ручку оторвал. Машину потом вытащили с горем пополам трактором, но только через три дня. Потому, что все праздновали день рождения директора и отвлекаться было некогда. За три дня много чего испортилось водой в машине и годовая премия соскользнула вполне справедливо. Ну, а Артемьева Игорька какой-то невыясненный дурак в посевную посадил на сеялку. Игорёк честно потрясся на ней по всем восьмидесяти гектарам, но перед этим забыл проверить: полностью ли открыты дозаторы из бункеров в семяпроводах. А они почти закрыты были. И посеял он так мало, что и выросло пшеницы там не пять центнеров с гектара, а один. То есть почти ничего. В тридцатые годы Артемьева Игорька запросто расстреляли бы за вредительство, а в гуманные шестидесятые поступили просто

По-свински. Лишили премии.

Все остальные остались довольны и счастливы наградам, растолкали вымпела и грамоты по сундукам, а премии пропивали до Нового года и ещё полмесяца после. В общем, и проводили прошлый по-людски, и встретили, кто смог запомнить, красиво. Размашисто, но почти без травм и потерь.

В новогодние дни и вечера только на Костомарова Сергея и жену его Нину Захарову, экономистов конторских, как-то вдруг, нечаянно, неожиданно и нежданно напал злой рок в виде раздора, разлада, разногласия и отчуждения. К тому же Костомаров Сергей ощутил, что жену свою боится. Но это-то дело обычное. Почти все мужики жен побаиваются, поскольку греховны по уши и грехи искупить некогда, да не больно-то и надо. Но у этой пары всё сложнее было. Захарова Нина, жена, вдруг обнаружила, что сама опасается мужчину своего безропотного так, что аж дыхание временами перехватывает и колет сердце. В гости они по причине внутренней напряженки ни к кому не пошли праздновать и к себе не звали. Собачились без свидетелей.

– А вот хрен ведь твой Данилкин перепрыгнул в обком! Всё! Раз с начала года не забрали, значит, до следующего будет сидеть и вить из нас верёвки, – в новогоднюю ночь случайно обронила Захарова Нина. – И ты в счетоводах гнить будешь дальше. Главный агроном получает триста, а счетовод сто двадцать.

Костомаров Сергей пил почти без закуски и потому смелость с откровенностью так и пёрли из него. Как метель с холодного севера.

– Главным агрономом он меня и так назначит. Куда он денется? Пусть я сам сяду, если не поставит меня. Поеду в Кустанай к следакам этим и сам расколуюсь, но и его утоплю с головой. Кто меня подбил на Петьку? Он подбил. Хитро охмурил, сучара! Если бы Петька и дальше возил свои жалобы на него во все большие дома, да ещё бы до Москвы дошел, то хана твёрдая Данилкину светила ярко. А он бы доехал до Москвы. Петька такой был. Настырный. И бумажек у него правильных про то, как Гриша Ильич землю гробит и правительство советское вместе с партией дуриет брехливыми нашими достижениями, хватало на расстрельную статью Данилкину. Ну, или лет на двадцать пять лесоповала.

– Да уж! – жена делала ехидное лицо. – Поехал бы ты к следакам. Как же! Ты ж пугливый как суслик. Ты у Данилкина на поводке-то и болтался с перепуга, что он вместо тебя в главные агрономы кого-нибудь из «Альбатроса» притащит. Не Алипова, конечно. Но там все пятеро агрономов – орлы! А ты зооветтехникум в Калуге окончил. И агрономия у вас была на одном курсе только. И то, как попутная дисциплина. Семь учебных часов. Ха-ха! Тебе свиней от свинки лечить, а не землю нашу пропащую.

И Захарова Нина искренне засмеялась, обрадовалась своей удачной и обидной шутке.

– А ты бы не побоялась, поехала? – глянул ей в глаза Костомаров.

– Я? А то ты не знаешь меня! Я бедовая. Боюсь только отца. Даром, что он покойник давно, а всё боюсь. И ничего больше. И никого. И ты меня слушай. Сам меньше дрожать будешь. И главным агрономом станешь. Зря, что ли Петра...

– Заткнись, тварь! – как с цепи сорвался Костомаров Сергей. – Сама знаешь в какие клещи Данилкин меня зажал аж за самые помидоры. Ты, что ли, сводки эти брехливые да отчёты-пузыри мыльные сочиняла? Ты подписывала их перед директорской подписью и печатью? Ты черновики набрасывала, и только! Кстати, потом, когда я их подправлял и в саму сводку да в отчет вставлял – рвала ты черновики в мелкие кусочки. И в сортир на улице высы-

пала. Зачем? А чтоб мои следы оставались, а твоих как и не было. Да ты падаль последняя! Чего ж я раньше-то не допёр!?

– Да пустое это – сводки, отчёты. Всегда и везде скажешь, что директор заставлял. А ты, мол, боялся, что он тебя из экономистов высвистит. Ты ж зоотехник. Ветеринар без практики. Ну, выкинут тебя из конторы тёплой. Будешь весной да осенью с Кравчуком посменно пахать на тракторе. Если научишься. Трактор ты пока только из окна видел.

Да и хрен бы с ним, дура! – схватил её за плечи Сергей Костомаров. – Я-то и на пашне приловчусь, не обмишурюсь. Но ты ведь на моё место струхнёшь сесть. Подпиши под дутой цифирью ставить. А?

– Ты, Серёжа, живешь со мной уже семь лет. Сам через три года, в шестидесятом из родного Жукова выдернул меня. Но так ты меня за эти годы и не понял до конца. Я, знаешь ли, нигде никогда не струхну. А вот ты как есть – трусоватый экземпляр. Тебе за меня и держаться надо, чтоб в яму какую не провалиться. И бояться меня разрешаю тебе прямо от доброты сердечной. Потому как знаю я про тебя всё. А спрятаться тебе кроме как за меня, некуда.

– Намекаешь? – спросил Костомаров и окинул жену с ног до головы мутным от самогона и потаённой ярости взглядом.

– Про Стаценко, что ли? – засмеялась Нина Захарова. – Да ты перепил, дорогуша моя! Я ж с тобой там была. Слепленные мы с тобой в один грязный вонючий комок. Ну, а то, что горло ему ты лично пробил, не знает же никто. Данилкин да я. Но ему смысла нет тебя сдавать. Ты ж его сразу за собой и утянешь. Он же тебя лично из дома вытащил. «В самый раз сегодня», – передразнила она свистящий шёпот Данилина. – И нож тебе кто дал? Я? Нет, Данилкин. Вытер его перчатками и дал. А кто это видел? Кроме меня был кто? Не-е. Не было. Держись, говорю, меня, Серёжа. И не перечь ни в чём. И будешь жить сладко, толково. При должности, при деньгах. И при мне, само-собой.

В таком духе с редкими перерывами на сон в разных кроватях и походами в магазин за куревом и хлебом беседовали они, почитай, недели три с хвостом.

И с каждым днём Костомаров становился всё покладистей и мягче. А числа пятнадцатого января с утра сказал ей душевно, даже ласково.

– Ты, Нинок, у директора отпросись на денёк. Завтра все на работу выходят.

Погуляли уж. Так ты попросись у него в пятницу на день в город съездить. Там ведь тоже почти ни один магазин не работал. А сейчас уже работают. А я тебе дам денег и ты вместо меня купишь себе подарок. Какой душа попросит. Шубу красивую за тысячу рублей. Чтоб тут ни у кого такой не было. А я в них всё одно не понимаю ничего. Такой подарок от меня – за ум твой, надёжность и верность. Имею право подарить любимой? Имею. И прости, что ругался с тобой почти месяц. Так и до развода недалеко. Глупо получилось. Ты-то права во всём. Извиняй, душой умоляю!

– Да ладно тебе! – радостно воскликнула Захарова Нина. – Забудь! А подарок такой дорогой и не заслужила я.

– Ещё как заслужила! – Костомаров обнял её и прижал к себе. – Ты большего заслужила. Ну, давай, иди к Данилкину. Отпрашивайся.

Данилкин Григорий Ильич сам был с тяжкого похмелья и она всего-то и успела сказать, что в пятницу собралась в город съездить. Даже зачем, не успела похвастаться. Отпустил её Данилкин в Кустанай без разговоров.

В пятницу её в совхозе уже никто не видел. Уехала она. И не вернулась. Ни вечером, ни утром, ни через месяц. О том, как её разыскивали я расскажу позже.

Потому, что сам Костомаров прибежал к директору тем же днём, но аж в двенадцать ночи. Губы его тряслись, пальцы дрожали и он убитым голосом доложил, что вот прямо сейчас договорился с Толяном Кравчуком и они вдвоём выезжают в Кустанай на «Москвиче» разыскивать и в городе, и по дороге к нему жену свою.

– А куда она могла там вляпаться? – изумился Данилкин, директор.

– Она ведь шубу купила там дорогую, – Костомаров Сергей всхлипнул. – Кто-то, видать, отследил и потом по дороге на автовокзал напал. По больницам надо искать.

– С утра бы и поехал. Куда она из больницы денется? – Данилкин сказал это, но потом рукой махнул. – Езжай, ладно. Чтобы ночью с ума не стронулся.

И Костомаров убежал к Кравчуку. Через пятнадцать минут они уже торопливо

перемещались по двум черным асфальтовым полоскам, продавленным в снегу тяжелыми грузовиками. Кравчук вернулся через три часа. Костомаров сам его отослал. Сказал, что один управится. Город маленький. Всё под рукой, что надо.

А часов в пять утра низкие тучи вывалили на совхоз и все его поля первые десятки тонн мягкого снега, потом целый день не унимались и сбрасывали крупные хлопья так буйно, будто кто-то, руководящий всем на свете, прибил эти переполненные снежинками тучи к небу и выбивал из них сверху весь трехмесячный запас. Когда народ раненько начал собираться после завтрака в контору для получения разнарядок на разные работы, то в двери почти никто выйти не сумел. Мужики выдирали паклю из утеплённых окон, выставляли рамы, прыгали в сугроб, не дотянувшийся малость до окна. Жены оставались в хате, вставляли рамы на место и шли к дверям ждать пока деревянной лопатой мужья освободят от завала двери и раскидают снег в стороны в виде дорожки, чтобы можно было выбраться из ограды. Градусники показывали всего минус двадцать четыре, поэтому много холода до возвращения с работы в дом не просочилось бы сквозь щели без пакли. До конторы с разных концов посёлка все шли смешно. Как цапли поднимали поочередно ноги в тяжелых валенках и вертикально вонзали валенок на полметра вперёд, балансируя при этом руками как канатоходцы.

Часть трудового народа добрела до конторы без осложнений. Но многим припозднившимся не повезло. Плотный слой снежинок, опускающихся вертикально, вдруг скособочился, ускорился и понёсся под углом к планете со скоростью сорвавшегося с цепи молодого злого пса. Это издалека далёкого прибыл северо-западный ветер. Быстрый, холодный, сердитый.

– Во, мля, повезло-то как! – радостно завершал придурок местный Артемьев Игорёк. Буран летел в него со спины. Поэтому Игорёк подпрыгнул, взлетел над сугробами и расставил руки. Его сначала уронило, но не утопило в снегу, а понесло вперёд. Он только слегка помогал чудному передвижению ногами. Отталкивался и плыл по сугробу как моторная лодка по гладкой воде.

– Эй, доходяги! – орал он идущим сбоку и позади. – Сколько я могу вас учить? Берите пример с дяди Игоря Артемьева. Он силён сообразительностью и тесным контактом с природой. Как зверь! Чую нутром, как с ней жить в любви и взаимопомощи! Делайте как я!

И почти все повторили трюк Игорька, и понесло их к главному дому совхоза как перья куриные.

– Ты б на работе показывал взаимопомощь природе! – крикнул Олежка Николаев.

Но впустую. Не долетел до Артемьева голос. Потому как Олежка шел против ветра и стены снежной. И ещё человек сорок, не меньше. Они ложились грудью на ветер и гребли руками как вёслами, едва заметно продвигая себя вперёд.

Вот чего-чего, а такой подянки от погоды никто не ожидал. Все мечтали поскорее догresti до конторы и затаиться там. Дождаться пока силы у бурана

скончаются да к работам приступить. Никто пока не предполагал, что конкретно сегодня на уме у директора Данилкина. Все надеялись на то, что механизаторов он пошлёт ладить побитую в войне со степью технику, а остальных отпустит. Кого домой, кого по тёплым рабочим местам. В больницу, столовую, библиотеку и магазин.

Данилкин сам спустился в конторскую прихожую. В большой холл с зеркалами и портретами Ленина и Маркса по бокам от знамен СССР и КазССР. Он был подтянут, трезв, побрит и пах «Русским лесом», что насторожило рабочих, отряхивающих на цементный крашенный пол налипший комьями снег.

– Дождались, слава богу! – не по-коммунистически, но всё равно искренне воскликнул директор Данилкин. – Не ждал я, хоть и знал прогноз, такого счастья.

Это ж сколько мы влаги накопим теперь! Надо только задержать снег по-умному. Короче, у нас на складе двести щитов дощатых и восемьдесят пять камышитовых. Подпорки там же. Сегодня ждём, а завтра ставим. Но сдаётся мне, что при таком щедром снегопаде нам их будет мало. Значит, берем двадцать добровольцев и идем на склад. Там есть всё. Молотки, гвозди, веревки для камыша, проволока, камыш прошлогодний и доски. Делаем ещё сто щитов. По пятьдесят из разного материала. А Кравчук, Чалый, Лазарев и Айжан Курунбаева

вешают на трактор снегопахи и с обеда до темна делают валки по шестьдесят сантиметров в высоту, не ниже. Потом снегопахи поднимите и гусеницами промежутки между валками утопчите поплотнее. Понятно всем? Добровольцы кто?

– А кто вперед выбежит из конторы, тот и получит удовольствие от труда праведного! – Артемьев Игорёк сорвался с места и, разбрасывая не растаявший на полу снег, через чёрный

ход вылетел на улицу. Ветер подхватил его небольшое туловище и понёс почти точно ко второму складу. За ним помедленнее вывалились остальные и получилось добровольцев примерно полсотни.

– Всё! Хорош! – скомандовал чётко трезвый Данилкин. – Больше в склад не влезет. Да и молотков не хватит. Остальные идут по домам и завтра с восьми все собираемся возле первой клетки. Будет шесть тракторов с прицепами на полозьях. Туда загрузим заранее щиты, сядем сами и поедем делать снегозадержание. Есть вопросы? Этим, которые на складе, я сам скажу. Все свободны.

– Он аккуратно достал из кармана пачку «Беломора», выбил щелчком папироску

И, разминая её на ходу, пошел на второй этаж. В кабинет.

– Хрен мы за день завтра всё расставим, – задумчиво произнёс Мостовой Кирилл.

– Бурана не будет – успеем, – бодро сказал Валентин Савостьянов. – Мы ж орлы все. Не голуби.

По домам расходились чуть ли не ползком, но с улыбками. Хорошо Валюха пошутил. Оптимистично. Правда, не угадал ни фига.

...В восемь утра следующего дня ветер поменял направление на северо-восточное, стал сильнее, а снега в туче не убавилось, наверное, и на десять процентов. Опять мужики раскопали себе выходы из домов и уже возле первой клетки, куда добрались как инвалиды, Кирюха Мостовой пересчитал народ и сказал:

– Семьдесят шесть человек нас. Надо, чтобы сюда вернулись все. Поэтому – всем держаться группами по пятеро и постоянно перекрикиваться. Падать нельзя, садиться на снег не надо, держаться рядом и с места на место переходить по двое. Один держит щит сзади, другой спереди. Третий идет впереди через валки

на сорок метров и ставят щиты. Потом группой – за следующей порцией. Потом собираемся у конца первой клетки и идем на вторую. Ну, Ленин с нами! И все основоположники коммунистической идеи!

Все развеселились, а тут и трактора с прицепами, полными щитов пришли.

И началось то, что все и через пару лет потом вспоминали с остатком тени ужаса на лицах. Началась узаконенная природой битва с природой за вполне вероятный

славный урожай.

***

Вчера четыре трактора нарезали валков на полях много очень. Валок – это очень нужный сугроб сантиметров по шестьдесят в высоту. Он снег на себя собирает и держит. Трактор перед собой несёт валкователь, похожий на нос корабля. А за носом этим что-то наподобие крыльев. Носом трактор врывается в толщу снежную и крыльями разводит снег в стороны. Получается

десятиметровая прогалина по бокам сугробы-валки. Их ставят, естественно, поперёк ветра, чтобы буран налепился на эти валки и снега становилось больше. Весной он таял разливая по сторонам накопленную в валках воду. Чалый Серёга с утра доложил директору, что шестнадцать клеток до утра прихватили. Оставалось ещё два раза по столько. Данилкин пришел провожать всех, кто уезжал щиты ставить. Снегопахи-валкователи не спали совсем, потому и валков нарезали несчётное число. Утром они подогнали машины свои к первой клетке, тоже проводили забравшихся на прицепы людей, одетых в ватные штаны и полушубки, шапки с опущенными ушами и обёрнутых вокруг шеи толстыми шарфами да шальями, арендованными у жен. А когда трактора с прицепами уже через минуту движения исчезли с глаз, занавешенные плотной портьерой снежной, все четверо включили движки, потом печки и мгновенно уснули часа на два. Разбудить их должен был заправщик. Трактор с прицепленными санями, в которые поместилась двухкубовая цистерна с соляжкой. Он должен был подкатить к одиннадцати, разбудить снегопахов, заправить баки и дополнительные канистры. После чего передохнувшие малость мужики и Айжан Курунбаева собирались валковать на клетках с семнадцатой по двадцатую.

Я вам, читатель, забиваю голову вот этими валкователями, номерами клеток и щитами для снегозадержания не для того вовсе, чтобы окунуть вас в непонятную терминологию и в незнакомые далёким от полеводства гражданам действия сельхозников. Я просто хочу, чтобы вы глубже вникли в высокую степень тяжести трудового процесса, необходимого хотя бы для временного оздоровления истерзанной за десять лет земли, которая по причине древнего способа вспашки с огромным отвалом пласта, поставленного плугом почти вертикально, при сильных ветрах теряла веками копившийся плодородный слой. Гумус. Его и так в бедных землях степных было с гулькин нос, а частые пыльные бури вышибали из отвальной пашни и прахом развеивали на десятки километров и фосфор, и азот с калием. Без чего ни цветы не растут, ни деревья, ни пшеница. И овёс не растёт, и просо. Да ничего не лезет из такой земли кроме шариков «перекасти поле» и редких серых, жестких как прутья, травинков. Им для жизни почти ничего и не нужно было. Любая твердь земная. Хоть голимый солонец.

И вот если буран дикий с ветром сногшибательным и сугробами по пояс для горожан – пугало нежеланное, то для хлеборобов степных он – счастье и надежда.

Правильно собранный и накопленный снег весной растает и накормит почву всем, что есть в богатой талой воде. Надо только не опоздать. Не дать снегу улететь вместе с ветром в никуда, не позволить ему стать обычной белой холодной пылью, которая носится над землёй и не ведаёт, где конец её полёта.

Трактора развезли народ по точкам на клетках. Мужики скидывали по пути щиты и подпорки, но так, чтобы они почти прямо торчали в толстом слое снега. Иначе не найдёшь потом. Завалит и не покажет уже до весны. Трактор от трактора разъехались на несколько километров в разные стороны и начали кататься между валков, придавливая полозьями пространство, отделяющее валки. Оно простиралось от начала клетки и ширину имело в десять метров. Вот мужики каждый год выбирали положение щита точно против ветра, втыкали его в валок и сзади ставили подпорки.

– Валя, ты где, сучий хвост!?! Вот, бляха, Данилкин, сучок! Должен же был ещё одного работягу дать, чтобы следил за щитами да помогал! Жлобина, блин! А вдвоём за всем не успе-

дишь. Щиты засыпает прямо на глазах! – верещал Артемьев Игорёк, прихвативший один край щита. Щит был всего полтора метра в одну сторону, да столько же в другую. Но Вали Савостьянова за буранной стеной видно не было. Как и самого конца щита. – Ва-а-алентин, бляха! Сдуло тебя что ли?

Он бросил край своей половины снегозаградителя, обошел его слева и, нагнувшись, пополз на четырёх точках вперёд. Так против снежного урагана ещё можно было двигаться. В варежки сразу набилось по полкило снега, а за воротник, перетянутый шарфом, его прилетело тоже с килограмм. Метров через десять он лбом уперся в колени Савостьянова Валентина. После чего сверху на его спину опустились, ошупывая, тяжелые руки Вали.

– Артемьев, придурок, тебя где носит?! Мы же пару минут назад рядом стояли! -

Савостьянов поднял Игорька. – Щит-то здесь, а ты куда попёрся?

– Где щит, покажи! – кричал Артемьев Игорёк. – Дай мне его, сучок ты ломанный!

Валентин опустился на колени и стал ползать кругами, стуча по снегу мокрыми варежками.

– Я же, бляха, сейчас только стоял на нём. Тебя ждал. Ты где?

Артемьев Игорёк не видел, куда уполз напарник. Метра полтора в сторону – и всё. Буранное месиво глотало человека и звать его не было смысла. Ветер встречный был мощнее голоса и тут же отбрасывал крик за спину. В пустоту, захваченную несущимся с бешеной скоростью бураном. Поэтому Артемьев тоже пополз кругами и вскоре они с Валентином стукнулись друг об друга боками. Игорёк схватил его за шапку, оттянул суконое ухо и в щель появившуюся крикнул.

– За штаны меня держи и хилий за мной!

– А где щиты наши помнишь? Следы твои занесло поди. – Валентин крепко ухватился за артемьевскую штанину. – Поползли! Приморозило тебя к земле что ли?

Как Артемьев Игорёк нашел свой путь, он и сам не понял. Но нашел. Доползли они до щита.

– А под ним второй, – закричал Артемьев и лёг на щит. Отдыхал. Валя появился слева и тоже примостился на щите.

– Во, мля, второй! Держу его, – Савостьянов Валентин пошустрил рукой по сторонам и внизу. – И третий тут. Давай ставить. Подпорки под щитами.

– Тяни на себя! – Игорёк Артемьев прополз по деревянной решетке, укрепленной крест-накрест толстыми рейками. Порвал штанину на колене. Выругался семиэтажно.– Теперь весь снег через дыру пойдет. Полные штаны снега и полный валенок. Давай, ставь его на ребро.

Валентин поднял щит вертикально и его вместе с этой крупной деревяшкой подняло над сугробом и уронило метра за три от обалдевшего Артемьева, который оледеневшими вареж-

ками не смог удержать свой край. Как мраморная гробовая плита лежал этот щит на Валечке Савостьянове. Усиленно помогая телу матюгами он как-то выкатился из-под него и вцепился в края руками.

– Вот так понесём. Плашмя, – он захватил подпорку, сбоку лежащую, бросил её сверху на дерево, Игорёк Артемьев прихватил щит, поднял и задом медленно, наваливаясь спиной на ветер, двинулся к ближайшему валку.

– Двигай! Правильно идешь! – кричал Валечка, толкая решетку вперед и Артемьева вместе с ней. – Стоп машина! Втыкаем его снизу в валок и медленно вдвоем поднимаем!

Как ни удивительно было для самих трудяг, фокус получился. Савостьянов Валентин подставил под крестовину подпорку и минут через десять, поливая самыми отвратительными словами буран, щит, подпорку и почему-то заодно директора Данилкина, конструкцию они закрепили.

– Я потный весь, – без выражения сообщил Игорёк.

– Так и меня хоть выжимай! – засмеялся Савостьянов. – А потому нам стоять нельзя. Заледенеет. Давай за следующим щитом. Бегом.

По ветру получилось не то, что бежать – почти лететь получилось. Стукнулись валенками о щит. Сели.

– А этот давай вообще по земле потащим, – Артемьев встал на колени, прихватил щит и потянул его, отталкиваясь коленями. Валечка толкал его вперед с другой стороны, не забыв закинуть подпорку. Потом, когда передний край воткнулся в валок, оба подсели под другой конец, Игорёк схватил подпорку, и они синхронно стали подниматься с колен, воткнув подпорку в снег и в щит. Поставили и этот.

– Не даст Данилкин, сука, премию! – огорченно прокричал Валентин.

Артемьев, как ни странно про премию сразу же услышал.

– Мы на него Серёгу Чалого натравим. Это не просто ударный труд. Тут риск для жизни! А для здоровья – стопроцентный трюндец! Вон с меня в валенки вода льётся вместе с потом. Я и не доживу до премии-то.

– Совхоз похоронит. Петруся похоронили же. Ничего. И поминки были как банкет.

– Ну, какой поганый рот у тебя! – взбрыкнул Артемьев Игорёк. – С женой так же разговариваешь? Пошли вон третий ставить, последний!

– Хрен там последний! – расстроено прокричал Валюха Савостьянов. – Это мы только один заслон поставили. А вон другая точка наша. Вон ещё одна. А левее последняя. Нам до вечера позднего колупаться, если буран не помрет раньше нас.

– Давай хоть перекурим, – остановился за щитами Артемьев. Через них почти не дуло. Ну, с ног не валило, и то радость.

Они долго пытались зажечь спичку и прикурить. Получилось раза с десятого.

– Шаби скоренько, – посоветовал Валя.– Стоять нельзя. Задубеем и коркой покроемся. Как панцирем. Тогда работать не получится.

Но не задубели. Не успели. Побежали пригнувшись, как под пулями, но боковой ветрище пролетел как-то поверху и через пятнадцать минут они уже выковыривали три других щита и подпорки. Приладились как-то к бурану. Освоились. И ещё часа за четыре установили все остальные снегозадержатели.

Стояли они и любовались на дело рук своих умелых. Снег уже останавливался на щитах. Росла горка. Скоро она вырастет до полутора метров и в длину будет четыре с половиной. Хорошо. Очень хорошо.

– Надо бегать и подпрыгивать пока трактор за нами не придет, – Игорёк начал прыгать на месте и делать корявые пробежки, падая под ветром и натываясь на валки, сделанные снегопахом Серёги Чалого. – Бегай, Валя! Прыгай! А то скопытимся до нашего трактора.

И они начали бегать, насколько это удавалось, прыгать, толкаться боками. И было им тепло. И не только потому, что в степи тепло было – минус двадцать четыре всего. А от удовлетворенности трудом своим тоже.

Так вот радостно и сохраняли они себя мощным движением после успешного дела. Так вот гордо глядели они на все свои конструкции, стоявшие прочно, надежно и выполняли исправно свои обязанности снегозадержателей. Было всего три часа дня. Скоро и трактор придет, и дома печка уже ждёт, с утра растопленная на всю катушку. И самогон с огурцом солёным и салом тоже ждут не дождутся покорителей целины.

Но вдруг что-то, сначала непонятое, остановило обоих. Они застыли на месте и одновременно глянули вверх. Неба видно не было. Но снег летел в другую сторону. Вместе с ветром, ясное дело. Буран поменял направление почти на девяносто градусов. Раньше снег летел в рот если Игорёк стоял лицом к щиту.

А теперь ураган дул точно в левый бок и вздымал край полушубка чуть ли не до левого плеча. Да и валить обоих стало на правую сторону.

– Да мать же твою перемать, да дышло же тебе в нюх! – воскликнул потрясённый Валечка Савостьянов, обращаясь, видимо, к высшей природной силе. – Ты чего же творишь, растудыт твою через коромысло!

Артемьев Игорёк сел на корточки, закрыл лицо варежками и громко застонал, будто у него заболели сразу все зубы.

Так они и зависли в негданном оцепенении и очнулись только тогда, когда услышали шум, исходящий от приближающегося трактора.

– И на хрен он теперь тут нужен, трактор? – спросил у природы Валечка.

– Надо, мля, переставлять всё! – удивлённым и свирепым голосом заорал Артемьев Игорёк. – Фасадом на ветер надо щиты переставлять. Вот же паскудство-то, а!

Подъехал трактор. В прицепе сидели восемь мужиков с других клеток.

– Мужики! – крикнул тракторист из кабины. – Сейчас ребята вам помогут. Переставим. Потом поедем на их клетки и тоже переставим. Так что, не писайте в штаны. Всё будет абгемахт!

Выскочили из прицепа ребята и битва с природой возобновилась с ещё большим остервенением. В кинофильме каком-нибудь очень патриотичном обречённость работяг на необходимость выдержать всё и довести дело до нужного результата – сошло бы за неиссякаемый трудовой энтузиазм отчаянных и умелых покорителей непокорной целины.

Восемь мужиков – не двое. Шестнадцать рук и натренированных капризами целинными головами дело поправили почти моментально. За час всего. Щиты развернули на новое направление ветра, подпорки вбили основательно и трое из них порадовались за Игорёк да Валентина.

– Вон у вас с первого ветра какие стены намело! – крикнул один.

– Не развалятся уже. Толстые! Сейчас и под новым углом защиту завалит. – Похлопал Валентина по плечу второй.

– Сами не ждали, а получили двойной результат, – третий обошел огромный сугроб, начинавшийся метров за семь до того места, откуда только что переставили щиты. – Навалом теперь будет влаги. Даже с одного этого бурана!

Трактор фарил прямо на всю площадь, где разместились щиты и высокие валки. Хорошие отражатели были у фар. Пробивали четырьмя лучами буранную круговерть как хороший плотник доску острым гвоздём.

Забрались в прицеп и двинули на те клетки, с которых по очереди тракторист забирал работяг. Игорёк Артемьев пытался в темноте разглядеть мужиков, которые помогали. Но все были укутаны и обернуты тряпьем разным плотно, шапки завязаны и козырьки спущены до глаз. А глаза смотрелись сплошным белым пятном. От дыхания и шарфы, закрывавшие рты, обледенели, а с бровей и ресниц свисали стылые снежно-ледяные лохматые полоски.

– Димка Нечаев есть тут? – крикнул Артемьев Игорёк.

– Я это, – отозвался белый с чёрными проблесками силуэт из угла прицепа.

– А чего ж ты, подлец, без баяна тут делаешь? – Игорёк заржал как конь, которого только что покормили. – Мы бы станцевали сейчас гопачка или цыганочку! Погрелись бы. Да и вообще, поставили бы тебя с баяном на самой середине между всеми клетками, так под музыку твою мы бы голыми руками такие сугробы накидали – никаких щитов не надо.

– Ураган такой! Как услышали бы? – наивный Димка принял хохму за искреннее пожелание.

– Да ты любой ураган переголосишь! В столовой вон на прошлый Первомай так тягал меха – чуть стены не порушил. И оглохли все. Я сам три дня ни с кем после Первомай не разговаривал. Оглох. Не слышал никого, – раздухарился Игорёк Артемьев.

Пока все восемь мужиков да Валюха Савостьянов хохотали безостановочно трактор допилил до нужного места и встал, залил светом площадку, где надо было щиты развернуть. Выскочили шустро. Как вроде и не вкалывали весь день. Да и работу побыстрее сделали. Потом объехали ещё три клетки, сделали всё как надо и трактор с санным прицепом фарами своими пробивал уже не столько буран, сколько рухнувшую на поле темень небесную. Валентин попытался разглядеть на часах время, но не смог.

– Половина шестого сейчас. Без часов знаю, – крикнул из середины скученных в однородную массу, покрытых испаряющимся инеем тел, сиплый мужик. Наверное, Ващенко из Харькова. У него одного такой был голос. – Сейчас в это время резко темнеет.

Переговаривались вот так, ни о чём, около часа. Тракторист срезал угол и прямо по заметной до верха гусениц степи как раз за это время дотянул прицеп до начала первой клетки. Там уже стояли три таких же тракторных поезда с включенными фарами. Напротив них метрах в двадцати выстроились восемь грузовиков кузовами к совхозу. Они освещали утопанную рабочими площадь так ярко, что создавали в черно-белом пространстве, занятом шевелящимся, подсакивающим и бегающим туда-сюда подмороженным трудовым коллективом ощущение яркого праздника. Меж них суетливо ходил в тулупе и подшитых валенках директор Данилкин. Встречал рабочий состав, который на данную минуту съехался с полей ещё не целиком. Двух тракторов с прицепами не хватало. Ветер не слабел, снег летел из тьмы во тьму со скоростью ружейных пуль. Но людям больно не делал. Потому, что боли они уже чувствовать и не могли. Устали и заледенели. Все органы чувств отупели вкрай.

– А!– Серёга Чалый со своего трактора раньше всех увидел сквозь рыхлую снежную стену свет фар. – Оба едут! Минут десять-пятнадцать им осталось.

– Давайте все в одно место сдвиньтесь! – крикнул Мостовой Кирюха. – Сейчас ребята подъедут и по домам на грузовичках! Прямо до крылечка всех!

В толпе дружно засмеялись. Правда, это были не единственные звуки. Тот, кто смеялся, он же и кашлял. Кто-то чихал и сморкался вдобавок. Но настроение у всех было прекрасное. Иначе – хоть стреляй, а смеяться не заставишь.

Подъехали трактора и от прицепов на свет пошел народ. Он выплывал из темноты под фары как сплоченное сборище привидений. Казалось со стороны, что все они светятся мертвенным желтым мерцанием. Так фары выделяли на одежде и лицах пластинки льдинок и бугорки снега вокруг шарфов, шалей и застывших как недавно изготовленное и отвердевшее стекло. Они тоже кашляли, сморкались и чихали, но не смеялись. Шутки не слышали. Моторы у тракторов больно громкие.

– Теперь все по одному проходите мимо меня к грузовикам. Кто на северную часть поселка – левые две машины, – Кирюха Мостовой для пущей доходчивости информации сложил ладони рупором: – Кто на западную, посередке два «газона» стоят, у кого на юге дома – третья машина справа. А две правых крайних – по центральному району развезут. Давай! Пошли по одному! Толпа вытянулась змейй и граждане рабочие, пингвинным шагом мелькали

мимо Мостового, не забывая шлёпнуть его по плечу или ткнуть в бок. Кирилл на это внимания не обращал. Занят был. После каждого прошедшего мимо он делал отмашку рукой почти так же, как выпускающий гонщиков на шоссейных треках.

– Семьдесят шесть! – крикнул он громко, погромче воя ветра. – Все, стало быть! Ура!

– Ну и ладушки тогда, – успокоился Данилкин Григорий Ильич, директор. Тихо сказал. Один Кирюха-то и услышал.

Задержка образовалась на посадке в кузова. Никто самостоятельно не мог встать ногой на колесо, уцепиться за борт и забраться в кузов. У кого-то уже и сил не было, конечно. Но им, да и другим, кого снегозадержание не до дна вычерпало, влезть в кузов не давала одежда. Отвердевшая от застывшего пота и растаявшего под исподним снега. Они делали попытки, соскальзывали, валились на снег и веселились при этом как дети, съезжающие с ледяной горки в недавно купленных мамой штанишках.

Воле каждого грузовика шофер с помощником прихватывали каждого с двух сторон выше колен, поднимали и как мешок переваливали через борт. Чуть больше, чем за полчаса машины были готовы к отправке.

– Завтра! – крикнул Данилкин, стоя в центре колонны. Освещенный со всех сторон фарами он имел такой светлый образ, что его запросто можно было спутать с ангелом. Если бы, конечно, кто-то в них верил. – Завтра в десять утра всем сбор в ленинской комнате. Разберем подробнее сегодняшнее дело. Всё слышали?

Народ кашлял, чихал, сморкался и кричал вразнобой примерно такой текст, хотя в различных вариациях: – «Поехали, блин!»

– Да все поняли, – сказал директору Чалый Серёга. – Вас подвезти? Вон мой трактор.

– Да ну! – хмыкнул Данилкин. – Мне тут идти три минуты. Или десять. Как пойду смотря.

Машины уехали, трактора тоже и пошел директор Данилкин потихоньку домой. Газетки почитать, поужинать, да лечь пораньше. Устал за день от переживаний.

***

А утром в десять в ленинской комнате собрались все снегозадержатели, включая трактористов.

– Поздравляю с добротной работой! Похоже, будем с хорошим хлебом в этом году. – Данилкин поднял вверх руку. – За снегозадержание объявляю всем благодарность и выделяю каждому премию в размере пятидесяти рублей. Можете получить после собрания в кассе.

– А мне будет премия? Мне никогда не давали ещё. Просто тянет попробовать получить. Вдруг и я в коммунизм поверю! – с ехидной рожей спросил Игорёк Артемьев.

– И на тебя выписана! – Данилкин улыбнулся. – Аж полсотни рубликов. За неделю хрен пропьешь!

– Он их за час профукает, – захохотал Кравчук Анатолий.

И всё солидное собрание залилось смехом сквозь кашель и чихание.

– На всех клетках поменяли угол щитов строго в лоб новому ветру? – задал главный вопрос директор.

– Так точно! – от имени всех гаркнул Мостовой Кирилл, который вместе с Чалым на приличной скорости объехал все рабочие площадки.

Это у нас двойная удача! Столько прихватим снега, что хорошему урожаю просто деться некуда! – Данилкин, директор, похлопал в ладоши и весь зал раскошелился на полноценные бурные аплодисменты.

– Оп-па! – воскликнул Олежка Николаев, который сидел на подоконнике. – На улицу гляньте.

Все повернули головы, а сам Данилкин подошел к окну.

– Ё-ё-о! – в тишине внезапной прошептал он. – Ветер опять повернул. Снег теперь гонит с востока. Аж деревья гнёт возле конторы. Вот это прибыток неожиданный, а!

Все смотрели в окно, не отрываясь. Даже не кашлянул никто.

Мимо окна пыталась против ветра проскочить собака. Она в столовой жила. Из города щенком привезли. Так вот собака всё время была напротив окна, хотя усердно перебирала ногами и хвост её пушистый развевался на ветру как вымпел над крышей конторы.

Народ, не сговариваясь, оторвал взгляды от третьего ветра с прекрасным благодатным бураном и уставился на директора.

И такая поселилась тишина в комнате ленинской, будто помер вождь не чёрт знает сколько лет назад, а только что. Вот прямо тут, при всём обалдевшем честном народе, живущем свою замечательную, полезную, хоть, конечно, и не очень-то радостную жизнь

Глава шестая

Фамилии героев и названия населенных пунктов кроме города Кустаная – изменены автором.

***

Морозы мало кого пугали из степных жителей большой кустанайской области. В тридцать градусов почти никогда и занятий в школах не отменяли. Если, конечно, ветра не было. Он даже слабенький по местным меркам двадцатипятиградусный мороз превращал в испытание. Народ всякие свои уличные дела сворачивал. Потому как ел аппетитно мороз человека и обгрызал его до костей. Радовался мороз помощнику-ветру, продираясь ледяными зубами своими через семь нацепленных одежек и глухих застёжек.

А временами наваливались на степь холода жуткие для всего живого. Не каждый год, конечно. Но случалось, что не поладят в чём-то, нам неведомом, силы земные с небесными, и начинается такая неволя для народа и всего прочего, что мычит, лает, кукарекает или из земли растёт, что даже ураганы с буранами или песчаными бурями кажутся шалостью сил природных, всемогущих.

Вот в ночь на семнадцатое января 1968 года почти всю округу степную кустанайскую придавил не просто мороз, а монстр-убийца всего живого и разрушитель всего самого прочного. Серёга Чалый пару часов назад пришел с МТС. Отвалковал снегопахом последние четыре гектара и, поужинав, читал журнал «Юный техник», где много чего полезного находили для дела и очень взрослые. Ирина, жена, вернулась со своей нефтебазы пораньше, всё успела сделать для сытного вечера и решала с дочерью какую-то замороженную задачку. Было тихо и Серёга услышал вдруг потрескивание дерева на чердаке и стекол во всех четырёх окнах. Да и собаки соседские на улице стали вдруг усиленно лаять непривычными звенящими голосами.

– Опа! – подошел к окну на кухне Чалый Сергей и стал изучать спиртовой градусник, прибитый к наличнику. Красная полоска спирта прямо на глазах опускалась в самый низ градусника и приближалась к цифре тридцать семь. – Кажись, кранты всем делам нашим. Утром рано будет уже за сорок. Надо подтопить.

Он накинул фуфайку, шапку, влез в валенки и побежал к сараю с пустым ведром под уголь. Пока добежал, пальцы приклеились к ручке ведра. Забыл рукавицы. Ну, выкрутился, конечно.левой рукой накидал доверху угольные куски и бегом в хату. Снег скрипел под валенками так, будто бежал Серёга по рассыпанной толстым слоем соли. Это ломались и лопались кристаллы снежинок.

– Чего ты? – оторвалась Ирина, жена, от изучения с дочерью математических причуд. – Топить будешь? Так жарко же, Серёжа. Не уснём. Баня получится.

Чалый Серёга, суровый и деловой, жене пока не стал отвечать, а закинул всё ведро в топку, надел рукавицы и побежал с пустым ведерком по-новой. Чтоб ближе к утру, когда самый колотун грянет, подкормить свою хорошую печь.

– Подожди малость, приду расскажу, – он побежал на улицу к будке собачей. Барбос у него был серьёзный. Алабай. Почти телёнок. Серёга его купил двухмесячным пацаном три года назад на выставке собак в Кустанае. Назвал его красиво – Валет. За три года Валет стал гигантом и когда хотел чувства выразить, вставал на задние лапы, а передние клал хозяину на плечи и снизу вверх проводил языком по Серёгиной щеке. Чалый – здоровый мужик. Под метр девяносто ростом. И весил сто килограммов с копейками. Так Валет даже его чуток к земле пригибал, а когда облизывал, то Чалый Серёга шею напрягал основательно, чтобы друг его любимый её не своротил нечаянно. Будку ему Чалый сколотил из толстых досок и снаружи всю её обложил слоем стекловаты и поверху прибил к доскам длинными гвоздями фанеру. Но

ниже сорока градусов будка эта Валета уже не согревала. Год назад такой мороз три дня гулял по совхозу и лёс простыл. Болел потом месяц. Отстегнул Чалый карабин от цепи и притащил Валета на кухню.

– Здравсти! – удивилась Ирина, жена Серёгина. – Чего это вдруг? Есть будет за столом, с нами? Стул ему поставить, тарелку отдельную, ложку с вилкой?

– Пошли, покажу что-то, – Серёга поманил её пальцем к окну. – Гляди на градусник.

– Сорок? – не поверила градуснику жена. – Так в пять часов вечера тридцать два всего было. И что теперь, Серёжа?

– Хреново будет теперь, – Чалый Сергей постелил Валету старую телогрейку свою возле умывальника, подвел его и сказал «лежать». – Очень быстро падает температура. Это может означать только одно: будет очень холодно и долго. Не неделю даже. А сколько – никто не скажет пока. По радио, конечно, объявляли. Но Данилкин уже восемь лет пишет везде, чтобы и нам радиoliniю протянули. Не могут. Далеко мы. Не от чего провода тянуть. А тридцать километров от «Альбатроса» – это разве далеко? Я с директором ихним, Дутовым, разговаривал. Он сказал, что разрешение в Облсвязи мы сами должны выхлопотать. Без разрешения он к нам ветку кинуть не может. А им в совхоз линию провели ещё в конце пятидесятых. Восемьдесят километров. Сто шестьдесят столбов воткнули от райцентра! И ничего, государство не развалилось и по миру не пошло. А мы сидим тут в отрыве от жизни, бляха. Газеты и то через три дня привозят.

– А что будет, если мороз за сорок больше двух недель простоит? – Ирина села на табуретку и испуганно прикрыла рот ладонью.

– Хреново будет, – Чалый оделся потеплее. На обычные брюки надел ватные, на свитер трикотажный напялил шерстяной из собачьей шерсти, который связала ему директорская жена на день рождения. У них две больших лохматых собаки. Сибирские пушистые лайки. Данилкину друг привез из Якутии. Учились вместе в Высшей партийной школе в Москве. Так что только Надежда, жена директорская не вязала из их мягкой, теплой белой шерсти! Серёга погладил свитер на животе и улыбнулся. Потом тулуп накинуд, ушанку и варежки двойной вязки нацепил. – Пойду к директору. Надо подумать, что делать будем. Таких морозов за десять наших целинных лет не было ещё. Много бед может быть. Никто ж сроду к таким холодам тут не готовился. Приду часа через два.

Он шел по поселку мимо домов, из которых вылетали мужики с вёдрами для угля и те, кто уже набрал и нёсся в хату. Почти во всех дворах копошились силуэты возле будок с собаками. Тоже отцепляли и уводили в квартиры. У Кравчука собаки не было. Зато он кур развёл десятка полтора и сейчас делал, наверное не первую ходку в курятник. Перетаскивал их по две-три в дом. Бежал он быстро, резко, нес большую курицу и цветастого своего петуха, которого, видно, прижал крепче, чем надо. Потому петух орал во все горло и сильный мороз добавлял в истошный крик звона и громкости.

– Толян! – позвал Кравчука Чалый. – Соляру надо слить с тракторов. Потом не заведемся. Так загустеет – никаким факелом не отогреешь. Обойди всех трактористов, скажи. А то поздно будет. И с моего слей тоже. А то мне к Данилкину срочно надо. Порешать, как крутиться будем. Похоже, много загубит холодрыга, если за сорок пять упадет.

– Ладно! – отозвался Кравчук Толян. – Я уже и сам думал! Сейчас я. Пять куриц осталось. Ночью замёрзнут нахрен. А я яйца люблю почти как самогон!

И его звенящий в колючем воздухе смех полетел черт знает куда над посёлком.

Данилкина Серёга поймал на выходе из дома. Одет директор был непонятно во сколько слоёв тряпья, но выглядел толще обычного вдвое.

– Молодец, Серёга! – подал он руку в варежке. – А я уже думал, кого за тобой послать. Давай в контору бегом пока телефон работает. А то лопнут провода на морозе и ку-ку! Будем в автономном плавании. Без мудрых указаний сверху.

Навстречу им бежал Олежка Николаев, Валентин Савостьянов и кузнец Иванов Алёша. На МТС торопились. С другой стороны совхоза туда же бежали ещё с десятка трактористов и шоферов. Трактористы – солярку сливать, а шоферы – свинчивать аккумуляторы, антифриз спускать. Он до тридцати пяти держит, а после каменеет и разрывает радиаторы.

– Это самое, Григорий Ильич! – кузнец остановился. – Я в кузне сейчас мехами жар раздую. Угля полно у меня. Потом из конюшни всех семерых коней с лошадами переведу. Конюшня с дырками в стенах, ворота тонкие, а в кузне им и места навалом, и жить будут пока как в раю.

– Соломы не забудь натаскать от крайней клетки. Там стог нетронутый. – подсказал Чалый Серёга.

– Ага! – успокоил его кузнец. – Коня запрягу и полные сани накидаю. Потом добавим по ходу жизни.

И все разбежались. Над совхозом висел, переливаясь под светом очень ярких звёзд и полной луны, светлый дым от очень сильно нагретых печей. Это просто здорово, что в совхозе никто не проспал налёта сумасшедшего холода. Снег скрипел под валенками, будто Чалый с Данилкиным давили на бегу тончайшие хрустальные бокалы для шампанского, которых в посёлке ни у кого не было. Шампанское здесь не пили даже интеллигенты. Врач Ипатов, учителя и библиотечка. Даже далеко отодвинутые от интеллигентности продавщицы сельмага пили в худшем случае портвейн №12. Когда не успевали завезти по графику новую партию «московской». А шампанское держали только для гостей утончённых из обкома и ЦК Компартии Казахстана.

Минут двадцать районная телефонистка не могла соединить Данилкина с дежурным обкома. Линия была занята. Наконец она сумела вклиниться и Григорий Ильич долго говорил с обкомом. Получал инструкции и строгие предупреждения.

– Ты, Данилкин, гляди, людей не погуби там. Никто пусть не работает. Все сидят по домам. Ждут особых указаний, а сами не рыпаются. У нас кадры всё решают! Понял? Людей береги! А мороз по прогнозу будет близко к пятидесяти. И продержится дней десять. Терпите! А ты звони три раза в день. Докладывай обстановку.

Дежурный, инструктор обкома Каиржанов Булат так громко излагал указания, что Данилкин отвёл трубку от уха подальше и Чалый разговор слышал полностью.

– Вас понял! – сказал Данилкин. – В экстренных ситуациях могу обратиться за помощью? Ну, там, скорую помощь чтобы быстрее прислали, если что. Или пожарников. Мало ли.

– Не сомневайся даже! – сказал Каиржанов. – Звони. Всё, отбой!

– Вот так... – директор Данилкин сел за свой стол. – Отметился я. Теперь давай думать как спастись. Это можно только своими головами дотумкать. Кустанай далеко. Да и помощь от них одна: поорут в трубку, считай и помогли, мля!

– Первое, что надо сделать – это просолидолить всё технику. Солидола много. Две бочки. – Чалый Серёга снял шапку. Тепло было в кабинете. Кочегарка возле конторы пахла исправно и жарко грела воду в батареях, поскольку Кочегар Величко пил самогон только по пятницам, и то стакан, не больше. Станный был мужик, но работал хорошо. – Потом всё, что замерзает из механизмов удалить. Все стёкла на тракторах, машинах и в домах крест накрест от краёв заклеить полосками газетной бумаги. Вместо клея – вода обычная. Приложишь к стеклу – сразу примерзнет. Некрасиво. Но зато стёкла не треснут.

– Трассу закроют. Точно закроют. К нам никто не приедет, – сказал Данилкин грустно. – Школу-то мы закроем. Каникулы будут у пацанов неожиданные. Радость большая. А вот больницу нельзя останавливать. И обмороженные будут, да и вообще... Завтра надо вызвать Ипатову. Пусть скажет, что у него есть из лекарств. Ну, ещё бинты там, зелёнки всякие, от простуды препараты и так далее. Завтра могут ещё не закрыть дорогу большую. На Газ-69 залить в антифриз спирта побольше. В больнице взять. Бензин получше выбрать. Есть две бочки девяносто третьего. С утра езжайте после нашего разговора с Ипатовым в город. Наличные сейчас дам. И в лучшей аптеке всё, что он скажет, берите. И мухой обратно. Понял?

– Да ясно всё, – Чалый поднялся, шапку надел.

– А ты где вот этих хитростей нахватался? Там слить, тут заклеить, тут солидолом промазать? – директор потрепал Серёгу за воротник..

– Да книжки разные почитываю, журналы по технике. Образование наверстываю. Десять классов закончил и всё. Потом сразу слесарить пошел. Отец-то помер рано. Нас трое пацанов. Я старший. Жить-то надо было. За мной и младшие потянулись. Зарабатывали на семью нормально. А потом я сюда поехал. Думал, буду большие деньги домой маме посылать. Посылаю, конечно. Но зарабатываем-то не шибко. Да ничего, хватает...

Данилкин, директор, покачал головой, открыл сейф и дал Серёге двести рублей.

– На всё хватит, – сказал он убежденно. – Останутся деньги – купи мне штук десять батареек «крона» для «спидолы» моей. А то лежит рухлядь. Сам забываю купить, когда в город ежу. Заморочат голову в управлении – забудешь как и зовут тебя.

И они разошлись. Данилкин домой пошел, побежал почти. А Чалый Серёга на МТС. Посмотреть, всё ли сделали как надо. И Газик заправить девяносто третьим, освободив бак от семьдесят второго, на котором в нормальную погоду ещё можно было кататься, а в такой

мороз глхнуть будет. Ещё не заведешь потом в середине степи, когда и без ветра сорок семь градусов – погибель чистая.

Часам к одиннадцати, к ночи ближе, он вернулся домой. Дочь спала, а Ирина, жена, гладила Валета. Ждала. Серёга разделся, подкинул в печку и пошел к градуснику. Он показывал уже минус сорок два.

– Проживём? – спросила Ирина и пошла к печи. Разогреть поздний ужин.

– Попробуем, – ответил Чалый Серёга и уже возле стола взял жену за руку, подтянул к себе и крепко обнял.

– Я же с вами?

– С нами, – засмеялась жена Ирина, добрая душа.

– А это что значит? – Чалый поцеловал её в пахнувший душистым городским мылом волос.

– Значит, проживём железно! – улыбнулась Ирина. – Ешь давай.

И Чалый начал ужинать. Набирать калорий побольше. Без которых на больших совхозных делах при зверском морозе не сдюжить и ему. А без него, это он точно знал, ребятам совхозным тяжелее будет.

И даже он не чувствовал тогда, что морозы эти страшные предстоит не просто перетерпеть. В них надо будет каждый день пытаться выжить.

***

Вечером мороз, Великий и Ужасный, идущий тяжкой поступью с севера далёкого, наступил на целинную землю только одной своей ледяной ногой, а вторая перемещалась неспешно в воздухе и опустилась прямо на поля вокруг корчагинского совхоза только рано утром, часов в пять. Серёга Чалый проснулся как раз в это время от прохлады в комнате. Подкинул побольше угля и пошел к окну кухни. Температуру глянуть хотел. Но стекло снизу доверху расписал холод такими вензелями, что градусник никак не просматривался. Тогда он нагрел в кружке воду прямо на углях в топке, взял тряпку, которой стол протирали, надел варежку и подбежал к окну. Опустил тряпку в горячую воду и раз десять прикладывал её к стеклу, образовалась прозрачная прореха. Серёга включил фонарик и рассмотрел на градуснике цифру, на которой закрепилась красная полоска.

– Ёе – о! – поразился Чалый цифре.

Градусник утверждал, что за окном сорок четыре градуса ниже нейтрального нуля. И значило это только одно: жизнь замёрзла, заледенела, замерла и впала в холодящий суть жизни летаргический сон. Если в сорокоградусную жару народ ещё трепыхался и исполнял труд свой, худея и выпивая декалитры воды, перегреваясь и падая в обморок, из которого с помощью той же воды возвращался в жизни и к работе. То вот в мороз, близкий к минус пятидесяти,

работать он мог только головой не в полную силу, а конечностями имел возможность только бессмысленно и почти безрезультатно двигать, чтобы не окоченеть.

В первый день гигантского мороза население совхоза имени Корчагина толком и не могло прочувствовать глубины беды. Во-первых, никто не думал, что беда затянется. Ну, день поморочит головы с телами, ну, три. А там и забыть про аномалию будет не шибко долго. Но кроме Чалого и Данилкина, директора, голос из трубки, всегда знающий правду обкомовский голос, никому послушать не довелось. Потому и перепуга явного в первый день с утра Серёга Чалый не зарегистрировал.

Он долго и многослойно одевался, и в таком виде мог бы гулять даже по Минусинской впадине, где вообще холоднее всего на свете – часто за пятьдесят. Но жена Ирина всё равно добавила к его страшноватому облику ещё один толстый шарф и намазала лицо, уши да руки до локтя каким-то жиром, в меру вонючим, но при адских холодах спасительном. В половине девятого он вывалился на улицу в виде огромного, раздутого во все стороны кожано-шерстяного предмета в валенках на толстой подошве. По валенкам можно было догадаться, что вообще-то на мороз вышел человек сам по себе крупный. Вразвалку добрался он по твердому снегу до середины посёлка, имевшего всего две улицы, зато по два километра из края в край. Он остановился и стал разглядывать правую часть села. Штакетники заборов были невысокие и все двory человек с хорошим зрением видел отчетливо.

Валя Савостьянов рубил дрова. Игорёк Артемьев, который всегда и везде работал, всем помогал во всём, но нигде конкретно не числился, отчего и кликуху имел в совхозе «привидение», заклеивал окна свои полосками бумаги. И это у него получалось коряво. Пока от тастика доносил Игорёк полоску до стекла – бумага уже напоминала деревянную рейку. Артемьев громко матерился, проклиная бумагу, родственников бумаги и родственников всех, кто бумагу сделал.

И вот, что Чалый Серёга заметил перед тем как дать Игорьку совет. Всё при таком диком морозе было почти прозрачным. Наверное от того, что более тёплая вчерашняя температура, мгновенно остывая, обращала тепло своё в кружевной тончайший иней. Именно он и давал глазу почувствовать прозрачность всего вокруг и ломкую его хрупкость. Дома почти просвечивались, деревья немногочисленные, люди, грузовики и трактора, не поместившиеся на МТС, сараи, колодцы, столбы, а ещё похожие на вырезанные из жести флаги над некоторыми домами и конторой – всё это светилось мерцающим белым светом. А призрачное, разбуженное явно потусторонним миром свечение, выдавливалось изнутри предмета, отделялось от него и дрожало в ледяном голубоватом воздухе. И, мерцая странным желто-розовым цветом под лучами не греющего солнца, осыпалось мельчайшими фрагментами разорванных холодом снежинок вниз, на твердеющий с каждой минутой снег. Птицы, обжившие крыши, вороны, сороки, снегири и воробьи летать и не пытались. Они скомкались в одинаково серые от инея куски и кусочки, сидели, вжавшись в коньки деревянные на верхних стыках шифера и сделавшись не похожими ни на птиц, ни вообще на живые существа. Поразительно голубое небо было похоже на бескрайнюю вширь и вглубь глыбу льда. Такой сказочный лёд в некоторых местах, близких к родникам, каждую зиму появляется на озере за посёлком. Лыдина небесная выглядела как хрустальный колпак, тяжелый, висящий на ледяной веревке, которую кто-то всемогущий пока держит, не отпускает. Жалеет всё, что под небом. Только вот тянет от этой лыдины таким мертвецким морозом, что дышать получается только крохотными глоточками. Иначе перехватывает горло тисками застывшими и жить мешает как привык.

– Ого-го! Игорёк! – крикнул Чалый Сергей. – Советы принимаешь?

– Не от всех, – Артемьев помахал мокрой тряпкой, которая после трёх взмахов стала похожа на верёвку фокусника. Факир дергал её за конец и подбрасывал всё остальное вверх. И верёвка превращалась в палку. Вот у Игорька фокус получился идеально, но Чалый на аплодисменты поспешил. Варежки опасно было стягивать. – Ты воду нагрей. Пока горячую ленточку донесешь – она не застынет.

– Кандидат наук Чалый Сергей Борисович! – восхитился Игорёк и убежал с тазиком в дом.

Серёга посмотрел на все окна, поворачиваясь на валенках на триста шестьдесят градусов. Правильное, конечно, но страшноватое было зрелище. Напоминало кадры из фильмов о войне, которые показывали заколоченные крест накрест окна и двери досками. На досках разное написано было краской или карандашом химическим. «Все ушли на фронт», «Жди меня, моя хата», «Победа будет за нами» и тому подобное.

– А вот будет ли сейчас победа за нами – хрен её знает, – подумал Чалый и прошелся в один конец поселка, потом в другой. Всех рассмотрел, с кем-то поговорил коротко о том, что по прогнозу ниже сорока будет дней десять, не меньше. Чтобы прибирали в дома всё, что может пропасть. И, главное, чтобы по совхозу всем передали.

Потом, не оставляя своим стокилограммовым весом вмятин на снегу, в который ещё вчера с утра по колено проваливался, пошел в контору к Данилкину. Совет держать и новости получить. В кабинете уже сидели краснощёкие совхозные начальники рангом пониже директорского. Данилкин всё долбал телефонистку, мучительно пробивающуюся на городскую АТС.

– Оборвалась связь, – сказал он Чалому вместо «Привет, Серёга!». – До этого говорил с управлением нашим. Сказали, что за сорок будет морозить уже полмесяца, а не десять дней. Ты с Ипатовым когда в город едешь? Там Кирюха Мостовой машину вам подготовил. Бензин А-93 налил, масло новое, антифриз спиртом разбавил и прогрел.

– Да я видел её возле конторы, – Чалый поручкался с каждым. – Ипатов придет и поедем.

– Короче, Чалый, попали мы на испытание, – Данилкин поднялся над столом. – Пока дают прогноз на пятнадцать дней. От сорока трёх до сорока восьми. Будет так – не будет – точно никто не знает. Но подготовиться надо.

Чалый Серёга помолчал, подумал.

– Вы бы, Григорий Ильич, через обком пробили бы на совхоз ящиков двести тушенки с военных складов. Там её лет на сто вперёд накоплено. А у меня есть предчувствие одно нехорошее. Позвоните, упростите. Вы ж умеете.

– Ладно, езжай. Вон Ипатов к конторе шкандыбают как снеговик.

– Поехал, – Чалый помахал всем. – Вернусь договорим. Честно – очень нехорошее у меня предчувствие.

Через полчаса он уже гнал по трассе, посиневшей от мороза. Но не скользкой, а, наоборот, цепкой как бумага наждачная. Машин почти до самого Кустаная не попало ни одной. Только возле города стояли милицейские патрули. «ГаЗики» шестьдесят девятые. И две «скорых помощи» летели по мосту из города в пригород, в Затобольск.

Над Кустанаем серыми мохнатыми высокими валиками торчали дымы из домашних труб. Они вертикально вздымались к небу голубому и мёрзлому, упирались в него и размазывались серой пылью по дну небесному. Непривычное и пугающее было это зрелище.

– Да... – сказал Ипатов, думая о своей больнице. – Будет мне работёнки по самое не хочу!

– Пусть лучше у тебя будет, – Чалый посмотрел на врача невесело. – Хуже, если у наших кладбищенских спецов её прибавится.

Замолчали. Так и доехали до центральной аптеки. Всё купили. Чалый сбегал напротив в универмаг и батареек директору взял.

– Во, мля! – сказал он с улыбкой уже в кабине. – Спидола музыку хорошую ловит. Под неё и помереть приятно. Хотя будем стараться выжить.

– Будем стараться... – повторил эхом Ипатов.

И, к несчастью, оба они ни капли не преувеличивали.

***

На восьмой день сил у мороза не убавилось ни на градус. Во всех домах входные двери жители обили со всех сторон полосками кошмы. Она ложились на косяки и холоду щель перекрывала. Кошму Олежка Николаев выпросил у главного агронома из «Альбатроса» Алипова. Ехали они на целину вместе из Ярославля. Росли в одном дворе, дружили. Потом Алипов поступил в институт сельского хозяйства и стал агрономом. Только начал работать в совхозе пригородном, а тут – раздача комсомольских путевок на целину. Ну, он и дружба своего, Олежку, подтянул. Николаев после школы шоферские курсы окончил и рулил по городу на хлебовозке от пекарни до магазинов. Олежка сразу согласился. Но когда приехали в Кустанай, их разделили. Алипов попал к Дутову в «Альбатрос», а Олежка – в корчагинский.

Ездил он к другу часто, потому, что скучно было в семье и душно. Семью слепили они с Ольгой без ухаживаний и романтических заклинаний. Скорее на спор.

– Хочешь – поженимся? – сказал ей мимоходом Николаев на какой-то пьяной гулянке.

– А спорим, что она за тебя не пойдёт? – подначил сидевший рядом Толян Кравчук. – А за меня – хоть сегодня. Спорим?

– Ну, ты наглый! – засмеялась употребившая полтора стакана самогона Оля Воропаева – И самовлюблённый. Думаешь, красивый, бойкий, значит всем бабам подарок драгоценный? Ты бабник. А Олежка порядочный. Вот за него и пойду. Эй, народ! Слышите? Я за Николаева замуж выхожу. Поздравляйте!

И сдержала слово. Через пару дней поехали в ЗАГС и расписались сразу, без месячной передержки.

Но не любили они с Олей друг друга. Лет через пять после женитьбы перебрал Олежка в деталях семейную житуху свою и понял наконец, что Ольга просто спряталась за его спину в свои восемнадцать лет, да и всё. Какой-то чёрт вытолкнул её, желторотую, из Мурманска. Всучил ей комсомольскую путёвку и выпнул целину осваивать. А мужик Олежка был умелый, честный и надёжный, да и повзрослее. Тридцатник ему стукнул за месяц до свадьбы. И вот он как-то от делать нечего за вечер прокрутил в памяти совместную жизнь и увидел в ней кучу событий, на которые тогда, пришибленный страстью к молодой красивой жене, просто не обращал внимания. А теперь дошло до него, что погуливала Ольга постоянно, причем частенько. И особо не маскировала измены свои Олежке с несколькими совхозными парнями. К счастью, они не входят в число действующих лиц этой повести. Поэтому не будем о них. В общем, стал Николаев Олег устойчиво остывать к жене. Сначала страсть, проскочившая ему в душу как молния, испарилась. А очень скоро и желание жить с ней в трубу вылетело. Жил по инерции. Из-за сына. Ему уже почти десять лет исполнилось. В него надо было натолкать как можно больше мужского, чтобы не пугался своей судьбы и знал, как управляться с единственным серьёзным испытанием – собственной жизнью.

И жили они каждый по-своему. Но спокойно, без надрыва, ссор и претензий. Поэтому о разводе и речи не было. Посторонние про них говорили, что хорошо живут ребята. В ладу и согласии. В пример многим ставили.

В общем, взял Олежка кошму у друга. У них в совхозе её много было. Да там вообще всего имелось навалом. Директор такой был. Всё в совхоз тащил.

Объяснял одним словом – согдится! Но вот кошма им для утепления дверей была без надобности. Все дома в «Альбатросе» строили четыре бригады из родной директорской Тулы. По проектам ставили, не просто так. А проекты Дутов выбрал лично особые, специальные. Предназначенные для размещения жилищ в очень жарких или очень холодных районах. Они были как термосы. Летом внутри прохладно, зимой – почти жарко. Из чего точно состояли эти дома даже жильцы не знали. Пока совхоз не построили впритык со старой деревней Завьяловкой, все целинники с марта по сентябрь жили за километр от стройки в палатках. Кто-то, правда, мельком упомянул, что Дутов строил из неизвестных в Казахстане финских материалов. А совхоз, действительно, выглядел не по-нашенски, не по-советски. Да и всё, что дутовская команда вообще делала на своей земле, вроде бы целиком вписывалось в наши законы, но выглядело слишком уж импортно, как бы с зарубежа забугорного срисованное. Потому не только из совхоза Корчагина туда людей тянуло переехать. Городские просились! Но Дутов брал не каждого. Только после личных проверок на месте. Вот из корчагинских, например, за десять лет только двоим повезло.

Привезли Олежка с Алиповым кошму в корчагинскую МТС, созвал Артемьев Игорёк всех и нарезали себе люди для утепления полосок вдоволь. Всем хватило. Даже на две конторских двери хватило. Кошмой придавили на гвоздях и все щели оконные на каждом доме. Тепло стало в хатах. И абсолютное большинство населения на улице не появлялось. Мытарилась на бешеном морозе самые сильные, крепкие духом и не боящиеся погибели. Им и надо-то было: всё сделать так, чтобы братья и сёстры по суровой жизни целинной прошли сквозь нападение ужаса, умертвляющего живое холодом лютым, без потерь и страданий. Было их как в книжке – всего семеро смелых. Серёга Чалый, Олежка Николаев, обалдуй местный Артемьев Игорёк,

врач Ипатов, Толян Кравчук, Валентин Савостьянов да кузнец Алёша Иванов из Рязани, где зим яростных сроду не было. Вот они и спасали свой народ, как могли, совершенно не думая о том, что схватка с этой жутью холодной сверхъестественно-чистая героика и вынужденный приступ самоотверженности.

На десятый день холода в совхоз приехал белый от инея старый военный крытый «студебеккер» и привез три тонны говяжьей тушенки. Данилкин оправил машину в столовую и все «семеро смелых» по цепочке перенесли сотню ящиков в тёплую кухню.

– На крайний случай! – поднял палец вверх директор Данилкин. – Пока команду не дам, всё вот так и лежит. Банки не досчитаюсь, вора вычислю и под суд отдам. Три года за расхищение социалистической собственности обеспечено. Поняли?

А когда прошло пятнадцать дней и сорок восемь градусов стали уже «чёрной меткой» зимы, которая тянулось как будто год уже, приехал под вечер на тракторе из колхоза «Енбек» механизатор Марат Кожаметов, сын председателя Адильбека, и привёз с собой парторга колхозного Зинченко Андрея. Они остановились возле ворот МТС и пошли в каморку, где жил в холода возле раскаленной «буржуйки» начальник МТС.

– Лёха! – не здороваясь, сказал ему Зинченко. – Собери мужиков. Помощь нужна.

– А чего их собирать? В кузне все семеро греются. Они солому по всем чердакам расстилали. Все копны почти свезли с пяти клеток. Задубели. Самогон пьют и греются. Пошли в кузню.

О! – воскликнул Чалый. – Кормильцы наши! Чего принесло вас в дубарь такой? Заглохнете по дороге – помрётё через два часа. Мясо что ли привезли? Тогда в столовую поехали. Там на складе холодном сложим. А у нас мяса осталось дня на два как раз.

– Мужики, вы молодцы! – обрадовался Толян Кравчук. – Всегда договор соблюдаете. Ни разу даже на день не опоздали. Поехали.

Марат уронил голову на грудь, засопел и плечи его в толстом полушубке стали дрожать и трястись.

– Марат, ты чего это? – Валя Савостьянов взял его за подбородок и поднял лицо. Марат плакал. В глазах его уместились и страх, и боль, и отчаяние.

– У нас вся скотина помёрзла. Померли все коровы. Все восемьдесят. Триста баранов. Четыреста свиней. Тысяча куриц. Мы нищие теперь и как жить дальше пока не знаем. Скотовод наш с фермы, Володя Рычков, повесился утром. Он ночевал с коровами на ферме.

С ума сошел сперва. Стал каждую по очереди фуфайкой своей укрывать, растирал каждую корову руками, потом свиней заставлял бегать, палкой их гонял. Но они уже не вставали. Бегать не могли. И стали умирать по одной. Коровы и свиньи. За ночь все умерли. Он утром пошел в кошару к баранам. А они холодные уже. Все на полу вытянулись. Мёртвые. Он походил между коровником, свинарником и кошарой. Плакал. Нас звал. Но мы слышали поздно. Думали, что он прибежит, позовёт нас. А он от животных не мог отойти. А утром прямо в

кошаре на ремне своём повесился. Его мы похороним. Наши уже покрышки жгут на кладбище. Копать будут могилку. А животных мы сам не похороним.

– За деревню их надо оттащить тракторами. Место разгрести, – сказал Марат сквозь слёзы, которые он не в силах был вернуть назад в глаза. – Облить бензином надо и сжечь. Весной выкопаем глубокую яму, тогда закопаем. А сейчас надо сжечь и снегом бульдозерами завалить. Помогите управиться. У нас в деревне все мужики скотники простыли, слегли с температурой. Лечить нечем. Ходячих четверо осталось. Да мы с Зинченко.

– Ё-е-о!!! – схватился за голову Олежка Николаев. – Это же голод! Подохнем. Что жрать-то? У них в колхозе семьсот человек, у нас две тысячи. Кранты, мля!

– Поехали, – поднялся Чалый Серёга. – Успокойтесь все. Сделаем дело, потом думать будем, как выжить. Никому не сказали ещё в колхозе?

– Нет пока, – Марат утёр малахаем глаза.

– И молчите. Делаем все спокойно, без нервов и суеты. Ферма от колхоза – полтора километра. Скотники болеют. Значит, никуда не пойдут. Женщины – тем более, – Чалый пошел к трактору своему и остальным махнул. – Пошли. А ты, Лёха, забудь, что слышал. Будут спрашивать нас – не знаешь, где мы. За соломой куда-то уехали. Про то, что случилось у друзей наших – ни слова. Данилкину в особенности. Вообще никому. Усёк?

– Понял, Серёга, – мрачно ответил Лёха. – Хана нам всем теперь.

– Ты не скули раньше течки, сука, – миролюбиво посоветовал Чалый и через десять минут караван гусеничный исчез с глаз в ледяной дрожащей дымке поднятых траками стылых льдинок-снежинок.

Так началась первая, но не последняя война не на жизнь, а на смерть с родной и любимой матушкой-природой, наказывающей бесчисленных детей своих за греховные дела их, рождённые алчностью и недомыслием

Глава седьмая

Названия населенных пунктов кроме города Кустаная и все фамилии героев повести изменены автором.

***

Директор совхоза имени Корчагина Данилкин Григорий Ильич в жуткие дни морозные с раннего утра и почти до ночи из конторы не уходил. Только пообедал. Идти до дома недалеко – метров сто. Всё остальное время торчал он в кабинете и регулярно звонил в Кустанай. В управление сельского хозяйства и областной комитет КПСС.

У них интересовался только прогнозами, а они от него постоянно требовали докладов о том, что у него с людьми, с техникой, есть ли больные, обмороженные и целы ли трактора, комбайны и машины. Не замёрзло ли зерно, оставленное для хлеба рабочим. Бодро отвечал Данилкин начальству, уверенно, и ничем его не насторожил. Всё было вовремя сделано. Утеплено, промаслено, спрятано в тепло. Кони в кузнице, где кузнец раздувал огонь так, что тепла на день хватало, а на ночь он угля добавлял. Соломы Чалый с ребятами привезли на целый табун. Поэтому кони и лошадки так и не узнали – был этот жуткий мороз или их просто так в кузню загнали. Отдохнуть от трудов и покушать без ограничений. В домах тоже было тепло. Чалый, Кравчук Толян и Артемьев Игорёк, раздолбай совхозный, на все чердаки в домах санями, прицепленными к тракторам, завезли и закидали соломы почти под самые крыши. Так что и сверху не пробивался холод дикий. Все детали тракторов и другой техники смазали от души, не жалея солидола, солярку успели выкачать из цистерны, разлили по бочкам и бочки эти закатали в слесарный цех, в котором люди продолжали работать. У них три своих «буржуйки» было. А на плоскую крышу они накидали снизу деревянными лопатами здоровенный сугроб снега, с метр высотой. Тепло он удерживал не хуже соломы, а то и получше. Больницу тоже утеплили соломой по чердаку, а на окна снаружи набили лишние больничные матрасы. В больнице постоянно горел свет, потому как в помещение генераторной подстанции тоже закатали десять бочек солярки и замёрзнуть она там не могла, даже если бы сама захотела.

Вообще, за два дня всего Чалый Серёга так чётко спланировал все дела и настроил мужиков на спасательные от минус сорока восьми градусов работы, что на сердце у директора камень не лежал и плохих предчувствий до поры не было.

Но вот утром Чалый пришел к нему часов в девять, молча взял со стола бумагу и с полчаса писал какие-то расчёты. Потом сел напротив директора Данилкина да огорчил его до зубовного скрежета. Кончались запасы угля и дров. На обыкновенные тридцать градусов с хвостом было затарено угля и дров. В минус сорок три-сорок восемь запасы эти вылетали из труб раза в три быстрее. Прошло полмесяца аномального мороза, а на следующие даже десять дней топлива уже не хватало. И никто не знал: десять ли дней будет мучить людей холод страшный или ещё месяц.

– Звони в обком, Ильич, – Чалый Серёга отложил бумагу и подвинул её ближе к директору. – Нам надо на совхоз минимум сто тонн. Или сдохнем, если не уляжется колотун. И ещё. Вчера обошли все дома с Николаевым Олегом. Многие занесли в тепло мешков по пять-семь картошки. А кто-то по три, не больше. Капусту, морковку, редьку, что купили мы в Затоболовке, приморозило сразу. Что успели – занесли по домам. Но помёрзло много у всех. Отпустит мороз – вывезем за село. Весной закопаем. Но овощей, считай, почти нет ни у кого. Там дней на пять всего и хватит.

Данилкин, директор, поглядел в окно, губами пожевал или отmaterился не вслух, да к телефону руку потянул.

– Звонить погоди, Григорий, – Чалый Серёга расстегнул тулуп. Жарко было в кабинете. – Дослушай. В погребах у людей не осталось пригодного для еды ничего. Земля промерзла метра на три. Все соленья, зерно, которое ты передовикам подарил, всё накрылось. Лёд вместо еды. Оттаивать бесполезно. Размазня будет несъедобная. Ну хрен бы с ними, с овощами. Мяса у людей дома дня на три, а на складе столовском – ещё на три. Если людям потом раздать по семьям. У кого два едока, а у кого четверо-пятеро. Если морозить вот так будет ещё хоть пару недель – голод у нас возникнет. А на холоде да ещё и в голоде – вымрет совхоз быстро. Ну,

больше половины – точно. Думай, Ильич. Я тоже посоображаю. Варианты есть. В долг дадут. Рассчитаемся весной. Звони насчёт угля, дров мяса, картошки и морковки хотя бы.

– А ты зерно в тепло спрятал, которое на зиму оставили? – Данилкин между прочим спросил, вскользь. И так ясно было, что спрятал.

– Ну, – застёгивая тулуп и напяливая шапку, кивнул Серёга. – Зерно всё в мешках. Триста штук. Пятнадцать тонн. В пустой дом, откуда Малышенко сбежал в свой Харьков. Там три комнаты и кухня. Всё вошло. Валечка Савостьянов печку топит. Утром и на ночь. Тепло. Жить даже можно. Некому только. Ладно, пошел я. Надо ещё на три чердака соломы накидать. Мужики ждут.

Попрощались. Данилкин загрузил районную телефонистку, радостную от того, что мороз не порвал провода и связь работала. А Серёга Чалый до вечера возил и утапывал на чердаках солому с Кравчуком и Игорьком Артемьевым, после чего поехали они в кузню погреться и приголубить литр самогона. Вот именно тогда и приехали со своей бедой мужики из колхоза «Енбек». Марат Кожаметов, сын председателя и парторг Андрияша Зинченко.

За три последних ночи в их холодных фермах и кошарах замерзли насмерть все коровы, свиньи, овцы и куры. Описывать состояние этих ребят я не стал подробно и в прошлой главе, и сейчас не буду. Неловко показывать крепких мужчин в том виде, в какой опустило их самое большое для скотоводов горе.

– А почему председатель за нами вас послал? – Мельком, на ходу спросил Олежка Николаев. – У вас вроде и своего народа навалом. И тракторов.

– Они замёрзли под вечер. – Марат опустил глаза. – Отец мой – председатель. Знаете же. Он сказал, что всех своих соберет утром на собрание и доложит. У нас же восемьдесят процентов людей – скотоводы. Поднять их всех вечером и повести к трупам – опасно очень. Может быть всё, что угодно. Бунт, мятеж. До резни может дойти. А так он утром рано сам объедет всех и каждому отдельно сообщит. На собрание к десяти все придут решать – как быть дальше. Но чтобы они увидели своих мёртвых животных, да ещё и сжечь их самим... Это, отец сказал, по психике так саданёт! И отца убить могут и друг друга порезать. Отец знает – как правильно сделать. Он – аксакал. Мудрец. Просто у нас бедный колхоз и утеплить фермы и кошары нам все равно не на что. Да и не ждали такого мороза.

Все семеро корчагинцев, отчаянных и бесстрашных, работавших за всех сразу и успевающих делать всё быстро и правильно в нечеловеческих условиях ледящего души холода, поехали на тракторах в «Енбек». Недели на подвески бульдозерные ножи, чтобы расчистить площадку для мёртвых животных, свезти их туда и засыпать снегом до весны. Весной ребята из «Енбека» сами выкопают им братскую могилу и завалят землёй.

Трактор «енбековский», шедший первым, внезапно заглох и остановился. Прихватил-таки мороз солярку. Мало спирта налили, похоже. Весь караван подтянулся к нему и окружил, обливая машину светом фар.

– Греть бестолку, – осмотрел движок Чалый. – Хватануло по всей нижней трубке. Не оттаёт сейчас. Холодно очень. Давайте его на трос. В колхозе есть ещё трактора?

– Найдём, – ответил Зинченко Андрей и пошел за тросом.

– По тёмну спокойнее будет работать. Никто не придет смотреть. Хотя про парня, который повесился, про скотника вашего, уже все знают, да? – Олежка Николаев прицепил петлю троса к своему трактору.

– Знают немногие. Председатель. Жена скотника и брат его. Его уже похоронили, наверное, – Марат Кожаметов, хлопая рукавицами по всему телу, забрался в холодный трактор.

– Как поедешь, Марат? – Игорёк Артемьев подошел к кабине. – Околеешь за пятнадцать километров.

– А как ещё? – Кожаметов Марат улыбнулся и от усов его хрустящих отскочили и выпали на снег белые ледышки.

– Это, я к тебе с другой стороны сяду и мы по дороге будем толкаться всё время и валенками по металлу стучать. Тогда, глядишь, просто замерзнем, но не околеем до смерти, – Игорёк, напоминающий в трёхслойной одежке натурального колобка из сказки, переваливаясь с валенка на валенок забрался в кабину и крикнул Чалому: – Всё. Поплыли дальше.

Караван снова сдвинулся. В пустой степи, заваленной твердым от мороза снегом, замученной давлением ледяного воздуха, который тоже казался твердым как сам лёд, было не страшно, а жутко. Иногда Толяну Кравчуку казалось, что застывшая глыба чёрного неба, поливавшего Землю бледным и синеватым светом звёзд, раздавит ледяную толщу воздуха, расколлет её и всё, что есть на ней на кусочки, потом сотрёт в обжигающий холодом белый хрустящий порошок. И ничего не останется на земле степной кроме бесконечного снега. Кравчук остановил трактор, дождался, когда с ним поравняется Серёга Чалый и, открыв дверь, громко высказал ему своё предположение.

– Всё в природе может быть, – согласился Серёга и очень внимательно с головы до ног оглядел Кравчука. – Вот тут у меня сколько рычагов в кабине и сколько педалей?

– Два того и две другого, – удивлённо ответил Толян. – А хрена ли интересуешься? Сам забыл, сколько чего?

Чалый достал фляжку поллитровую и протянул Кравчуку.

– Будешь ехать – хлебай помалеху. Сам гнал. Ни грамма сивухи. Семьдесят пять градусов первач.

– На кой пёс мне твой хлебать-то? – Кравчук Толян аж подпрыгнул в тракторе. – У меня свой есть.

– Твой потом выпьем. После работы, – Чалый резко тронулся и свет фар его огромного трактора «Сталинец» выхватил из тьмы трескучей колышущийся в мираже черного, дрожащего от стылости воздуха, последний в караване трактор.

Толян Кравчук хлебнул большой глоток горящего во рту самогона, проглотил, закричал громко – сам не понял что, после чего все несурзные мысли вылетели из его головы и через

шапку да крышу трактора унесли, может, в космос далёкий, где ещё холоднее, чем сейчас на земле. А, может, замерзли сразу и потерялись в степи.

До колхоза «Енбек» оставался всего где-то час хода. И до страшной трагической работы – не больше.

***

В девять часов того же вечера совхоз «Альбатрос», покалеченный со всех сторон теми же сорока восемью градусами и таким же воздухом, которым нельзя было дышать, потому что он десятками иголок вонзался в ноздри или гортань, замер и обезлюдел. Все жили в тепле и уюте. Даже в старый посёлок, к которому приклеился целинный «Альбатрос», директор Дутов командовал протянуть трубы отопления еще семь лет назад, поэтому в домах у населения печки были чисто декоративными. Только большие любители печь хлеб, булочки и готовить мясо в чугунках старинным способом – в глубине ниши печной с задвижкой, вот они брали с центрального склада возле большой котельни пару-тройку мешков угля и немного дров для растопки. А котельня была замечательная и кочегары отменные. Они разогревали в котле воду до кипения в этот жуткий холод, но открывался автоматический клапан, сбрасывающий избыток давления и насосы мощные гнали воду по огромному кругу труб, закутанных стекловатой и закопанных в траншее на полтора метра. Даже при таком невероятном морозе вода в последних домах замкнутого круга не остывала ниже шестидесяти градусов, потому никто об уличном убийственном холоде и не думал. Пока, конечно, не приспичивало бежать в нужник. Туалеты в домах даже Дутов, который смог всё предусмотреть для беспечного житья-бытья народа, не предусмотрел почему-то. А справить нужду в сорок восемь градусов в холодном скворечнике было настолько не просто, что описывать процесс этот я не буду. Сами догадаетесь.

Народ «альбатросовский» в эти холода не работал вообще, потому как сразу же после уборочной технику смазали, почистили, вся солярка сразу же была разлита по бочкам и тоже содержалась в тёплом месте. Овощные, и зерносклады отапливались как магазины, две больницы, клуб и спортзал. Картошку из тёплого склада и мёрзлое мясо из единственного холодного, по заявкам трудящихся каждый день развозил по два раза в неделю Коля Петухов на тракторе с санным прицепом. Работали только скотники в утепленных и снабженных водяным отоплением фермах, птичниках и кошарах, да ещё девять девушек молоденьких в четырёх овощных теплицах, сделанных из стекла, вставленного ячейками в толстый деревянный каркас. Там было светло и в меру жарко. Девки имели в теплицах всё, что надо, и не очень. Например, радиолы им поставили. Пластинок всяких дали много. Почти половина из них была с классической музыкой, под которую, как считал главный агроном Алипов Игорь Сергеевич, всё росло веселее и вкусом выделялось от обычных, огородных. Ну, кроме радиол девушки имели всякие кремы, чтобы руки от возни с землёй не черствели, да лицо не разрыхлялось от влажности. Раскладушка была у каждой, чтобы разогнуться и выпрямиться на полчаса, ну и маленькие детские гантели для обязательной производственной гимнастики. Гимнастику он делали для сохранности форм женственных, которая нужна была при массовых попойках в бане, куда добрая судьба сводила всякие комиссии сверху или многочисленных друзей, которым отдых с красивыми девчонками был ещё более полезен, чем парная и берёзовый дух веников.

В общем, сильно отличалась жизнь в «Альбатросе» от существования в соседних совхозах. Это потому, что Дутов, директор, был из компании больших тамбовских и очень больших московских руководящих товарищей. Они Федора Ивановича Дутова из двенадцати кандидатур выбрали, направили его, главного агронома тамбовского совхоза «Маяк» директором

совхоза целинного. Который было задумано ещё в пятьдесят седьмом сделать на всю жизнь образцово-показательным и возить туда союзную и казахстанскую номенклатуру для получения приятного удивления, гордости и желания приводить «Альбатрос» в пример, а также на него равняться, как на флагмана целинной эпопеи. Сам Дутов был не только агрономом от бога, но и мужиком его природа с жизнью сделали к сорока годам мудрым, добрым, властным и одарили редчайшим звериным чутьём. Он предвидел хорошее и плохое одинаково точно, потому и сам никогда не ошибался, и другим не давал.

Дутову советская власть, пославшая директорствовать, давала всё ещё раньше, чем он у неё сам попросит. В том краю целины, где обосновался «Альбатрос» и земля была такая же, как везде. Солонец, да суглинок вперемежку с нормальной. Но только ему одному дали всю лучшую технику и «добро» на безотвальную пахоту плоскорезами, что не разрушало плодородный слой. Это он привёз с собой четырёх, выбранных не им, а московскими спецами, агрономов высшего класса. Это только его свели с кустанайским гигантом сельскохозяйственной науки Свечинским, учёным-новатором, познавшим, казалось, все до одной тайны земли, растений и вообще природы. Он пожил месяц в совхозе, осмотрел каждую посевную клетку и расписал как по нотам всё, что и как надо делать на этой земле. И только один Дутов мог без звонка к нему на опытную станцию возле города приехать, чтобы совета попросить. Остальных не принимал Свечинский. Своих дел особой государственной важности имел он не вагон даже, а эшелон с прицепом. Дутова научил мэтр как правильно пользоваться удобрениями, гербицидами и, что главное, какими именно. Ему первому в северной целинной зоне доверили сеять элитный сорт твёрдой пшеницы

«гордеифорте-10», которую с руками отрывали даже такие монстры земледелия, как Канада.

Вот по всем этим и другим, которых перечислять нет резона, причинам жил совхоз размеренно, без авралов, кутерьмы и путаницы. Спокойно жил, интересно и уверенно. Вот этот ненормальный холод погубил в «Альбатросе» только диких уличных птиц, какие не смогли вовремя спрятаться в тёплых чердаках или фермах. Они замерзали на многочисленных совхозных деревьях и крышах. Спаслись только успевшие спрятаться и сесть рядом с печными трубами на тех домах, где всё-таки варили и пекли еду в печках.

Замерзших на деревьях или даже на лету ворон, воробьёв, голубей и сорок собирал со снега тот же Коля Петухов на тракторе с небольшим прицепом в виде ящика. Он отвозил трупы окоченевшие далеко за село и там бульдозером забрасывал их снегом. До весны. По всей остальной территории целины, возле лесопосадок и редких зарослей кустарника да на холмиках степных лежало столько птиц, которых некому было убрать, что даже крепкие мужики, ездившие в другие сёла по делам, отворачивались, морщились, подавляя нечаянные слёзы.

Двадцать первого января, в субботу, на четвёртый день мороза страшного, припекло директору Дутову Федору Ивановичу в баньку сходить. Отдыхал он в ней всегда в одиночку, без соратников по руководству совхозом. Ну, в одиночку – тоже не точно сказано. Поскольку парился и отдыхал он в баньке, где приятно было душой расслабиться музыкой из радиолы и радостями плотскими с любимой девочкой Лапиковой Леночкой. Приехала она в пятьдесят седьмом дурочкой двадцатилетней, призванной исключительно комсомольским энтузиазмом и год шуровала тяжелой деревянной лопатой бурты на току. А через год на неё случайно напоролся проверяющий качество перебуртовки директор. Он долго стоял возле неё молча. Осмотрел оценивающим взглядом всю её внешнюю сущность по диагонали, потом точечно и

в глазах его мелькнула то ли радость, то ли жадность. Он долго стоял, смотрел и думал. Потом спросил, как зовут её и уехал. А дня через три послал кого-то на ток передать, что директор вызывает её в кабинет. Леночка прибежала бегом. Подумала, что Дутову не понравилось как она лопатой машет и он хочет перевести её на другую работу, где будет получаться лучше.

– Ты мне понравилась, – сказал ей Фёдор Иванович, не сообразив поздороваться. – Жену мою знаешь?

– Знаю. Хорошая, добрая женщина, – сказала искренне Леночка.

– Верно говоришь, – Дутов внимательно и долго глядел ей в глаза. После чего взгляд переместил на портрет Карла Маркса и сказал прямо, как на партсобрании. – Дружить со мной будешь? По-взрослому. Полюбовников и разврата у нас по большому счёту нет в стране, но если мужчина и женщина нравятся друг другу, они в виде исключения вспоминают, что это, занимаются этим и кроме того дружат. Вот я тебе нравлюсь?

– Да, – твёрдо сказала девочка Леночка. И не врала. Дутов ей очень нравился. Это был просто идеал мужчины. Мечта, а не мужик.

И с того дня у неё пошла другая жизнь, которую Фёдор Иванович развернул на сто восемьдесят градусов. Для неё он построил четыре теплицы, она со всего совхоза собрала на тепличную работу самых симпатичных девчонок и они под руководством Алипова Игоря за год сделали в них маленький рай. Всё, от редиски до помидоров, огурцов и всяких цветов было у совхозных трудяг и летом, и зимой. Дутов привез из тамбовской области эшелон прекрасной земли, которой хватило не только на теплицы, но и на огороды в каждом дворе, да ещё на посадку разных деревьев в совхозе, хоть и стоял он практически наполовину в хорошем природном лесочке. В оазисе степном.

А Леночка на всё время стала единственной любовницей директора Дутова, о чем знали все, включая жену Нину Игнатьевну. Леночка соперницей ей не была. Муж из дома не ушел бы, даже если бы приказали из ЦК КПСС. Заботился он о семье, где было ещё два сына почти взрослых, изо всех сил и с желанием чистым. И она эту слабость Феде простила сразу как узнала. Значит мужику нужно и тело молодое и душа. Она нутром чувствовала, что необходима была ему юношеская страсть, которая и семью не оскорбит и в работе тяжелой силы обновит. А потому просто предупредила его всего парой слов.

– Разлюбишь семью – уедем с пацанами.

– Нет, – взяв её за руки, жестко произнес Федор Дутов. – Не разлюблю. И девочка эта у меня любовница, а не любимая. Любимая – ты. И дети. Не бойся ни за меня, ни за себя и ребят, ни за Ленку. Не опозорю никого. И сам не осрамлюсь.

Так и продолжили жить. Леночке он построил аккуратный деревянный домик неподалёку от своего терема двухэтажного. Поработала она ещё три года в теплице, а потом пошла в клуб художественным руководителем, где заведующей была Нина Игнатьевна, жена Фекина. И жили они в ладу все, и странно было это всё, необычно и противоестественно. Но уж как стало, так и было.

В общем, доложил директор Дутов жене, что решил вечером попарится и пошел ещё засветло в баньку деревянную, такую чистую и пахучую сладким ароматом скоблёного дерева, вениками разнообразными и пивом, которое Фёдор Иванович и пил, и на каменку лил. Дима Огнев, управляющий делами банными, несмотря на зверский мороз расчищал лопатой двор от лишнего снега и попутно носил колотые дрова в кочегарку на обратную сторону домика. За баней он ухаживал как за собственной машиной, если бы она у него была. То есть, любовно. Возвеличил его в чин банного распорядителя Дутов из комбайнеров. Дима приехал в пятьдесят седьмом из Воронежа по путевке, но среди комбайнеров смотрелся инородно. Он был природным организатором. Талантливо проводил любые мероприятия, от свадеб до крупных совхозных праздников. Умел общаться с народом из высоких сфер без подхалимажа, но так тонко, что заезжие комиссии, которые директор поручал ему сопровождать и обслуживать, расставаясь, крепко жали ему руку, хлопали одобрительно по плечу и благодарили за всё, что он для них делал. Потому и определил его Дутов хозяином бани, места, где всё должно быть похожим на недолгое, но все же – счастье.

– Димыч! – сказал тихо директор Дутов, не заходя за ограду. – Мы с Ленкой часов в девять отдохнуть придем. Топи хорошо. До ночи тут будем. Пиво в холодильнике?

– Двадцать бутылок, – Огнев Дима воткнул в сугроб лопату и поднял одно ухо на шапке. – Там же балычок, сервелат, яблоки, конфеты, шоколад, коньяк.

Шашлык жарить?

– Не... Ленка не любит же. А я просто не хочу. Ты лучше ей лимонаду бутылки три принеси из чуланчика, да охлади маленько. В девять будем уже, – директор постучал ногой по ограде. Дерево издало странный звук, похожий на щелчок курка ружейного, незаряженного. – Дутов стукнул еще раз, хмыкнул и пошел в домик к Леночке Лапиковой. Она ещё не знала, что сегодня банька. С шоколадками и физическими любовными нагрузками.

***

В те же девять часов вечера, когда хозяин всего, что есть в «Альбатросе», Дутов Федор Иванович, откупорил первую бутылку городского «Жигулёвского», а Леночка Лапикова пошла в парную разогревать и без того горячую кровь, караван тракторов обогнул совхоз «Енбек» с подветренной стороны, чтобы звук моторов не разбудил население, и пошел прямо на скотофермы. Фары уже выхватывали их белые длинные тела из синей от холода тьмы, хотя проехать надо было ещё полтора километра. Доехали всё же. Встали полукругом. Уперлись фарами в раскрытые широкие ворота фермы. По всему засыпанному соломой цементному полу лежали, поджав ноги, коричневые мёртвые коровы, покрытые сверху тонким слоем инея, который всегда появляется в мороз на медленно остывшем теле. Серёга Чалый закурил и пошел внутрь. За ним потихоньку двинулись все остальные. Кроме Марата Кожаметова. Он сел на корточки и, глядя в снег возле валенок, водил большим пальцем в рукавице вокруг ног, оставляя на твёрдом как кирпич насте почти незаметную царапину.

– Ой, ;асірет! Біз ;азір ;алай т;рамыз?! – взвыл он внезапно как волк в степи. Тонко, протяжно и с жутковатым надрывом. Он долго кричал, одни и те же слова, упав на локти и уткнувшись шапкой в твердь снежную. Потом крик его превратился в стон, затем в свистящий хрип. Он поднимал голову, бросал мутный взгляд в ворота, смотрел страшными глазами на

коров, которые лежали плотно – одна к одной, а некоторые успели навалиться сверху на умирающих, но ещё чуть тёплых соседей своих и охладевали с ними вместе.

Видно было, что не метались они по стойлам и по свободной площадке за своими стойлами. Они, судя по не разбросанной ногами соломе, тихо ходили по ферме, мычали, наверное, прислонялись друг к другу, собирая последнее тепло тел в одном месте, а потом становились на колени. И, уже умерев, падали на бок. К ним подходили ещё живые, чувствуя уходящее, но всё-таки тепло, ложились на них и вскоре замерзали.

– Что Марат кричал? – спросил Валечка Савостьянов у молодого парня-казаха. Видно, работал тоже здесь. Откуда он вынырнул, из какого не освещенного оледеневшего угла фермы, никто не заметил. Парня трясло, бежавшие изо рта слюны застыли белыми твердыми извилинами. Такие же ледяные тонкие полоски спускались от глаз к подбородку. Лицо его было почти синим, а руки он держал, раскинув в стороны. Будто обнять кого-то хотел.

– Ой, горе! Как же мы теперь жить будем? – парень перевел Марата с большими перебивками. Рот не слушался его, открывался плохо и звуки получались рваные, срывающиеся, застывшие. Как всё вокруг.

Толян Кравчук его обнял, приподнял и понял что парень вряд ли будет стоять сам, если его опустить.

– Чалый! – сказал Толян и глазами показал на замёрзшего скотника. – По-моему...

– Быстро его в мой трактор! – рявкнул Серёга. – Вдвоем с Игорьком отнесите на сиденье. Мотор зажмите на большие обороты. Отойдет. Там жарко будет.

Так, Марат! Горе есть и обратно его в счастье уже не перекуешь. Кончай убиваться. Дело надо делать.

Он стал ходить между трупами, примерялся к воротам, прикидывал всевозможные траектории для тракторов, которые должны были задним ходом по очереди въезжать в двое ворот, прицеплять к тросам трупы, причем минимум по пять. Потом надо было волоочь их ещё два километра, там сваливать в кучу, поджигать, ждать, когда тела стоят и после этого засыпать их снегом. Много было работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.